

Вестник БарГУ

Научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 года

№ 1—2 (10), 2021

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnikbargu@gmail.com .

Подписные индексы: 00996 — для индивидуальных
подписчиков; 009962 — для организаций.
Свидетельство о регистрации средств массовой
информации № 1533 от 30.07.2012, выданное
Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей
аттестационной комиссии Республики Беларусь
от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический
журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические
науки и археология. Экономические науки.
Юридические науки» включён в Перечень научных
изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим наукам и археологии,
экономическим наукам, юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ»
включен в РИНЦ (Российский индекс научного
цитирования), лицензионный договор
№ 06-01/2016.

Выходит на русском и английском языках.
Распространяется на территории
Республики Беларусь.

Заведующий редакционно-издательской
группой А. Ю. Сидоренко
Технический редактор П. Н. Щербук
Компьютерная вёрстка С. М. Глушак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 20.12.2021. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага ксероксная. Печать цифровая.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 14,00.
Тираж 100 экз. Заказ . Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: Гродненское
областное унитарное полиграфическое
предприятие «Слонимская типография».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/203 от 07.03.2014, № 2
от 25.02.2014. Адрес: ул. Хлюпина, 16, 231800 г.
Слоним, Гродненская обл.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кочурко В. И. (гл. ред. журн.), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического образования, академик Международной академии наук педагогического образования, академик Академии экономических наук Украины, заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры технического обеспечения сельскохозяйственного производства и агрономии (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (зам. гл. ред. журн.), кандидат экономических наук, доцент, первый проректор (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (гл. ред. сер.), кандидат экономических наук, доцент, первый проректор (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Прудникова А. Н.** (отв. секретарь сер.) (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Гребень Т. М. (ред. текстов на англ. яз.) (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Андрияшко М. В. (отв. за направление «Юридические науки»), кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лизакова Р. А.** (отв. за направление «Экономические науки»), кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Ермакович Л. И.** (отв. за направление «Исторические науки и археология»), кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Безуляя В. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «БИП — Университет права и социально-информационных технологий», Минск, Республика Беларусь);

Быков А. А., доктор экономических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Василевич Г. А., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Вишневский А. Ф.**, доктор

исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь (учреждение образования «БИП — Университет права и социально-информационных технологий», Минск, Республика Беларусь); **Гурский В. Л.**, кандидат экономических наук,

доцент (государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь); **Демичев Д. М.**, доктор юридических наук,

профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Житкевич Г. Я.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,

Барановичи, Республика Беларусь); **Захарченко Л. А.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Кривуть В. И.**, доктор исторических наук, доцент (учреждение

образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Колядко И. Н.**, кандидат юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Куган С. Ф.**, кандидат

экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Лабейко О. А.**, кандидат

экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Литвинский А. В.**, кандидат исторических наук (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи,

Республика Беларусь); **Лосев В. В.**, кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Луценко А. И.**, доктор экономических наук, профессор (государственное научное

учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь); **Людвигевич О. Н.**, кандидат юридических наук (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);

Манкевич И. П., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Медведева Г. Б.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Нечухрин А. Н.**, доктор исторических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Омельянюк А. М.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Познякевич В. Н.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Посохина Г. И.**, кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь); **Рябова К. И.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Солодовников С. Ю.**, доктор экономических наук, профессор (Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь); **Таранова Т. С.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Функ Я. И.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Шевлюков А. П.**, доктор экономических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», Гомель, Республика Беларусь); **Яковчик Н. С.**, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь (Институт повышения квалификации и переподготовки кадров агропромышленного комплекса учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск, Республика Беларусь).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Андреева О. В., кандидат экономических наук, доцент (Центр стратегических исследований социально-экономического развития Юга России РГЭУ (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **Астратова Г. В.**, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация); **Белянская О. В.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация); **Биглова Г. Ф.**, доктор экономических наук, доцент (Институт социально-экономических исследований федерального государственного бюджетного научного учреждения «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук», Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация); **Горбатова М. А.**, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Закирова Э. Р.**, кандидат экономических наук, доцент (Институт дополнительного образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация); **Звирибуле А.**, доктор экономических наук, профессор (Латвийский сельскохозяйственный университет, Елгава, Латвийская Республика); **Касич А. А.**, доктор экономических наук, профессор (Киевский национальный университет технологий и дизайна, Киев, Украина); **Кузнецова Ю. А.**, кандидат экономических наук (филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Российская Федерация); **Матвеев Я. Н.**, доктор юридических наук, кандидат наук (Университет в Белостоке по развитию сотрудничества с университетами Восточной Европы, Белосток, Республика Польша); **Момот Т. В.**, доктор экономических наук, профессор (Харьковский национальный университет городского хозяйства имени А. Н. Бекетова, Харьков, Украина); **Одинцова Т. М.**, кандидат экономических наук, доцент (Институт финансов, экономики и управления федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Российская Федерация); **Острогляд А. В.**, кандидат юридических наук, доцент (учреждение высшего образования «Университет Короля Данила», Ивано-Франковск, Украина); **Терзиев В. К.**, доктор наук (экономика), доктор наук (национальная безопасность), доктор наук (социальная деятельность) профессор (Военная академия имени Георгия Раковского, Русенский университет имени Ангела Кънчева, Русе, Болгария); **Шалаев В. П.**, доктор философских наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация); **Шаркова А. В.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация).

Promoter: Educational institution
"Baranovichi State University".

Editorial address:
21 Voykova Str., 225404 Baranovichi.
Phone: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: vestnikbargu@gmail.com .

Subscription indices: 00996 — for individual subscribers;
009962 — for companies.
The certificate of the registration of mass media № 1533
of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information
of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher
Attestation Commission of the Republic of Belarus on
January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal
"BarSU Herald", the series "History of science and
archaeology. Economics. Laws" was included on the list of
the scientific publications of the Republic of Belarus for
publishing the results of dissertation research History of
science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal "BarSU Herald"
is included into RSCI (Russian Science Citation Index),
license agreement № 06-01/2016.

Issued in Russian and English. The journal is distributed
on the territory of the Republic of Belarus.

Managing editor A. Y. Sidorenko
Technical editor L. N. Scherbuk
Desktop Publishing S. M. Glushak
Proofreader N. N. Kolodko

Signed print 20.12.2021. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox.
Digital printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 18,70.
Acc.-pub. s. l. 14,00. Circulation of 100 copies.
Order . Free price.

Printing performance: Grodno Regional Printing Unitary
Enterprise "Slonim printing establishment". The state
registration certificate of the publisher, manufacturer and
publications distributor № 1/203 of 07.03.2014, № 2
of 25.02.2014. Address: 16 Hlyupin St., 231800 Slonim,
Grodno region.

EDITORIAL BOARD

Kochurko V. I. (*editor-in-chief*), DSc in Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, academician of the International Academy of Pedagogical Education, Academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus, Professor of Department of Technical Support of Agricultural Production Processes and Agronomic Sciences (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*deputy editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*the series editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Prudnikova A. N.** (*executive secretary of the series*) (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Greben T. M. (*ed. of texts in-English*) (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Andryashka M. V. (*responsible for the area "Law"*), PhD in Law, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus);

Lizakova R. A. (*responsible for the area "Economics"*), PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Ermakovich L. I.** (*responsible for the area "Historical Sciences and Archaeology"*), PhD in History, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus).

Bezuglaya V. A., PhD in Economics, Associate Professor (Private educational institution "BIP — university of law and social-information technologies", Minsk, the Republic of Belarus);

Bykov A. A., Doctor of Economic Sciences, Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Vasilevich G. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Honored Lawyer of the Republic of Belarus (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Vishnevskiy A. F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus (Private educational institution "BIP — University of law and social-information technologies", Minsk, the Republic of Belarus); **Gurskiy V. L.**, PhD in Economics, Associate Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus);

Demichev D. M., Doctor of Legal Sciences, Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Zhitkevich G. Ya.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus);

Zaharchenko L. A., PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Krivut V. I.**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus);

Kolyadko I. N., PhD in Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Kugan S. F.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus);

Labeyko O. A., PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Litvinskiy A. V.**, PhD in History (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus);

Losev V. V., PhD in Law, Associate Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Luchenok A. I.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus);

Lyudvikevich O. N., PhD in Law (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Mankevich I. P.**, PhD in Law, Associate Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Medvedeva G. B.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus);

Nechuhrin A. N., Doctor of Historical Sciences,

Professor (Educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Omelyanyuk A. M.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Poznyakevich V. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Posohina G. I.**, PhD in History, Associate Professor (Educational institution "Brest State A.S. Pushkin University", Brest, the Republic of Belarus); **Ryabova K. I.**, PhD in Economics, Associate Professor (Educational institution "Baranovichi State University", Baranovichi, the Republic of Belarus); **Solodovnikov S. Yu.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "Belarusian National Technical University", Minsk, the Republic of Belarus); **Taranova T. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belorussian State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Funk Ya. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Shabanov V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Shevlyukov A. P.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Educational institution "The Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation", Gomel, the Republic of Belarus); **Yakovchik N. S.**, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Honored Worker of Agriculture of the Republic of Belarus (Professional Development and Retraining Institute of Agribusiness Specialists of Educational institution "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk, the Republic of Belarus).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Andreeva O. V., PhD in Economics, Associate Professor (the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia RSUE, Rostov-on-don, Russian Federation); **Astratova G. V.**, Doctor of Economic Sciences, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education of Russian Federation (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation); **Belyanskaya O. V.**, PhD in Law, Associate Professor (the Institute of Law and National Security of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation); **Biglova G. F.**, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor (the Institute of Socio-Economic Studies of the Federal State Budgetary Institution of Science "Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences", Ufa, Bashkortostan, Russian Federation); **Gorbatova M. A.**, PhD in Law, Associate Professor (Saint Petersburg Institute (Branch) of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University (RLA of the Ministry of Justice of Russia", Saint Petersburg, Russian Federation); **Zakirova E. R.**, PhD in Economics, Associate Professor (the Institute of Continuing Education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Economic University", Yekaterinburg, Russian Federation); **Zvirbule A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Latvia University of Agriculture, Jelgava, Republic of Latvia); **Kasich A. A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Kyiv National University of Technologies and Design, Kyiv, Ukraine); **Kuznetsova Yu. A.**, PhD in Economics (the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University in Novokuznetsk", Novokuznetsk, Russian Federation); **Matveyuk Ya. N.**, Doctor of Legal Sciences hab. (Bialystok University for the Development of Cooperation with Universities of Eastern Europe, Bialystok, Republic of Poland); **Momot T. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (A.N. Beketov National University of Urban Economy in Kharkiv, Kharkiv, Ukraine); **Odintsova T. M.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institute for Finance, Economics and Management of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University", Sevastopol, Russian Federation); **Ostroglyad A. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Higher Educational Institution "King Danila University", Ivano-Frankivsk, Ukraine); **Terziev V. K.**, D.Sc. (Economics), D.Sc. (National Security), D.Sc. (Social Activities), Professor (Military Academy "G. S. Rakovski", the University of Ruse "Angel Kanchev", Rousse, Bulgaria); **Shalaev V. P.**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Volga State University of Technology", Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, Russian Federation); **Sharkova A. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Булаты П. Ю. Визначэнне і раскрыццё тэрміну «тытулярная традыцыя» ў кантэксце гісторыі Вялікага княства Літоўскага

Загідулін А. М. Праблема наймення беларускіх і ўкраінскіх зямель у складзе Польшчы (1921—1939) у сучаснай беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі

Ирха Е. М. П. Н. Жукович о религиозно-политической борьбе в Речи Посполитой в первой трети XVII века

Кейко Ю. В. Деятельность церковных советов и приходских попечительств по организации православного храмового строительства на территории Беларуси (1864—1890)

Котусев Е. Н. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве Н. Н. Любовича

Кривуть В. И. Гарнизон «Барановичи» и реализация официальной молодежной политики в межвоенный период

Куньпэн Х. Сотрудничество Китая и Всемирной организации здравоохранения в постэпидемическую эпоху (COVID-19)

Некрасевич Ф. А. Проявления коррупции при проведении рекрутских наборов в белорусских губерниях Российской империи (1831—1856)

Обелевский А. А. Эволюция нормативно-правовой базы в сфере физической культуры и спорта Республики Беларусь

6 **Bulaty P.** The definition and disclosure of the term “titular tradition” in the context of the history of the Grand Duchy of Lithuania

12 **Zahidulin A. M.** The problem of naming of Belarusian and Ukrainian lands within Poland (1921—1939) in modern Belarusian and Ukrainian historiography

18 **Irkha E. M.** P. N. Zhukovich on the religious and political struggle in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the first third of the XVII century

24 **Keiko Yu. V.** The activity of church councils and parish trustees in organizing orthodox church construction on the territory of Belarus (1864—1890)

30 **Kotusev E. N.** Fundamental ideas of Russian historical Polonistics and their refraction in the works of N. N. Lyubovich

45 **Krivut V. I.** Garrison “Baranovichi” and realization of official youth policy during the interwar period

50 **Kunpeng H.** Cooperation between China and the World health organization in the post-epidemic era (COVID-19)

54 **Nekrashevich P. A.** Corruption manifestations during recruitment in the belarusian governorates of the Russian empire (1831—1856)

59 **Obelevskiy A. A.** Evolution of the regulatory and legal framework in the sphere of physical culture and sport of the Republic of Belarus

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMICS

Богдан Я. А. Апробация методики оценки эффективности управления инвестициями в человеческий капитал в организации в условиях инновационной экономики (на примере ОАО «Светлогорск-Химволокно»)

Дербинская Е. А. Методика оценки конкурентоспособности национальной системы высшего образования

Климук В. В. Исследование факторов активизации инновационного наукоемкого молодежного предпринимательства

Лабун Д. В. Теория ограничения систем как современная концепция управления для повышения эффективности организации в контексте формирования экономической безопасности

Пономарева М. С. Управленческий учет затрат (расходов) и доходов от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж

Рябова К. И. Динамика воспроизводства научных кадров высшей квалификации как фактора накопления интеллектуального капитала в Республике Беларусь

Терзиев В. К. Социальное развитие и изучение социальной эффективности

Шах А. В., Колбаско И. В. Проектирование и оптимизация маркетинговых бизнес-процессов (на примере ООО «Бизнес энд Рост»)

65 **Bogdan Ya. A.** Approbation of the methodology of the effectiveness of the human capital investment management in the organization under the innovative economy (on the example of OJSC “Svetlogorsk-Khimvolokno”)

72 **Derbinskaya E. A.** Methodology for assessing the competitiveness of the national higher education system

80 **Klimuk V. V.** The study of factors activating innovative science-intensive youth entrepreneurship

90 **Labun D. V.** Theory of constraints as a modern management concept for increasing the efficiency of the organization in the context of forming economic security

97 **Ponomareva M. S.** Management accounting of costs (expenses) and income from the sale of goods when providing marketing tools to stimulate sales

103 **Ryabova K. I.** Dynamics of the reproduction of highly qualified scientific staff as a factor of the accumulation of intellectual capital in the Republic of Belarus

110 **Terziev V. K.** Social development and social efficiency study

120 **Shakh A. V., Kolbasko I. V.** Design and optimization of the marketing business processes of the organization (on the example of Business & Rost LLC)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LAW

Ананич С. М. Общая совместная собственность супругов: актуальные вопросы определения состава общего имущества

Богустов А. А. Вопросы коллизионно-правового регулирования в проектах гражданского кодекса СССР

Трушко М. А. Фирменное наименование и другие средства индивидуализации участников гражданского оборота: соотношение и основные принципы разрешения конфликтов

126 **Ananich S. M.** Common joint property of spouses: topical issues of determining the composition of common property

136 **Bogustov A. A.** Conflict-of-laws issues in the projects of the civil code of the USSR

141 **Trushko M. A.** Trade name and other means of individualization of participants in civil commerce: ratio and basis of conflict resolution

УДК 94(476)

П. Ю. Булаты, кандыдат гістарычных навук

Інстытут менеджменту спорту і турызму ўстановы адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт фізічнай культуры», пр-т Пераможцаў, 105, 220020 Мінск, Рэспубліка Беларусь, +375 (29) 576 03 86, pawelbulaty@gmail.com

ВЫЗНАЧЭННЕ І РАСКРЫЦЦЁ ТЭРМІНУ «ТЫТУЛЯРНАЯ ТРАДЫЦЫЯ» Ў КАНТЭКСЦЕ ГІСТОРЫІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

Артыкул прысвечаны разгляду і вызначэнню тэрміна «тытулярная традыцыя» ў дачыненні да спецыфікі грамадскіх інстытутаў Вялікага княства Літоўскага. Асаблівая роля ў грамадскім жыцці Вялікага княства Літоўскага ў XVI—XVIII стагоддзях адводзілася прадстаўнікам магнацкага саслоўя. Са з'яўленнем замежных тытулаў Святой Рымскай імперыі на землях Вялікага княства Літоўскага ў XVI стагоддзі ў сістэме магнацкага землеўладання з'явіліся буйныя тытулярныя маёнткі. Ідэйнае нападзенне тытулярных маёнткаў непарыўна звязана з семантычным нападзеннем тытулаў асабістых. Вызначэнне адметнасці тытулярнай традыцыі ў сацыяльнай структуры Вялікага княства Літоўскага дазволіць па-новаму зірнуць на тагачасныя культурныя працэсы і ступень іх інтэграцыі ў агульнаеўрапейскія культурныя працэсы, дзе тытулярная традыцыя трывала замацавалася ў структуры грамадства.

Ключавыя словы: тытулы; традыцыя; знасць; тэрміналогія; Вялікае княства Літоўскае.

Бібліягр.: 9 назваў.

P. Bulaty, PhD in History

Institute of Sports Management and Tourism of the Belarusian State University of Physical Culture,
105 Peramozhtsau Ave., 220020 Minsk, the Republic of Belarus, +375 (29) 576 03 86, pawelbulaty@gmail.com

THE DEFINITION AND DISCLOSURE OF THE TERM “TITULAR TRADITION” IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

The article is devoted to the consideration and definition of the term “titular tradition” in relation to the specifics of public institutions of the Grand Duchy of Lithuania. Representatives of the magnate class played a special role in the public life of the Grand Duchy of Lithuania in the 16th and 18th centuries. With the emergence of foreign titles of the Holy Roman Empire in the lands of the Grand Duchy of Lithuania in the XVI century, large titular estates appeared in the system of magnate land ownership. The ideological content of titular estates is inextricably linked with the semantic content of personal titles. Defining the essence of the titular tradition in the social structure of the Grand Duchy of Lithuania will allow a new look at the cultural processes of that time and the degree of their integration into European cultural processes, where the titular tradition is firmly established in society.

Key words: titles; tradition; elite; terminology; Grand Duchy of Lithuania.

Ref.: 9 titles.

Уводзіны. У розных грамадскіх сістэмах тытулы ва ўсе гістарычныя эпохі з'яўляліся адметным сацыяльным феноменам, неслі ў сабе адбітак свайго грамадства і свайго часу. Праз тытулы адлюстроўваўся «сацыяльны твар» гістарычнага перыяду і пануючай палітычнай сістэмы. Тытулы — свайго роду лакатары для вызначэння развіцця самаго грамадства. Ак-

туальнасць і значэнне вывучэння сацыяльных з’яў, звязаных з тытуламі, заключаецца ў тым, што прычыны і прычыны ўзнікнення тытулаў, эвалюцыя ў іх успрыманні і значэнні дазваляюць усебакова прадставіць гістарычны працэс, наблізіцца да разумення светапогляду чалавека з мінулага, раскрыць заканамернасці яго мыслення, сэнс учынкаў, наблізіцца да вывучэння сацыяльнай псіхалогіі элітарных груп грамадства, іх менталітэту. Усе адзначаныя з’явы ў спалучэнні з тытуламі можна акрэсліць тэрмінам «тытулярная традыцыя». Даць гэтаму тэрміну вызначэнне і раскрыць асаблівасць яго ўжывання для часоў Вялікага княства Літоўскага — мэта прадстаўленага даследавання.

Матэрыялы і метады даследавання. Сам тэрмін «тытулярная традыцыя» не вылучаўся ў гістарычных даследаваннях альбо сумежных гуманітарных дысцыплінах. Працэс вызначэння тэрміну «тытулярная традыцыя» заключаецца ў тэарэтычных пошуках і высновах з назапашаных ведаў. Выходзячы з гэтага і акрэсленай мэты вынікаюць выкарыстаныя намі матэрыялы даследавання: напрацоўкі гістарыяграфіі па тытулярнай тэматыцы і тэарэтычныя вызначэнні сумежных дысцыплін, якія прысвечаны тэме тытулаў і традыцыі.

Праблематыка развіцця і фарміравання айчынай тытулярнай традыцыі вызначаецца як комплексная. Вырашэнне галоўных пытанняў залежыць ад вырашэння шэрагу пытанняў лакальных, якія ахопліваюць розныя напрамкі гістарычных даследаванняў. Падрабязны разгляд гістарыяграфіі, які прысвечаны аспектам тытулярнай традыцыі, выходзіць за межы дадзенага даследавання (намі ён праводзіўся і прадстаўлены ў нашай працы «Ляхавіцкае графства ў сістэме магнатскіх уладанняў XVI—XVIII ст.» [1]). Агульныя ж высновы акрэслім.

Даследчыя напрацоўкі, у якіх адлюстроўваюцца і закранаюцца пытанні развіцця тытулярнай традыцыі на беларускіх землях перыяду XI—XVI стагоддзяў, з’яўляюцца грунтоўнымі і аб’ёмнымі. На іх падставе ўяўляецца магчымым сістэматызаваць і сфарміраваць бачанне развіцця тытулярнай традыцыі адзначанага перыяду, дакладна вызначыць сацыяльную глебу, на якую прыўносіліся ў XVI стагоддзі тытулы са Святой Рымскай імперыі. Актуальны стан гістарыяграфіі ў пытанні ролі тытулаў у грамадстве Вялікага княства Літоўскага адзначаецца недастатковай распрацаванасцю шэрагу ключавых момантаў. Так, маюцца лакуны ў вызначэнні этымалогіі і шляхоў з’яўлення на беларускіх землях тытулаў Святой Рымскай імперыі. Недастаткова раскрытыя прычыны ўзнікнення замежных тытулаў, іх роля, значэнне і ўспрыманне, а таксама разуменне іх сэнсавага напаўнення ў Вялікім княстве Літоўскім. Не акрэслена роля ўласных тытулаў у сацыяльна-эканамічным, палітычным і культурным жыцці краіны. Часткова напаўненне адзначаных прабелаў магчымае на падставе існуючых сумежных гістарычных напрацовак беларускіх і замежных даследчыкаў (працы па гісторыі дыпламатыі; даследаванні, прысвечаныя магнатэрыі; генеалагічныя і геральдычныя напрацоўкі).

Пры падрыхтоўцы артыкула выкарыстоўваліся агульнанавуковыя і спецыяльныя гістарычныя метады даследавання.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Тэрмін «тытулярная традыцыя», як можна заўважыць, складаецца з дзвюх састаўных самастойных элементаў: «тытул» і «традыцыя». Каб вызначыцца з выніковым вызначэннем мэтавай дэфініцыі, звернем увагу на прыватныя часткі агульнага тэрміна.

Тытул. Акрэслены тэрмін мае шмат значэнняў і ўжыванне у розных навуковых сферах: эканоміцы, агульнай юрыспрудэнцыі, маёмасным праве. У кантэксте нашага даследавання мы звяртаем увагу на вызначэнне тэрміну «тытул», які ўжываецца ў грамадскіх адносінах.

Слова «тытул» мае лацінскія карані і паходзіць ад *titulus* — надпіс, назва, ганаровае званне. Згодна з энцыклапедычным слоўнікам Ф. Бракгаўза і І. Ефрона, у старажытных рымлян тытулам называўся любы кароткі надпіс, аб’ява альбо цэтлік на бытавым прадмеце, прадметах продажу, на храмах, статуях, будынках, надмагіллях [2, с. 258]. У слоўніку лацінскіх слоў тэрмін *titulus* мае наступныя значэнні і прыклады ўжывання (акрэслім важныя для кан-

тэксту нашага даследавання): 1) надпіс (*rerum gestarum titulus* — надпіс з пералікам подзвігаў); 2) надмагільны надпіс, эпітафія (*titulus sepulcri*); 3) ганаровае званне, слаўнае імя, гонар, годнасць, слава (*titulus captae urbis* — гонар узяцця гораду); 4) подзвіг, заслугі (*per titulos alicujus ingredi* — усхваляць чыйсьці подзвіг) [3].

У антычным значэнні ганаровага звання тэрмін «тытул» перайшоў у эпоху Сярэднявечча, дзе тытулы пашырыліся і сталі маркерам фарміравання іерархічнай структуры грамадства. У гэтым значэнні «тытул» можна вызначыць як пажыццёвае, спадчыннае альбо нададзенае ганаровае родавае званне, якое было замацавана за асобай высокага сацыяльнага стану [4, с. 98]. У дадзеным падыходзе для нас важнымі будуць тыя ўласцівасці, які характарызуюць тытулы: *пажыццёвасць* (наданне тытула без вызначэння часовых абмежаванняў, гэтым тытулы адрозніваюцца ад пасадак, якія маюць вызначаную кадэнцыю); *спадчыннасць* (права перадаць тытул нашчадкам альбо атрымаць яго па факце ўласнага нараджэння); *родавасць* (тытул распаўсюджваецца на прадстаўнікоў усяго роду); *магчымасць атрымання* (кола носьбітаў тытулаў не закрытае, тытул можна атрымаць пры пэўных умовах). У такім значэнні тытул выступае як інструмент падкрэслівання асаблівага, прывілеяванага становішча яго носьбіта.

На тытул у вузкім значэнні ганаровага родавага альбо нададзенага звання ўвагу звярталі даследчыкі, якія вывучаюць ролю тытулаў у сацыяльных адносінах. Так, паводле гісторыка Л. Шэпелева, тытул — гэта ўстаноўленае законам славеснае вызначэнне службовага становішча іх носьбітаў, якое каратка вызначае іх правы статус [5, с. 3]. Блізкай па значэнні і больш лаканічнай фармулёўкі прытрымліваецца даследчык Г. Мурашоў. Паводле яго высновы, тытул — гэта ўстаноўленыя законам славесныя вызначэнні службовага і саслоўна-родавага становішча іх носьбітаў [6, с. 3]. У гэтым кантэксце пры разглядзе тытулаў акцэнт робіцца на іх фармальныя прыкметы: статус тытула акрэсліваецца законам, адпаведна, кожны тытул мае набор сацыяльных пазіцый (магчымасцей, прывілеяў), чым вызначаецца строгі правы статус яго носьбіта. Тут будзе дарэчным звярнуць увагу на канкрэтны гістарычны прыклад. Так, у Святой Рымскай імперыі існавала складаная іерархія тытулаў, у якую ўваходзілі і тытулы імперскія. Апошнія давалі іх носьбітам права голасу ў Рэйхстагу. Гэта значыць, імперскія тытулы давалі іх носьбітам канкрэтныя палітычныя правы [1, с. 35].

Звернем увагу на падыход да вызначэння тэрміну «тытул», які акрэсліў амерыканскі даследчык К. Раффэнспэргер. У сваім вызначэнні гісторык не паглыбляецца ў доўгія фармулёўкі, ён лаканічна акрэслівае, што тытул — гэта важны індикатар статусу [7, с. 179]. Даследчык тлумачыць: калі мы пералічваем людзей, тытулы становяцца спосабам ранжыравання і вызначэння найбольш магутных (уплывовых) сярод сяброў, ворагаў, саюзнікаў, суседзяў [7, с. 179]. На нашу думку, падобны падыход злучае ўласцівасці тытула і яго фармальны бок. Праз вызначэнне «важны індикатар статусу» перадаецца функцыя тытула як інструмента вызначэння адметнага становішча, а таксама яго прававое напаўненне.

Традыцыя. У канструкцыі «тытулярная традыцыя» першасная (галоўная) частка — «традыцыя», другасная — «тытул». Традыцыя — глабальная з’ява, тытул у сістэме традыцыі — з’ява лакальная, падпарадкаваная. Пры разглядзе паняцця «традыцыя» мы імкнёмся даць адказ на пытанне: ці ёсць месца тытулам у гэтай сацыякультурнай з’яве?

Тэрмін «традыцыя» досыць распаўсюджаны, яго вызначэнне добра распрацавана ў навуковых апаратах розных дысцыплін. Для нашага даследавання важнымі будуць тыя напрацоўкі, якія былі назапашаны ў філасофіі і сацыялогіі.

Тэрмін «традыцыя» паходзіць з лацінскай мовы (*tradition* — перадача, паданне) і вызначаецца тым, што гэта ўніверсальная форма фіксацыі, замацавання і выбарчага захавання тых ці іншых элементаў сацыякультурнага досведу, а таксама ўніверсальны механізм яго перадачы, які забяспечвае ўстойлівую гістарычную пераемнасць у сацыякультурных працэсах. Тым самым традыцыя ўключае ў сябе тое, што перадаецца, і тое, як ажыццяўляецца гэта перадача [8, с. 841—842]. У прыведзеным вызначэнні звернем увагу на словазлучэнне «сацыякультурны досвед», які, па сутнасці, з’яўляецца ці ж не самым ключавым у вызначэнні традыцыі.

Так, сацыякультурны досвед — гэта важная змястоўная кампанента культуры, якая з'яўляецца гістарычна адабранай і замацаваўшайся у грамадскай свядомасці формай ажыццяўлення любой сацыяльна значнай дзейнасці. Паставім пытанне: ці ўпісваецца «тытул» у дэфініцыю «сацыякультурны досвед»? На нашу думку, упісваецца. Абумоўлена гэта тым, што тытул — маркер сацыяльнага статусу. Лагічна заключыць, што крытэрыі вызначэння сацыяльнага палажэння будуць з'яўляцца сацыяльна значнай дзейнасцю. Адпаведна, тытулы і ўсё, што з імі звязана, — гэта сацыякультурны досвед.

Да вышэйсказанага дададзім важную акалічнасць. Дзеля таго, каб сацыякультурны досвед быў уключаны ў сістэму традыцыі, ён павінен прайсці адбор на ўстойлівасць і адносную масавасць ужывання ў структурах дзейнасці [8, с. 841—842]. Пры выкананні гэтай умовы досвед стане традыцыяй. На нашу думку, тытулы, як усеагульная з'ява, цалкам адпавядаюць сфармуляванай акалічнасці. Тытулы існуюць даўно і ў розных грамадскіх сістэмах (англійскае пэрства, імперскія тытулы Святой Рымскай імперыі, тытулы старажытнай Візантыі і інш.), іх ужыванне мае масавы ўніфікаваны характар. Гэта значыць, што тытулы, з'яўляючыся сацыякультурным досведам, прайшлі гістарычную селекцыю, прадэманстравалі ўстойлівасць і распаўсюджанне ў адносна шырокіх колах грамадства (найперш сярод элітарных станаў). Адпаведна, тытулы могуць спалучацца з традыцыяй і фармаваць адметную, лакальную яе форму — тытулярную традыцыю.

Такім чынам, мы можам зрабіць падагульненне і даць вызначэнне тэрміну «тытулярная традыцыя». Тытулярная традыцыя — гэта ўнармаваныя элементы сацыяльнай і культурнай спадчыны, якія перадаюцца ад пакалення да пакалення, захоўваюцца ў грамадстве і ўплываюць на нормы сацыяльных узаемаадносін на працягу доўгага часу. Тытулярная традыцыя мае свае элементы і формы праяўлення, якія, аднак, не носяць універсальны характар. Для кожнай адасобленай сістэмы, якой з'яўляецца асобнае грамадства і пад уплывам якога фарміруецца і развіваецца тытулярная традыцыя, будуць свае, адрозныя ад іншых гэтай самай традыцыі элементы. Калі казаць папросту, то кожнае грамадства, якое мае тытулярную традыцыю, напаяе яе сваімі ўласнымі сэнсамі і архетыпамі.

Тытулярная традыцыя Вялікага княства Літоўскага. Як мы адзначалі вышэй, галоўная мэта прадстаўленага даследавання — раскрыць асаблівасць ужывання тэрміну «тытулярная традыцыя» для часоў Вялікага княства Літоўскага. Адпаведна, мы не будзем факталагічна характарызаваць тытулярную традыцыю Вялікага княства Літоўскага (гэта досыць аб'ёмная даследчая тэма), мы пабудуем канструкт з яе элементаў.

Важна адзначыць істотную акалічнасць: адносная вага тытулярнай традыцыі ў той ці іншай грамадскай сферы розная, што дазваляе ахарактарызаваць яе як дынамічную і гнуткую. У розныя гістарычныя перыяды і ў розных грамадскіх сферах яна развівалася пад уплывам сацыяльных змен, істотна залежала ад палітычнай і грамадскай кан'юнктуры. У прымяненні да сацыяльнай сістэмы Вялікага княства Літоўскага перыяду XIII—XVIII стагоддзяў вылучым дзве ўмоўныя сферы, у якіх мае месца быць тытулярная традыцыя: сфера яе праяўлення і сфера яе ўплыву.

Пад *сферай праяўлення* тытулярнай традыцыі мы разумеем тыя сацыяльныя плоскасці, у якіх замацаваліся тытулы, сфарміраваўся рэгламент іх ужывання. Для грамадства Вялікага княства Літоўскага фіксуецца тытулы, якія прымяняліся для асоб (асабістыя тытулы), і тытулы, якія мелі дачыненне да формаў землеўладання (тытулы маёнткаў).

Пры разглядзе асабістых тытулаў важна мець на ўвазе, што ў дачыненні да Вялікага княства Літоўскага мелі месца два тытулярныя інстытуты: тытулы манарха (аб фарміраванні манаршай тытулатуры можна даведацца з даследавання гісторыка А. Дзярновіча «Рэгаліі Літвы: што ўзнікла спачатку — вялікі князь ці Вялікае Княства?» [9]) і тытулы знаці.

У традыцыі ўжывання асабістых тытулаў, якая сфарміравалася на землях Вялікага княства Літоўскага, разнастайныя асабістыя саслоўныя тытулы не набылі такога вялікага распаўсюджвання, як у краінах Заходняй Еўропы, дзе тытулярная лесвіца мела складаную саслоўную іерархію. Галоўная адметнасць развіцця айчыннай наблітацыі заключалася ў тым,

што ў перыяд IX—XV стагоддзяў, калі адбывалася яе фарміраванне і ўсталяванне, ужывалася толькі адзіная форма тытулавання — князь. І толькі ў XVI стагоддзі на землях Вялікага княства Літоўскага з'яўляюцца іншыя тытулы — граф і князь Святой Рымскай імперыі. Яскравы прыклад асабістага тытула — тытул Мікалая Крыштафа Радзівіла Сіроткі: «князь на Алыцы і Нясвіжы, граф на Шыдлоўцы і Міры».

Для абазначэння праяўлення тытулярнай традыцыі ў сферы зямельнага ўладання выкарыстаем тэрмін «тытулярны маёнтак». Пад ім разумеецца ўладанне, якое мае дакументальна зафіксаваны ганаровы тытул: графства, княства (Нясвіжскае княства, Ляхавіцкае графства, Быхаўскае графства і інш.). У шэрагу краін Заходняй Еўропы і ў Вялікім княстве Літоўскім ганаровае, спадчыннае альбо нададзенае званне мела канкрэтна вызначаную геаграфічную лакалізацыю. Як правіла, акрэслівалася яно маёнткам, падуладным носьбіту ганаровага тытула. Адметнасць тытулярнага маёнтка заключалася перш за ўсё ў бюракратычнай сферы.

Пад *сферай уплыву* тытулярнай традыцыі разумеюцца тыя грамадскія сферы, на функцыянаванне якіх уплывалі тытулы, дзе менавіта тытулы сталі прычынай адметнасці. Для грамадства Вялікага княства Літоўскага мы вылучылі тры асноўныя сферы ўплыву тытулаў (сфера ўплыву тытулярнай традыцыі — пытанне адкрытае і дыскусійнае, вылучаныя намі сферы не канчатковыя, могуць быць яшчэ дапоўнены):

1) формула наймення. Пад гэтым мы разумеем прынятую і дакладна акрэсленую ўнармаваную форму ўжывання тытулаў. Іншымі словамі, тытулы ўплываюць на тое, як людзі аднаго грамадства звяртаюцца адзін да аднаго. Пры наяўнасці тытула выбудоўваецца формула наймення асобы ў адпаведнасці з яе ганаровым саслоўным званнем і становішчам. Тытул у формуле наймення фіксуе этычную і сітуацыйную норму карэктнага публічнага прадстаўлення асобы альбо звароту да яе. Тытулярная формула наймення можа складацца з аднаго ці некалькіх слоў, якія ўжываюцца перад уласным імем носьбіта тытула. Таксама адзначым, што тытулярная формула выкарыстоўваецца як пры вусных зносінах, так і ў пісьмовых камунікацыях;

2) візуалізацыя статусу. Наяўнасць тытула ўплывае на родавую геральдыку. Графскі альбо княжацкі тытул уносіць карэктывы ў геральдыку, з'яўляюцца адпаведныя тытулу элементы (як правіла, гэта кароны). Акрамя таго, візуалізацыя тытулу (а разам з ім і статусу) можа адбывацца шляхам увасаблення свайго ўласнага імя праз жывапіс (як прыклад, сармацкі партрэт з подпісам, дзе фіксуецца поўны тытул асобы, выяўленай на ім) і пасмяротныя помнікі, эпітафіі;

3) сацыяльны капітал. Маюцца на ўвазе сацыяльныя сувязі і элементы, якія могуць выступаць рэсурсам атрымання выгод. Калі разглядаць тытул як сацыяльны капітал, то трэба адказаць на галоўнае пытанне: ці можа тытул быць рэсурсам, які можа прыносіць яго носьбіту сацыяльныя прэферэнцыі? Адпаведна, ад «вагі» тытула ў сацыяльным капітале залежыць узровень матывацыі для яго атрымання, вызначаецца «каштоўнасць» тытула ў грамадстве.

Заклучэнне. Намі вызначана, што *тытулярная традыцыя* — гэта ўнармаваныя элементы сацыяльнай і культурнай спадчыны, якія перадаюцца ад пакалення да пакалення, захоўваюцца ў грамадстве і ўплываюць на нормы сацыяльных узаемаадносін на працягу доўгага часу. Для кожнай адасобленай сістэмы тытулярная традыцыя мае свае адрозныя элементы і формы праяўлення. У прымяненні да сацыяльнай сістэмы Вялікага княства Літоўскага перыяду XIII—XVIII стагоддзяў прасочваецца *сфера праяўлення* (асабістыя тытулы знаці і манарха, тытулы маёнткаў) і *сфера уплыву* тытулярнай традыцыі (формула наймення, візуалізацыя статусу, сацыяльны капітал).

Прыведзеная мадэль — спроба пабудовы тэарэтычнага канструкту тытулярнай традыцыі ў прымяненні да грамадства Вялікага княства Літоўскага. Далейшыя эмпірычныя (археаграфічныя і гістарыяграфічныя) даследаванні змогуць напоўніць мадэль неабходнай факталагічнай масай.

Спіс цытаваных крыніц

1. Булаты, П. Ю. Ляхавіцкае графства ў сістэме магнацкіх уладанняў (XVI—XVIII ст.) / П. Ю. Булаты. — Мінск : БДУФК, 2020. — 217 с.
2. Titulus // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб., 1901. — Т. XXXIII (65). — С. 258.
3. Латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_rus/43836/titulus. — Дата доступа: 08.09.2021.
4. Титул // Большая энциклопедия. — М. : Терра, 2006. — Т. 51. — С. 98.
5. Шепелев, Л. Е. Титулы, мундиры, орден в Российской империи / Л. Е. Шепелев ; АН СССР. — Л. : Наука, 1991. — 222 с.
6. Мурашев, Г. А. Титулы, чины, награды / Г. А. Мурашев. — СПб. : Полигон, 2000. — 349 с.
7. Федосов, А. В. Королевство Русь / А. В. Федосов, К. Раффенспергер. — М. : Центрполиграф, 2021. — 254 с.
8. Традиция // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия. — Минск, 2002. — С. 841—842.
9. Дзярновіч, А. І. Рэгаліі Літвы: што ўзнікла спачатку — вялікі князь ці Вялікае Княства? / А. І. Дзярновіч // Фрэскі гісторыі : артыкулы і эсэ па гісторыі і цывілізацыі Беларусі і Цэнтральна-Усходняй Еўропы. — Мінск : РІВШ, 2011. — С. 24—63.

Паступіў у рэдакцыю 09.09.2021.

Репозиторий БарДУ

УДК: 930(477) : 94 (476) “1921– 1939”

А. М. Загідулін, кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы», вул. Э. Ажэшка, 22,
230023, Гродна, Рэспубліка Беларусь, azagidulin@tut.by

ПРАБЛЕМА НАЙМЕННЯ БЕЛАРУСКІХ І ЎКРАЇНСКІХ ЗЯМЕЛЬ У СКЛАДЗЕ ПОЛЬШЧЫ (1921—1939) У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ І ЎКРАЇНСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Мэта артыкула — выявіць асноўныя варыянты назвы тэрыторыі кампактнага пражывання беларусаў і ўкраінцаў у складзе Польшчы ў 20—30-я гады ХХ стагоддзя ў сучаснай беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі.

На аснове вывучэння беларускай, польскай і ўкраінскай гістарыяграфій з выкарыстаннем параўнаўчага метада даследуецца сучасная навуковая дыскусія вакол вызначэння паняццяў «Заходняя Беларусь» і «Заходняя Украіна».

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі тэрмін «Заходняя Беларусь» мае ўстойлівае значэнне і абазначае беларускія тэрыторыі, што знаходзіліся ў складзе Польшчы з 1921 па 1939 год. Польская гістарыяграфія адмаўляе тэрміны «Заходняя Беларусь» і «Заходняя Украіна». Ва ўкраінскай гістарыяграфіі тэрмін «Заходняя Украіна» выкарыстоўваецца пераважна ў савецкі час, у сучаснай гістарычнай навуцы дадзены тэрмін не з’яўляецца ўстойлівым для адназначнага вызначэння ўкраінскіх зямель у складзе Польшчы. У дадзены момант ўкраінскія вучоныя часцей выкарыстоўваюць традыцыйныя гісторыка-геаграфічныя назвы «Галічына», «Заходняя Валынь», «Холмшчына», «Падляшша», «Палессе».

Ключавыя словы: беларуская гістарыяграфія; ўкраінская гістарыяграфія; Заходняя Беларусь; Заходняя Украіна; Усходняя Галічына; Заходняя Валынь; Холмшчына; Падляшша; Палессе.

Бібліягр.: 22 назв.

A. M. Zahidulin, PhD in History, Associate Professor
Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Orzheshko Str., 230023 Grodno,
the Republic of Belarus, azagidulin@tut.by

THE PROBLEM OF NAMING OF BELARUSIAN AND UKRAINIAN LANDS WITHIN POLAND (1921—1939) IN MODERN BELARUSIAN AND UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY

The objective is to identify the main variants of the name of the territory of compact residence of Belarusians and Ukrainians within Poland in the 20—30s of the XX century in modern Belarusian and Ukrainian historiography. Based on the study of Belarusian, Polish and Ukrainian historiography with the use of a comparative method, the author examines the modern scientific discussion around the definition of the concepts of “Western Belarus” and “Western Ukraine”.

In modern Belarusian historiography the term “Western Belarus” has a stable meaning and means the Belarusian territories that were part of Poland from 1921 to 1939. Polish historiography rejects the terms “Western Belarus” and “Western Ukraine”. In Ukrainian historiography, the term “Western Ukraine” was used mainly in the Soviet era; in modern historical science, this term is not stable for an unambiguous definition of Ukrainian lands within Poland. Ukrainian scientists more often use traditional historical and geographical names of Eastern Galicia, Western Volyn, Kholmshchyna, Podlasie, Polesie.

Key words: Belarusian historiography; Ukrainian historiography; Western Belarus; Western Ukraine; Eastern Galicia; Western Volyn; Kholmshchyna; Podlasie; Polesie.

Ref.: 22 titles.

Уводзіны. Гісторык, абіраючы для сябе прадмет даследавання, вызначае геаграфічныя межы, у якіх дадзены прадмет намерваецца вывучаць. Часам гэтую працэдуру ўскладняюць неадпаведнасць тэрыторыі працякання вывучаемых гістарычных працэсаў з тагачасным адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам. У 20—30-я гады ХХ стагоддзя заходняя частка бела-

рускіх зямель уваходзіла ў склад Польшчы. Дадзеную тэрыторыю пражывання беларусаў у Польшчы ў савецкай і сучаснай беларускай гістарыяграфіі прынята абазначаць тэрмінам «Заходняя Беларусь». Нягледзячы на шырокае распаўсюджанне тэрміна, геаграфічныя межы «Заходняй Беларусі» і, адпаведна, колькасць і склад насельніцтва вызначыць дакладна ніхто не можа. Тэрыторыя, што ўвайшла ў 1921 годзе у склад Польшчы, не тое ж тэрыторыя, што вярнулася ў 1939 годзе у БССР, да таго ж далёка не ўся яна трапіла ў пасляваенную БССР і сучасную Рэспубліку Беларусь.

Падобная сітуацыя склалася і ва Украіне. Частка ўкраінскіх зямель таксама ўваходзіла ў 1920—1930-х гадах у склад Польшчы, а ў 1939 годзе была ўключана ў склад СССР. Актуальнасць дадзенага даследавання заключаецца ў магчымасці параўнання падыходаў беларускіх і ўкраінскіх гісторыкаў да вызначэння і наймення беларускіх і ўкраінскіх тэрыторый і рэгіёнаў, што ўваходзілі ў склад Польшчы ў міжваенны час.

Матэрыялы і метады даследавання. Мэта нашага даследавання — выявіць асноўныя варыянты назвы тэрыторыі кампактнага пражывання беларусаў і ўкраінцаў у складзе Польшчы ў 20—30-я гады ХХ стагоддзя ў сучаснай беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі.

Метадалагічную аснову даследавання складаюць гісторыка-параўнаўчы, гісторыка-генетычны і гісторыка-сістэмны метады. Работа грунтуецца на прыняццях гістарызму і аб'ектыўнасці.

Беларускія і ўкраінскія савецкія гісторыкі адназначна ўжывалі паняцце «Заходняя Беларусь» і «Заходняя Украіна», таму ў артыкуле асноўная ўвага сфакусіравана на аналізе пост-савецкай беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі. Прадметам даследавання з'яўляецца беларуская і ўкраінская гістарыяграфія 80-х гадоў ХХ — пачатку ХХІ стагоддзяў.

Моцную блытаніну ў беларускай гістарыяграфіі ў вызначэнні тэрыторыі і насельніцтва, здаецца, усім вядомай Заходняй Беларусі выдатна праілюстравалі У. М. Міхнюк [1]. Ён цытуе шэраг беларускіх даследчыкаў, якія называюць розныя лічбы памераў тэрыторыі і колькасці насельніцтва ў адносінах да аднаго рэгіёна — Заходняй Беларусі. Прааналізаваць вызначэнне беларускімі гісторыкамі тэрыторыі Заходняй Беларусі спрабуе А. Трафімчык [2].

Да пытання разнастайнасці акрэслення геаграфічных межаў Заходняй Беларусі звярталіся і польскія гісторыкі, напрыклад Я. Е. Мілеўскі [3], Я. Шумскі [4, с. 20—23].

Згаданыя гісторыкі прыходзяць да высновы, што праблема вызначэння дакладных геаграфічных межаў Заходняй Беларусі ўскладняецца шэрагам фактараў, асноўны з якіх — адсутнасць адзінадушша ў вырашэнні пытання далучэння Віленшчыны з Беласточчынай да Заходняй Беларусі, а калі далучаць, то ў якіх памерах. Немагчымасць дакладна вызначыць геаграфічныя межы даследавання беларусаў у складзе міжваеннай Польшчы прыводзіць да неадназначнасці вынікаў навуковых даследаванняў на іншую тэматыку.

Падагуліў гістарыяграфію паняцця «Заходняя Беларусь» А. А. Савіч, прысвяціўшы гэтаму цэлы раздзел сваёй манаграфіі. Ён адзначае, што грунтоўнае гісторыка-дэмаграфічнае даследаванне тэрыторыі і насельніцтва Заходняй Беларусі яшчэ наперадзе. А. А. Савіч перакананы, што за аснову вызначэння тэрыторыі Заходняй Беларусі трэба браць адпаведную беларускую этнічную тэрыторыю, якая гістарычна сфарміравалася да пачатку Першай сусветнай вайны [5, с. 54].

Сучасныя беларускія гісторыкі, каб пазбегнуць у сваім даследаванні блытаніны, выкліканай неадназначнасцю тэрыторыі, якую займае Заходняя Беларусь, пры вызначэнні геаграфічных межаў даследавання пералічваюць канкрэтныя паветы ваяводстваў Польшчы [6, с. 7].

Сярод ўкраінскіх гісторыкаў найбольш глыбока вывучаў гістарыяграфічную праблему наймення заходнеўкраінскіх земляў у складзе Польшчы Я. Вярменіч [7].

У дадзенай сітуацыі ёсць сэнс параўнаць як сіметрычную праблему вызначэння тэрыторыі Заходняй Украіны ў складзе Польшчы вырашае ўкраінская гістарыяграфія.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Тэрмін «Заходняя Беларусь» лічыцца агульнаўжывальным толькі ў беларускай гістарыяграфіі. Польскія гісторыкі негатыўна ставяцца да выкарыстання гэтай назвы, лічачы, што яна ўказвае на этнічную прыналежнасць дадзенай

тэрыторыі. У працах польскіх аўтараў і гістарычных дакументах польскага паходжання выкарыстоўваюцца тэрміны «паўночна-ўсходнія крэсы (ускраіны)», «усходнія ваяводства», «паўночна-ўсходнія ўскраінныя землі II Рэчы Паспалітай». Польскія гісторыкі А. Бергман, Я. Е. Мілеўскі звязваюць паходжанне тэрміна «Заходняя Беларусь» з Камуністычнай партыяй Заходняй Беларусі (КПЗБ), створанай у кастрычніку 1923 года, якая мела на мэце далучыць гэту тэрыторыю да БССР, што і дэманстравала сваёй назвай [8, с. 9—10; 3]. І. І. Коўкель пярэчыць польскім вучоным і называе часам узнікнення тэрміна восень 1920 года. На яго думку, Заходняя Беларуссю павінна была называцца буферная дзяржава, што складалася з беларускіх зямель былых Віленскай і Гродзенскай губерняў, якая на правах аўтаноміі магла ўвайсці ў склад Польшчы [9]. Гэта пытанне, як сцвярджае І. І. Коўкель, абмяркоўвалася падчас сустрэчы А. Луцкевіча і Ю. Пілсудскага. У. М. Міхнюк аналізуе пазіцыі розных беларускіх вучоных адносна тэрыторыі, якую займала Заходняя Беларусь у складзе Польшчы [1]. У яго даследаванні вызначаюцца дзве асноўныя прынцыповыя канцэпцыі разумення геаграфічных межаў Заходняй Беларусі ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі: першая ўключае ў сябе тэрыторыю пасляваеннай БССР і сучаснай Рэспублікі Беларусь, што з 1921 па 1939 год знаходзілася ў складзе Польшчы; другая — тэрыторыю, заселеную пераважна беларускім насельніцтвам, што па выніках Рыжскага мірнага дагавора адышла Польшчы (дадзеная канцэпцыя адрозніваецца ад першай уключэннем у склад Заходняй Беларусі Вільні і Віленшчыны, а таксама Беластока і Беласточчыны).

Ва ўкраінскай гістарыяграфіі і грамадскай думцы таксама існуе тэрмін «Заходняя Украіна». Але сітуацыя з гэтай назвай больш складаная. Капі «Заходняя Беларусь» у беларускай гістарыяграфіі — тэрмін досыць адназначны, то пад Заходняй Украінай у сучаснай украінскай гістарыяграфіі разумеюцца розныя тэрыторыі ў розныя гістарычныя эпохі. Па-першае, пасля падзелу ўкраінскіх зямель па Дняпры ў сярэдзіне XVII стагоддзя тэрмін «Заходняя Украіна» выкарыстоўваўся для тэрыторый, што не трапілі ў склад Расіі. Па-другое, адносна перыяду пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, украінскія гісторыкі пад Заходняй Украінай разумеюць тэрыторыі, якія ўвайшлі ў склад Аўстрыі, пазней Аўстра-Венгрыі. Па-трэцяе, Заходняя Украіна — тэрыторыя, што ў 20—30-я гады XX стагоддзя знаходзілася ў складзе Польшчы. Адносна апошняга перыяду сярод украінскіх гісторыкаў няма адзінадушша. Адназначна ўсе ўкраінскія землі ў складзе Польшчы называе Заходняй Украінай савецкая ўкраінская гістарыяграфія, што вывучае традыцыйныя для марксісцкай гістарыяграфіі пытанні [10]. Праўда, традыцыі савецкай гістарыяграфіі можна прасачыць і ў сучасных манаграфіях, дзе прадметам даследавання выступаюць з’явы і падзеі, вывучэнне якіх было актуальна ў савецкі час: нацыянальна-вызваленая барацьба, грамадска-палітычны рух, дзейнасць таварыства «Просвіта» і інш. Тут геаграфічнымі межамі выступаюць землі Заходняй Украіны [11; 12].

У постсавецкі час большасць украінскіх аўтараў, што даследуюць украінскую тэматыку міжваеннай Польшчы, імкнецца пазбягаць тэрміна «Заходняя Украіна». Справа ў тым, што ўкраінскія рэгіёны, якія ў 20—30-я гады знаходзіліся ў складзе Польшчы, маюць свае традыцыйныя гісторыка-геаграфічныя назвы: Заходняя Валынь, Усходняя Галічына, Холмшчына, Падляшша і Палессе. Усходняя Галічына — частка былой Галічыны, што мела аўтаномію ў складзе Аўстра-Венгрыі. Пазней на яе тэрыторыі Польшча ўтварыла тры ваяводства: Львоўскае, Станіславоўскае і Тарнопальскае. Прычым большая заходняя частка Львоўскага ваяводства займала карэнныя польскія тэрыторыі з польскім насельніцтвам. У выніку савецка-польскай вайны ў склад Польшчы трапілі землі, што раней знаходзіліся ў складзе Расійскай імперыі. Тут у лютым 1921 года былі ўтвораны Валынскае (з цэнтрам у Луцку), Палескае (цэнтр — Брэст) і Навагрудскае ваяводства. Знакаміты ўкраінскі гісторык, спецыяліст па праблемах міжваеннага перыяду С. Кульчыцкі ў адным з тамоў 15-томнай агляднай гісторыі Украіны «Украіна крізь вікі» тры апошнія згаданыя ваяводства называе паўночна-заходнімі землямі (у адносінах да ўсёй украінскай тэрыторыі) [13]. Польская ўлада імкнулася захаваць падзел паміж былымі аўстрыйскімі і расійскімі тэрыторыямі і нават захавала былую мяжу паміж Расійскай імперыяй і Аўстра-Венгрыяй — так званы Сакольскі кардон. Такім чынам, Заходняя

Україна ўяўляла сабой досыць неакрэсленую і неаднародную тэрыторыю, куды ўваходзіла адасобленая Усходняя Галічына і ваяводства, якія беларуская гістарыяграфія адносіць часткова да Заходняй Беларусі (размова ідзе пра Палескае ваяводства). Пытанне тэрытарыяльнага размежавання Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі пакуль застаецца адкрытым.

У сучаснай украінскай гістарыяграфіі часцей выкарыстоўваецца рэгіяналістычны падыход і ўсё больш з'яўляецца праца, што вывучаюць разнастайныя праблемы ў межах не Заходняй Украіны, а менавіта згаданых гісторыка-геаграфічных рэгіёнаў (Усходняй Галічыны, Заходняй Валыні, Холмшчыны, Падляшша і Палесся [14—18]) або канкрэтных ваяводстваў [19].

Варта адзначыць, што С. Кульчыцкі без ваганняў лічыць Палессе ўкраінскай тэрыторыяй. У дачыненні да іншых украінскіх тэрыторый, што апынуліся ў складзе Польшчы, С. Кульчыцкі прыводзіць дадзеныя аб нацыянальным складзе насельніцтва ў працэнтах, даказваючы наяўнасцю ўкраінцаў прыналежнасць рэгіёнаў да Заходняй Украіны. Гаворачы пра Палессе, такіх доказаў з указаннем працэнтаў аўтар не дае. Згадваючы нізкі ўзровень нацыянальнай самасвядомасці жыхароў Палесся, прафесар С. Кульчыцкі прыводзіць прыклад перапісу 1931 года, калі на Палессі было «зарэгістравана каля 700 тысяч чалавек, якія не назвалі сваёй роднай мовай украінскую. Мову, на якой яны размаўлялі (украінскую, звычайна), называлі “тутэйшай”, “мясцовай”, “хлопскай”» [13, с. 296, 282].

Як адзначалася вышэй, тэрмін «Заходняя Беларусь» польскія гісторыкі звязваюць выключна з КПЗБ і тэрыторыю Заходняй Беларусі вызначаюць па населеных пунктах, у якіх яна дзейнічала. Калі прымаць варыянт паходжання тэрміна «Заходняя Украіна» ад Камуністычнай партыі Заходняй Украіны (КПЗУ), то неабходна адначыць, што КПЗУ ўзнікла не адразу. Першапачаткова ў лютым 1919 года была ўтворана Камуністычная партыя Усходняй Галіцыі (КПУГ), якая пазней раскалолася на КПУГ-афіцыйную і КПУГ-апазіцыйную. КПЗУ ўтварылася ў чэрвені 1923 года праз аб'яднанне дадзеных партый у выніку катэгарычных патрабаванняў Камінтэрна. Дзейнасць новай партыі распаўсюдзілася на ўсе ўкраінскія землі ў складзе Польшчы [13, с. 301]. Такім чынам, да ўмяшальніцтва Камінтэрна ўкраінскія камуністы стварылі партыю, у назве якой фігуравала не Заходняя Украіна, а гістарычнае паняцце «Усходняя Галічына». Неабходна адзначыць, што Камінтэрн сачыў, каб тэрыторыі дзейнасці КПЗБ, КПЗУ і Камуністычнай партыі Польшчы (КПП) не перасякаліся. Гэтыя тэрыторыі, вызначаныя камуністамі, могуць разглядацца як адзін з варыянтаў размежавання Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі.

Сучаснай, заснаванай на заходнееўрапейскай метадалогіі, з'яўляецца кніга Львоўскага даследчыка Я. Грыцака «Нарысы гісторыі Украіны: фарміраванне сучаснай украінскай нацыі XIX—XX стагоддзя» [20]. Я. Грыцак сцвярджае, што Заходняя Украіна не з'яўляецца ўстойлівым гісторыка-геаграфічным паняццем, і дадзены рэгіён ахоплівае тэрыторыю, якая да 1939 года не знаходзілася пад уладай Расіі і Савецкага Саюза. Пасля завяршэння першай сусветнай вайны тэрыторыя Заходняй Украіны стала значна большай, чым яна была падчас габсбургскай улады. Г аўтар пералічвае яе канкрэтныя гісторыка-геаграфічныя рэгіёны: Валынь, Палессе і Холмшчына, якія ўвайшлі ў склад адноўленай Польскай дзяржавы, Бесарабія, якая трапіла пад уладу Румыніі [20, с. 340]. Вучоны не абмяжоўвае заходнеўкраінскія землі толькі міжваеннай Польшчай: «Заходнеўкраінскія землі ў перыяд з 1919 па 1939 год падзялілі між сабой тры дзяржавы — Польшча, Румынія і Чэхаславакія» [20, с. 341]. Аўтар таксама адзначае, што палякі не прызнавалі тэрмін «Усходняя Галічына», які мог прэтэндаваць на пэўную аўтаномію, і выкарыстоўвалі для гэтых тэрыторый назву «Усходняя Малапольшча» [20, с. 347].

І. Васюта ў сваёй манаграфіі, вывучаючы грамадска-палітычны рух у Заходняй Украіне, удакладняе, што Заходняя Украіна складаецца з Усходняй Галічыны і Заходняй Валыні [21, с. 3].

Ва Украіне на сённяшні дзень выдадзена досыць многа аглядных «Гісторыі Украіны», як аўтарскіх, так і калектыўных, а таксама падручнікаў. Аўтар сучаснага агляднага пяцітомніка «Нарысы навейшай гісторыі Украіны» А. Русначэнка выкарыстоўвае агульную назву «заходне-ўкраінскія землі», але толькі ў найменні раздзела. У тэксце ідзе канкрэтызацыя:

Усходняя Галіцыя, Валынь, Холмшчына, Падляшша, Палессе. Упамінаецца і тэрмін «Заходняя Беларусь» у якасці абазначэння зямель, населеных беларусамі [22, с. 535].

Пасля Другой сусветнай вайны ва УССР, а пазней у незалежнай Украіне назва «Заходняя Украіна» выкарыстоўваецца яшчэ і як геаграфічны тэрмін у двух значэннях: 1) сучасныя Львоўская, Тарнопальская і Івана-Франкоўская вобласці; 2) сем абласцей: да вышэйзгаданых дадаюцца Валынская, Ровенская, Чарнавецкая і Закарпацкая.

Заклучэнне. Назвы «Заходняя Украіна» і «Заходняя Беларусь» актыўна выкарыстоўваліся савецкімі публіцыстамі, гісторыкамі і палітыкамі. Гэтымі тэрмінамі абазначаліся землі, што ўваходзілі ў склад Польшчы, населеныя беларусамі і ўкраінцамі, на якія прэтэндаваў Савецкі Саюз. Для беларускай гістарыяграфіі сітуацыя фактычна не змянілася і ў постсавецкі час. Праўда, у вызначэнні дакладных межаў Заходняй Беларусі існуе некалькі варыянтаў, але беларуская гістарычная навука пакуль адназначна не спынілася ні на адным з іх. У. М. Міхнюк прапаноўвае лічыць назву «Заходняя Беларусь» не палітычнай, а чыста геаграфічнай, якая ўзнікла значна раней за 20-я гады ХХ стагоддзя [1, с. 20]. А. А. Савіч лічыць магчымым больш дакладна вывучыць нацыянальны склад насельніцтва рэгіёна і на яго аснове вызначыць тэрыторыю Заходняй Беларусі.

У сучаснай украінскай гістарычнай навуцы назва «Заходняя Украіна» не з'яўляецца адназначным гісторыка-геаграфічным тэрмінам. У розныя гістарычныя перыяды і ў розных гістарычных умовах дадзены тэрмін абазначаў розныя тэрыторыі. Тэрмін «Заходняя Украіна», у адрозненне ад тэрміна «Заходняя Беларусь», сёння не мае адназначнай прывязкі да міжваеннай Польшчы. Ён працягвае выкарыстоўвацца, але часцей у сучаснай украінскай гістарычнай літаратуры ўжываюцца традыцыйныя назвы гісторыка-геаграфічных рэгіёнаў: Усходняя Галічына, Заходняя Валынь, Холмшчына, Падляшша, Палессе. Тэрмін «Заходняя Украіна» часцей выкарыстоўваецца для агульнага абазначэння вышэйпералічаных рэгіёнаў, прычым як усіх разам, так і некаторых з іх.

Спіс цытуемых крыніц

1. Міхнюк, У. М. Заходняя Беларусь: да пытання тэрыторыі і насельніцтва (гістарыяграфічныя нататкі) / У. М. Міхнюк // Беларус. гістар. часоп. — 2004. — № 11. — С. 14—21.
2. Трафімчык, А. Заходняя Беларусь у часе і прасторы. Заўвагі да праблемы генезісу і лакалізацыі паняцця / А. Трафімчык // АРСНЕ — Пачатак. — 2014. — № 7—8 (128—129). — С. 15—53.
3. Мілеўскі, Я. Е. Заходняя Беларусь: да пытання тэрыторыі і насельніцтва / Я. Е. Мілеўскі // Беларус. гістар. часоп. — 1998. — № 3. — С. 40—42.
4. Шумскі, Я. Саветызацыя Заходняй Беларусі (1944—1953 гг.). Прапаганда і адукацыя на службе ідэалогіі / Я. Шумскі. — 2-е выд. — Смаленск : Інбелкульт, 2014. — 326 с.
5. Савіч, А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921—1939 гадоў : манаграфія / А. А. Савіч. — Брэст : БрДУ, 2019. — 300 с.
6. Загідулін, А. М. Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесіянальнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.) : манаграфія / А. М. Загідулін. — Гродна : ГрДУ, 2010. — 187 с.
7. Верменич Я. В. Західна Украіна як термін [Электронний ресурс] / Я. В. Верменич // Энцикл. історії України: Т. 3: Е-Й / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. ; НАН України. Інститут історії України. — Київ : Наукова думка, 2005. — 672 с. — Рэжым доступу: http://www.history.org.ua/?termin=Zakhidna_Ukr_termin. — Дата доступу: 12.12.2021.
8. Bergman, A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej / A. Bergman. — Warszawa : PWN, 1984. — 288 s.
9. Коўкель, І. І. Аб паходжанні тэрміну «Заходняя Беларусь», яе тэрыторыі, нацыянальным і канфесійным складзе насельніцтва (1921—1939 гг.) / І. І. Коўкель // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 16—18 нояб. 1999 г. / Гродн. гос. ун-т. — Гродно : ГрГУ, 2000. — С. 407—415.
10. Васюта, І. К. Соцыяльна-эканомічны відносіны на селі Західноў Украіны до воз'еднання / І. К. Васюта. — Львів : Вища шк., 1978. — 192 с.
11. Гаврiлiв, І. О. Західна Украіна у 1921—1941 роках : нарис історіі боротьбы за державность / І. О. Гаврiлiв : монографія. — Львів : Вид-во Львів. політехніки, 2012. — 472 с.

12. Зуляк, І. Діяльність «Просвіты» у Західній Україні в міжвоєнній період (1919—1939) / І. Зуляк. — Тернопіль : Воля, 2005. — 346 с.
13. Кульчицкий, С. Украина між двома війнами // Україна крізь віки. У 15 т. — Т.11. — Київ : Альтернатива, 1999. — 336 с.
14. Марківська, Л. Українська інтелігенція Волині між двома світовими війнами / Л. Марківська : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 — Історія України / Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федьковича. — Чернівці, 2003. — 14 с.
15. Раєвич, Т. Український жіночий рух на Волині (1921—1939 роки) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 — Історія України. / Т. Раєвич ; Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федьковича. — Чернівці, 2006. — 20 с.
16. Доброчинська, В. Інтелігенція в культурному житті Західної Волині (1921-1939) : автореф. дис. ... канд. іст. наук за спец. 07.00.01 — Історія України / В. Доброчинська ; Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Ін-т народознавства НАН України. — Львів, 2006. — 20 с.
17. Борщевич, В. Українське церковне відродження на Волині (20—40-ві рр. XX ст.) : монографія / В. Борщевич. — Луцьк : РВВ «Вежа» Вол. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2000. — 254 с.
18. Пономаренко, С. Культурно-освітні організації Волині 1921—1939 рр.: дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. — історія України. / С. Пономаренко ; Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки. — Луцьк, 2001. — 226 с.
19. Степанюк, С. Театральне життя Волинського воєводства 1921—1939 рр. / С. Степанюк : автореф. дис. ... канд. іст. наук. 07.00.01 — Історія України / Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки. — Луцьк, 2011. — 20 с.
20. Грицак Я. Й. Нарис історії України: Формування модерної української нації XIX—XX ст. / Я. Й. Грицак. — Київ : Уаkabo, 2019. — 656 с.
21. Васюта, І. К. Політична історія Західної України (1918—1939) / І. К. Васюта. — Львів : Каменяр, 2006. — 335 с.
22. Русначенко, А. Нариси новітньої історії України : у 5 кн. / А. Русначенко. — Київ : Олег Філюк, 2015. — Кн. 2. — 716 с.

Паступію у редакцію 01.03.2021.

РЕПОЗИТОРІЙ БАВ

УДК 930(438)''16''

Е. М. ИрхаУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», ул. Ожешко, 22,
230000 Гродно, Республика Беларусь, +375 (29) 780 56 32, Irxa_EM@grsu.by**П. Н. ЖУКОВИЧ О РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ
В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА**

В статье рассматриваются важнейшие результаты исследования П. Н. Жуковичем конфессионально-политической борьбы в Речи Посполитой, связанной с реализацией Брестской церковной унии в первой трети XVII века и активным сопротивлением ей со стороны православного населения. Основное внимание уделено сопоставлению подходов и оценок ученого применительно к борьбе с грекокатолической унией в первые годы XVII века и в 1609—1632 годах. Показано, что ученый увидел и в значительной мере аргументировал динамику форм и методов антиунионной борьбы, активизацию внесеймовых выступлений при сокращении эффективности собственно сеймового формата сопротивления унии. Проанализированы оценочные суждения исследователя в отношении места и роли казачества в движении за восстановление статуса православной веры, а также выраженного воздействия новых внешнеполитических проблем польского государства на религиозно-политическую активность православного дворянства.

Ключевые слова: церковная уния; православные; униаты; католики; сейм; сеймовая борьба; дворянство; казачество; историография; П. Н. Жукович.

Библиогр.: 17 назв.

Е. М. IrkhaEducational institution "Yanka Kupala State University of Grodno", 22 Ozheshko Str., 230000 Grodno,
the Republic of Belarus, +375 (29) 780 56 32, Irxa_EM@grsu.by**P. N. ZHUKOVICH ON THE RELIGIOUS AND POLITICAL STRUGGLE
IN THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH
IN THE FIRST THIRD OF THE XVII CENTURY**

The article examines the most important results of P. N. Zhukovich's study of the confessional and political struggle in the Polish-Lithuanian Commonwealth, related to the implementation of the Brest Church Union in the first third of the XVII century and the active resistance of the Orthodox population to it. Special attention is paid to the comparison of the scientist's approaches and assessments with regard to the struggle against the Greek Catholic union in the early years of the 17th century and in 1609—1632. It is shown that the scientist saw and substantially reasoned the dynamics of the forms and methods of the anti-union struggle and the intensification of the extra-Sejm speeches, while the efficiency of the Sejm format of the resistance to the union decreased. The researcher's judgments in relation to the place and role of the Cossacks in the movement for restoring the status of the Orthodox faith, as well as the pronounced impact of the new foreign policy problems of the Polish state on the religious and political activity of the Orthodox nobility have been analyzed.

Key words: Church Union; Orthodox; Uniates; Catholics; Sejm; Sejm Struggle; Nobility; Cossacks; Historiography; P. N. Zhukovich.

Ref.: 17 titles.

Введение. Внутриполитическая обстановка и политическое развитие Речи Посполитой в конце XVI — первой трети XVII века во многом определялись острыми конфликтами ведущих конфессиональных групп, связанных с Брестской церковной унией. Значительная часть православного населения, в основном проживавшего на белорусских и украинских землях, тогда называвшихся западнорусскими, выступила против грекокатолической унии в защиту своей веры и своей церкви.

Уроженец белорусской земли, заведующий кафедрой русской гражданской истории Санкт-Петербургской Духовной Академии (СПбДА) П. Н. Жукович первым в российской историографии XIX века обратился именно к сеймовой борьбе православного белорусско-украинского дворянства как против заключения унии, так и за минимизацию ее результатов, восстановление статуса православия в Речи Посполитой в последние годы XVI — первые десятилетия XVII века. Он проанализировал подготовку и работу всех сеймов, начиная с 1587 года, акцентируя свое внимание на позициях и парламентских действиях православной шляхты и ее союзников. При этом ученый рассматривал сеймовую борьбу в тесной связи с внутривителитическими процессами в Речи Посполитой и ее внешнеполитическими проблемами.

Материалы и методы исследования. К сожалению, научное наследие П. Н. Жуковича к настоящему времени еще не в полной мере изучено и оценено. Общую характеристику его жизненного пути и основных результатов научных исследований представила в своих публикациях профессор Минской духовной академии В. А. Теплова [1; 2]. Церковной и научно-педагогической деятельности П. Н. Жуковича посвящена историко-богословская диссертация П. Красиченко [3]. Его место в российской историографии второй половины XIX века рассмотрел в своей диссертации А. В. Литвинский [4], который также опубликовал интересную статью о П. Н. Жуковиче как исследователе конфессиональной истории Речи Посполитой [5]. Применительно к российской историографии истории Польши работы ученого представил Т. Т. Кручковский [6].

Среди российских исследований следует выделить монографию директора Центра украинистики и белорусистики МГУ М. В. Дмитриева о генезисе Брестской церковной унии [7] и его объемную публикацию о религиозных войнах в Речи Посполитой [8]. Феномену грекокатолической унии в освещении дореволюционной российской историографии, в том числе в работах П. Н. Жуковича, посвящены кандидатская диссертация и специальная статья протоиерея В. М. Вивчара (Омск) [9; 10]. В то же время специальные исследования главных научных трудов ученого практически отсутствуют в современной белорусской и российской историографии.

Цель данной статьи — охарактеризовать основные результаты анализа П. Н. Жуковичем конфессионально-политической борьбы в Речи Посполитой в первой трети XVII века.

В качестве основного источника в статье рассматривались научные труды П. Н. Жуковича о религиозно-политической борьбе в Речи Посполитой как на рубеже XVI—XVII веков, так и в 1609—1632 годах.

В ходе работы над статьей были использованы как общенаучные методы, так и специальные исторические (историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический).

Результаты исследования и их обсуждение. В 1901 году вышел в свет главный научный труд П. Н. Жуковича «Сеймовая борьба западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)» [11], который лег в основу его докторской диссертации, вскоре блестяще защищенной. В этой монографии, удостоенной премии Российской академии наук, ученый охарактеризовал 1601—1609 годы как период довольно результативной сеймовой борьбы против грекокатолической унии. При этом он подчеркивал, что определенные успехи православной шляхты были достигнуты в результате взаимодействия ряда факторов: а) активизации собственно сеймовых форм борьбы самого православного дворянства [11, с. 391]; б) его довольно эффективной коалиции с протестантами; в) сложной внутривителитической обстановки в Речи Посполитой, вызванной антикоролевским рокошем Зебжидовского [11, с. 473, 478, 503—507]; г) опасной для страны международной ситуации, вынуждавшей короля и его окружение идти на уступки шляхте, составлявшей основу войска [11, с. 392—394, 442—450].

П. Н. Жукович оценил сеймовую конституцию 1607 года о «греческой религии» как первый реальный результат конфессионально-политической борьбы православной шляхты, так как в ней подтверждались все исторические права православия [11, с. 539]. Решения же

сейма 1609 года он позиционировал как открытое признание права православной иерархии на свое существование [11, с. 579]. В заключении своей монографии автор указал, что определенные успехи 1607 и 1609 годов были обеспечены не только «политической энергией» самой православной шляхты, но и ее способностью использовать внутривнутриполитический кризис и внешнеполитические угрозы для давления на короля и сейм [11, с. 583].

В последующие за защитой диссертации годы П. Н. Жукович продолжил изучение религиозно-политической борьбы в Речи Посполитой, основные результаты которой он изложил в шести объемных публикациях (выпусках) под общим названием «Сеймовая борьба западно-русского дворянства с церковной унией (с 1609 г.)». Каждый выпуск объединял несколько исторических статей ученого, опубликованных в журнале СПбДА «Христианское чтение», и представлял собой тематический сборник объемом до 200 страниц. Первый выпуск освещал период 1609—1614 годов [12], второй — 1615—1619 [13], третий — 1620—1621 [14], четвертый — 1622—1625 [15], пятый — 1625—1629 [16] и шестой — 1629—1632 годов [17]. В конце последнего выпуска П. Н. Жукович поместил список своих статей, относящихся к борьбе православной шляхты с унией, но не вошедших в новое издание [17, с. 195—196].

Если монография ученого в определенной мере рассмотрена в дореволюционной и современной историографии, то этого нельзя сказать о ее продолжении. Некоторые историки даже считают монографию первым из шести составляющих общий труд элементов, при этом «теряя» один из собственно выпусков (чаще всего по периоду 1609—1615 годов). Другие обычно ограничиваются весьма общей характеристикой публикаций П. Н. Жуковича о конфессионально-политической борьбе православной шляхты и ее союзников в 1609—1632 годах. Правда, этого нельзя отнести к обширной статье М. В. Дмитриева [8], который внимательно рассмотрел динамику религиозно-политических столкновений и войн в Речи Посполитой первой половины XVII века, не ограничиваясь ссылками только на работы П. Н. Жуковича.

Рассматривая вместе взятые все шесть выпусков исследования автора о конфессионально-политической борьбе в 1609—1632 годах, связанной прямо или косвенно с церковной унией, следует обратить особое внимание на выделение ученым основных особенностей парламентской и непарламентской борьбы в Речи Посполитой по вопросам унии.

Во-первых, П. Н. Жукович, продолжая изучать все сеймы и некоторые сеймики, гораздо больше места, по сравнению со своей главной монографией, отводит описанию внесеймовых форм борьбы за восстановление статуса и прав православия. Выраженно более половины объема его публикаций занимают вопросы внешней, в том числе военной, политики (отношения с Московией-Россией, Швецией, Османской империей, крымскими татарами, Габсбургами) и острые внутривнутриполитические проблемы Речи Посполитой, в первую очередь связанные с запорожским казачеством и рядом актов насилия в отношении униатских священников. Так, например, в предисловии ко второму выпуску (о 1615—1619 годах) ученый прямо указал: «Для того, чтобы уяснить себе положение православно-церковного вопроса на ...польских сеймах, существенно важным нам казалось изучить его в исторической связи с московским, турецко-татарскими вопросами польской сеймовой политики» [13, с. 4]. В начальной части третьего выпуска исследователь делает очередной вывод о выраженной динамике «общей политической обстановки сеймовой борьбы», отмечая, что на польском политическом горизонте «на смену московского вопроса ...с новой угрожающей силой появляются турецкий, а затем шведский вопросы, глубоко уходящие своими корнями в тот сложный конфликт общих политических и религиозных, западно-европейских сил, который дал начало Тридцатилетней войне» [14, с. 4—7]. А проблематика казачества представлена в нарастающей динамике во всех выпусках сочинения П. Н. Жуковича.

Во-вторых, коалиция православных с протестантами в сейме и за его стенами, эффективно действовавшая в начале XVII века и занимавшая много места в монографии, почти не фигурирует в ее продолжении. Единственное исключение составляет материал о сейме

1615 года, работу которого П. Н. Жукович не смог детально проанализировать из-за отсутствия многих документальных источников. В то же время он указал на безрезультативность сейма вследствие принципиальных разногласий между правительством Сигизмунда III и польской избой и в последний раз в обтекаемых формулировках представил совместные действия представителей православных и протестантов. Так, ученый отметил, что на этом сейме протестанты в очередной раз подняли вопрос о восстановлении решения Варшавской конфедерации 1573 года о свободе вероисповедания, что протестацию на поведение королевских представителей подписали лидеры и православных, и протестантов и что в этом документе содержалось прошение об удовлетворении требований двух конфессий [13, с. 16, 20]. Далее П. Н. Жукович нигде не упоминает о совместных действиях православной и протестантской шляхты, не рассматривает предпосылки и причины разрыва протестантско-православной коалиции в сейме, которая добилась весомых результатов в 1607 и 1609 годах.

В-третьих, есть все основания согласиться с выводом П. Н. Жуковича о том, что восстановление православной иерархии в Речи Посполитой — это самое крупное (и единственное после 1609 года) завоевание белорусско-украинского населения. Ученый посвятил этому событию и реакции польских властей на него целый третий выпуск, имевший подзаголовок «Восстановление иерархии» [14]. В 1619 году патриарх Иерусалимский Феофан III совершил в Москве интронизацию Филарета Романова как патриарха Московского и всея Руси. После этого он направился в западные земли Речи Посполитой для восстановления здесь ликвидированной после Брестской унии православной иерархии. В 1620 году патриарх возвел в сан митрополита Киевского игумена Михайловского монастыря Иова (Борецкого), монаха Мелетия Смотрицкого — в сан архиепископа Полоцкого, настоятеля Межигорского монастыря Исаяно (Копинского) — в сан епископа Перемышля.

П. Н. Жукович позиционировал это не только как «самое выдающееся после Брестской унии событие церковной истории Западной России», но и как «крупный факт» ее политической истории, что понимали и польские власти [14, с. 3]. Он признал восстановление православной иерархии результатом совместной деятельности православного духовенства, запорожского казачества и самого патриарха. При этом чрезвычайно важной, по его мнению, была позиция казачества в вопросах веры и его решающая роль в войне с турками. «Участие запорожского казачества в восстановлении уже само по себе обещало более активное воздействие его на ход сеймовой борьбы, чем до сих пор это было» [14, с. 4].

П. Н. Жукович, анализируя решения сейма 1620 года, отметил, что казачество прямого участия в работе сейма и восстановлении православной иерархии не принимало, но сейм и королевское правительство были вынуждены с ним считаться [14, с. 69, 84—85]. Сеймовая конституция 1620 года подтверждала конституцию 1607 года и была понята православными как юридическое основание для легитимного восстановления высшей православной иерархии. Но король и католическая партия (П. Н. Жукович с ними согласился) считали, что конституция 1620 года «ничего не давала православным тотчас, немедленно», а лишь обещала без всякой конкретизации [14, с. 80—81]. Более того, Сигизмунд III категорически отверг саму возможность признания новых иерархов, в связи с чем П. Н. Жукович рассмотрел его грамоты и универсал от 19 марта 1621 года «О поимке новопосвященных иерархов» [14, с. 97—113, 121—124]. Более того, он сделал вывод о том, что «дружный союз униатских церковных властей с центральным польским правительством делал невозможной прямую активную борьбу с ними...», поэтому на сейме 1621 года православные фактически отказались от борьбы за свою восстановленную иерархию [14, с. 125].

В-четвертых, это самое активное участие казачества в борьбе с унией. «Начиная с 1610 года можно уже фактически проследить вступление запорожского казачества на тот новый... путь, на котором оно впоследствии стало серьезным участником в сеймовой борьбе с унией. Борьба православия с унией для него уже свое, близкое дело» [12, с. 5]. Польским властям приходилось с ним считаться, так как им была важна и необходима военная сила казачества для реализации оборонительных и агрессивных планов.

В 1610 году казаки заступились за киевское православное духовенство, в 1612-м выразили готовность встать на защиту православного митрополита Неофита, в 1614-м оказали вооруженную помощь Киево-Печерскому монастырю в его конфликте с униатским митрополитом, в 1618-м утопили в Днепре униатского игумена Антония Грековича, в 1620-м четко выразили свою позицию в отношении православной иерархии [12, с. 140—141; 13, с. 107—109; 14, с. 69].

Следует согласиться с мнением М. В. Дмитриева о том, что после превращения казачества в главную опору восстановленной православной иерархии и в решающую силу в борьбе с Турцией «польское правительство стало отчетливо понимать, что проблема унии и проблема казачества неразрывно связаны» [8, с. 17]. Поэтому в 1625 году в Сечь были направлены королевские комиссары во главе с коронным гетманом С. Конецпольским, чтобы практически поставить казачество под свой контроль. Казаки отвергли указания властей и повторили свое традиционное требование об «успокоении древней греческой религии». П. Н. Жукович в специальной главе пятого выпуска детально описал миссию С. Конецпольского, переговоры, их разрыв и военное поражение казачества, после которого было подписано так называемое Курюковское соглашение («Ординация запорожских казаков») [16, с. 1—38].

Этим договором казачеству был нанесен сильный удар, вследствие чего оно несколько лет почти не вмешивалось в религиозно-политическую борьбу. Но на рубеже 20—30-х годов XVII века его участие в борьбе с унией резко активизировалось, что подтвердило восстание 1630 года под предводительством Тараса, имевшее и конфессиональный характер. «Хотя восстание было усмирено, — писал П. Н. Жукович, — но казачество вообще не было обуздано... Казачество проявляет свою силу и на сейме 1631 года, и на сейме 1632 года». А в конце главы о восстании он сделал заключение о том, что гетман Конецпольский «не только на само восстание смотрел, как православно-русское национальное движение, но и все последующие явления внутренней жизни запорожского казачества расположен был рассматривать с той же религиозно-политической точки зрения» [17, с. 5, 105].

В-пятых, П. Н. Жукович в последнем выпуске своего исследования проанализировал провал попыток примирения православных и униатов через проведение двух специальных соборов по решению Варшавского сейма 1629 года. Он показал, что на Киевском православном соборе в июне 1629 года к «унии с униатами» выразили свое негативное отношение и православное духовенство, и запорожское казачество [17, с. 1—35]. А Львовский собор (октябрь 1629 года) должен был стать общим православно-униатским, а на деле оказался чисто униатским, «открывшимся только для констатирования факта полного крушения сеймового церковно-примирительного плана» [17, с. 4].

Следует также отметить, что П. Н. Жукович справедливо констатировал эскалацию религиозных конфликтов, особенно в первой половине 1620-х годов, что проявилось в ряде актов насилия по отношению к униатам. Он рассмотрел ряд убийств 1618 года, назвав их «делом низших, наименее сдержанных и сознательных элементов казачества», а также отказ православных жителей Могилева пустить в город униата Иософата Кунцевича, назначенного полоцким архиепископом [13, с. 107—114]. Особенно пристальное внимание ученый уделил убийствам И. Кунцевича в Витебске, войта Ходыки и священника Юзефовича в Киеве [15, с. 60—104, 137—173]. По его мнению, насилие в религиозно-политической борьбе было принципиально новым явлением в конфликте православных и униатов на белорусско-украинских землях Речи Посполитой.

П. Н. Жукович завершил свое исследование 1632 года смертью короля Сигизмунда III, выраженного сторонника и защитника унии и униатов в ущерб православным. Финальные выпуски труда ученого фактически подтверждают ослабление сеймовой борьбы православной дворянства в 1620-е годы, хотя оно поднимало вопрос о «греческой религии» на каждом сейме.

Заключение. Давая общую оценку религиозно-политической борьбе в первой трети XVII века в исследованиях П. Н. Жуковича, следует отметить ряд принципиальных моментов. Он большое внимание уделил анализу взаимосвязи собственно сеймовых (политических) форм противодействия церковной унии с борьбой внесеймовой в самых разных ее проявлениях. С одной стороны, ученый охарактеризовал все общегосударственные (вальные) сеймы и некоторые провинциальные сеймики, с другой — в завершающей части его монографии и во всех шести выпусках, ее продолживших, количественно и содержательно доминирует внесеймовый материал.

П. Н. Жукович внимательно рассмотрел динамику конфессионально-политического поведения запорожского казачества и сделал ряд заключений о его растущем и довольно эффективном воздействии на актуальные проблемы статуса православной веры и церкви в Речи Посполитой. Он проанализировал наиболее известные акты насилия против униатских священников как проявления стихийного религиозного протеста низших социальных групп православного населения. П. Н. Жукович завершил свой цикл публикаций логическим заключением о том, что в 1620-е годы активность православного дворянства в сеймовой борьбе против грекокатолической унии постепенно ослабевает, в отличие от выражено стабильной и открытой поддержки униатства центральной польской властью.

Список цитируемых источников

1. *Теплова, В. А.* Платон Николаевич Жукович: историк и публицист / В. А. Теплова // Русская философия в духовно-культурном пространстве Беларуси: история и современность : материалы Междунар. круглого стола, Минск, 20 сент. 2013 г. / Ин-т философии НАН Беларуси ; науч. ред. Т. И. Адуло. — Минск, 2013. — С. 97—108.
2. *Теплова, В. А.* Православная историко-культурная школа Беларуси конца XVII — начала XX вв.: генезис и традиции / В. А. Теплова // Тр. Мин. духов. акад. — 2002. — № 5. — С. 64—74.
3. *Красиченко, П.* Церковная и научно-педагогическая деятельность П. Н. Жуковича (1857—1919) : дис. ... канд. богосл. / П. Красиченко. — Жировичи, 2006. — 171 л.
4. *Литвинский, А. В.* Западнорусизм в российской историографии второй половины XIX — начала XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. В. Литвинский ; Нац. акад. наук Беларуси, Гос. науч. учр. «Институт истории». — Минск, 2004. — 20 с.
5. *Литвинский, А. В.* П. Н. Жукович — исследователь конфессиональной истории Речи Посполитой / А. В. Литвинский // Религия и общество — 4 : сб. науч. тр. / под. общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. — Могилев, 2009. — С. 43—45.
6. *Кручковский, Т. Т.* Реформация в Польше в оценке русской историографии второй половины XIX — начала XX века / Т. Т. Кручковский // Истор. науки и археология. — 2019. — Вып. 7. — С. 1—10.
7. *Дмитриев, М. В.* Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595—1596 гг. / М. В. Дмитриев. — М. : Изд-во МГУ, 2003. — 320 с.
8. *Дмитриев, М. В.* Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 года / М. В. Дмитриев // Петербург. слав. и балк. исслед. — 2008. — № 1 (3). — С. 3—22.
9. *Вивчар, В. М.* Феномен Брестской греко-католической унии в освещении отечественной историографии второй половины XIX — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / В. М. Вивчар ; ФГБОУВПО «Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского». — Кемерово, 2012. — 28 с.
10. *Вивчар, В. М.* Социально-политическая интерпретация греко-католической унии в работах П. Н. Жуковича / В. М. Вивчар // Акт. вопр. церк. науки. — 2020. — № 1. — С. 33—36.
11. *Жукович, П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.) / П. Н. Жукович. — СПб. : Тип. Глав. упр. уделов, 1901. — XXI, 608 с.
12. *Жукович, П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Первый выпуск (1609—1614 гг.) / П. Н. Жукович. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1903. — 145 с.
13. *Жукович, П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Второй выпуск (1615—1619 гг.) / П. Н. Жукович. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1904. — 118 с.
14. *Жукович, П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Третий выпуск (1620—1621 гг.). Восстановление иерархии / П. Н. Жукович. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1906. — 203 с.
15. *Жукович, П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Четвертый выпуск (1622—1625 гг.) / П. Н. Жукович. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1908. — 173 с.
16. *Жукович, П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Пятый выпуск (1625—1629 гг.) / П. Н. Жукович. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1910. — 199 с.
17. *Жукович, П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Шестой выпуск (1629—1632 гг.) / П. Н. Жукович. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. — 196 с.

УДК 94(476):271.2«1864/1890»

Ю. В. КейкоУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (29) 869 98 30, jv.kejko@gmail.com**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕРКОВНЫХ СОВЕТОВ И ПРИХОДСКИХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1864—1890)**

В статье раскрыта деятельность церковных советов и приходских попечительств на всех этапах организации церковно-строительных работ. Во введении обоснована актуальность исследования и причины данного явления. На подготовительном этапе показано участие церковных организаций в поиске, заготовке стройматериалов согласно проектно-сметной документации, выборе участков под возведение объекта. Выявлена их роль в строительстве храмов хозяйственным способом (наем мастеров, планирование и осуществление строительных работ собственными силами), подрядным или агентным способом (заключение договоров и контрактов, наблюдение за ходом сооружения зданий). Отражено взаимодействие членов церковных организаций со специальной комиссией из церковно-строительного учреждения во время приема храма духовным ведомством по завершении строительства. В заключении сделан вывод о значении церковных организаций и приходских попечительств в этом направлении.

Ключевые слова: церковные советы; приходские попечительства; православие; строительство храмов; белорусские земли.

Библиогр.: 21 назв.

Yu. V. KeikoEducational institution “Yanka Kupala State University of Grodno”, 22 Ozheshko Str., 230023 Grodno,
the Republic of Belarus, +375 (29) 869 98 30, jv.kejko@gmail.com**THE ACTIVITY OF CHURCH COUNCILS AND PARISH TRUSTEES
IN ORGANIZING ORTHODOX CHURCH CONSTRUCTION ON THE TERRITORY
OF BELARUS (1864—1890)**

The article reveals the activities of church councils and parish trustees at all stages of the organization of church construction works. The introduction substantiates the relevance of the study and the reasons of this phenomenon. At the preparatory stage, the participation of church organizations in the search, preparation of building materials in accordance with the design and estimate documentation, selection of a site for the construction of an object is shown. Their role in the construction of temples by economic (hiring craftsmen or planning and carrying out construction work on their own), by contract or agency methods (conclusion of agreements and contracts, monitoring the progress of the construction of buildings) is revealed. The interaction of members of church organizations with a special commission from a church-building institution during the reception of the church by the spiritual department upon completion of construction is reflected. The importance of church organizations and parish guardianships in this direction was emphasized.

Key words: church councils; parish guardianship; Orthodoxy; construction of churches; Belarusian lands.

Ref.: 21 titles.

Введение. Православное храмовое строительство с 1864 по 1890 год на территории Беларуси осуществлялось двумя ведомствами: Министерством государственных имуществ в государственных владениях (1864—1867) и Министерством внутренних дел на частновладельческих землях (1864—1890) Российской империи. С 1868 года после вступления в силу нового положения Комитета министров «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края» Министерство внутренних дел единолично курировало цер-

ковное строительство. На губернском уровне контролировали этот процесс созданные по инициативе виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева уездные и губернские по строительству и ремонту православных храмов комитеты (1864—1867), преобразованные в губернские церковно-строительные присутствия (1868—1890). Губернские палаты госимущества контролировали эту деятельность в государственных владениях до 1868 года. Для выполнения надзора за строительством объектов на местах и управлением хозяйственной частью по распоряжению М. Н. Муравьева создавались церковные советы (1864—1867), которые в скором времени были заменены на приходские попечительства (1868—1890). Данные церковные организации являлись временной инстанцией и выступали связующим звеном между государственными учреждениями и крестьянскими обществами. Формировались они из числа прихожан от 4 до 8 человек под руководством местного священника. В их состав также входили церковный староста и волостной старшина.

Материалы и методы исследования. Общие сведения о численном составе и функциях церковных организаций кратко представлены в работах авторов XIX—XX веков: Н. Д. Извекова [1], А. И. Миловидова [2], Е. Ф. Орловского [3]. Оценка деятельности церковных советов дана действительным тайным советником П. Н. Батюшковым в ведомственном документе Министерства внутренних дел «По делу об установлении порядка производства церковных построек в Западных губерниях» (14 марта 1866 года), опубликованном кандидатом исторических наук С. М. Восовичем в «Вестнике Брестского государственного университета» (№ 6, 2017 год) [4]. Кроме того, из источников официального делопроизводства заслуживают внимания «Правила для церковных советов в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской» (12 июля 1864 года) [5] и «Положение о приходских попечительствах при православных церквях» (2 августа 1864 года) [6], а также положение «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края» (7 декабря 1867 года). В основу статьи положены неопубликованные источники, хранящиеся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь в Гродно (фонд 97 «Гродненское губернское церковно-строительное присутствие Министерства внутренних дел», фонд 845 «Гродненский временный уездный комитет по устройству православных церквей Министерства внутренних дел», фонд 849 «Пружанский временный уездный комитет по устройству православных церквей Министерства внутренних дел») и Национального исторического архива Беларуси (фонд 43 «Минское губернское церковно-строительное присутствие Министерства внутренних дел», фонд 2503 «Витебское губернское церковно-строительное присутствие витебского гражданского губернатора»). Специальные работы по данной проблеме в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют. Применены специальные методы исторического познания: историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный.

Результаты исследования и их обсуждение. Главной задачей для церковных организаций являлось максимальное привлечение прихожан к участию в строительстве православных храмов, которое предполагало подготовку стройматериалов и сбор пожертвований с крестьянских дворов, помощь в осуществлении церковно-строительных работ. За мотивацию прихожан отвечали приходские священники и волостные старшины, а также благочинные и члены церковно-строительных комитетов. Решения прихожан о строительстве храма фиксировались в соответствующих приговорах, на основании которых архитектором делался окончательный сметный расчет, и в церковно-строительном учреждении определялся способ строительства.

Осуществляли строительные работы церковные советы и приходские попечительства следующими способами: хозяйственным, подрядным или агентным (агент — привлеченное лицо, выполнявшее любые действия от своего имени или от имени заказчика за деньги последнего в соответствии с агентским договором; заказчиками выступали лица разных сословий). Церковная организация соглашалась возводить храм хозяйственным способом с согласия прихожан, что отмечалось в приговорах сельских и приходских сходов. Также прибегали к стро-

ительству храмов этим способом в экстренных ситуациях, когда церковно-строительные учреждения не могли найти подрядчика, а действующая церковь постепенно разрушалась [7, л. 39]. При возникновении трудностей во время поиска и сбора стройматериалов или из-за отсутствия опыта в этой сфере церковные организации отказывались выполнять строительные работы хозяйственным способом [8, л. 20].

В соответствии с правилами для строительства православных храмов на приходском сходе крестьяне подписывали круговое обязательство («ручательство») о целевом расходовании денежных средств [9, л. 74]. В правилах отмечалось, что деньги, выделяемые правительством на строительство храма и поступающие в распоряжение приходского попечительства, будут расходоваться по назначению, иначе вся ответственность за нецелевое использование средств возлагается на крестьянские общества [10, л. 305]. Получало деньги в казначействе избранное прихожанами из членов церковного совета или попечительства конкретное лицо. Хранились денежные средства в волостном правлении в сундуке под замком и выдавались по указаниям архитектора [11, л. 53].

При получении проектно-сметной документации на строительство храма в церковно-строительном комитете (присутствии) церковные организации на своих заседаниях детально её изучали. Обсуждали источники и способы приобретения стройматериалов, а затем их согласовывали с церковно-строительным учреждением и доводили до сведения крестьян на приходских сходах. Помимо этого, священнику выдавали 4 книги для учета: денежных средств, выделенных правительством и пожертвованных прихожанами; заготовленного стройматериала; наставлений архитектора; обязательств, данных крестьянами [12, л. 174]. На основе этой информации церковные организации ежегодно предоставляли губернскому церковно-строительному учреждению отчеты о ходе строительных работ.

Основными строительными материалами были кирпич, булыжный камень и древесина. Для производства необходимого количества кирпича церковные организации заключали контракт с ближайшим владельцем кирпичного завода или профильным специалистом и привлекали крестьян для доставки к месту строительства. Проверяли качество материала лица, назначенные церковным советом или приходским попечительством. Булыжный камень приобретался церковными организациями в конфискованных имениях с разрешения губернской палаты государственных имуществ [13, л. 28]. Отдельно велся поиск лесоматериала для обжига кирпича и строительных работ. Сосновый брус церковные советы изыскивали в близлежащих лесничествах или в государственных и конфискованных дачах по установленным помещиками или государством ценам. Если же древесный материал правительством выделялся бесплатно, то священник отправлялся в лесничество за получением билета для беспрепятственного вывоза стволов деревьев [13, л. 13]. Все вышеперечисленные строительные материалы доставляли к месту возведения храма крестьяне под руководством членов церковных организаций [13, л. 27].

Закупив и подготовив необходимые стройматериалы, церковная организация сообщала об этом в церковно-строительное учреждение. По распоряжению комитета (присутствия) для проверки качества материала к месту строительных работ направлялся архитектор. Осмотр осуществлялся в присутствии обеих сторон. По итогам составлялся и подписывался специальный акт [14, л. 10].

Участок под строительство выбирала во время осмотра местности специальная комиссия. В её состав входили: архитектор (епархиальный архитектор) или инженер, благочинный, местный священник, члены приходского попечительства, сельский староста. Процедура включала разведку местности и исследование грунта. Результаты осмотра фиксировались в акте, подписанном всеми членами комиссии, где давалось описание выбранного участка с близлежащими постройками и оценка состояния почвы. Документ вместе с планом местности, составленным архитектором, передавался на утверждение в церковно-строительный комитет (присутствие) [15, л. 8]. При возведении церкви в государственном землевладении документы направлялись губернатору.

Дальнейшее планирование хода строительных работ членами церковного совета или приходского попечительства совершалось на очередном собрании. Нередко рассчитанная стоимость строительства по смете оказывалась ниже текущей. В таком случае в смету вносились коррективы (с разрешения высшей инстанции). Недостающие деньги церковная организация собирала в крестьянских обществах. На таких условиях в мае 1875 года согласилось строить храм приходское попечительство в м. Клецк Слуцкого уезда Минской губернии из-за нехватки денежных средств. Оно просило губернское церковно-строительное присутствие сделать купол церкви и верхний брус колокольни деревянными, иначе отказывалось брать на себя ответственность за выполнение принятых обязательств [16, л. 116].

Затем церковные организации нанимали мастеров или производили строительномонтажные работы собственными силами. Одна мастерская артель состояла из нескольких рабочих, специализирующихся по определённым видам строительных работ. Регулировались отношения между заказчиком (церковным советом, приходским попечительством) и исполнителем (строителем) по договору или контракту, которые заключались с разрешения церковно-строительного учреждения. Так, в августе 1871 года приходское попечительство заключило договор с мещанином А. Бураком о возведении церкви в с. Новосёлки Игуменского уезда [9, л. 82].

Вслед за этим председатель церковной организации обращался в церковно-строительное учреждение за получением разрешения на начало строительных работ и просил командировать специалиста для разбивки земельного участка [7, л. 53]. В назначенный день на месте строительства объекта собирались члены церковной организации, архитектор (или инженер) и строитель, а также волостной старшина (или мировой посредник) и прихожане. Совершалась закладка фундамента. Архитектор давал инструкции приходскому священнику и строителю.

Перечень предстоящих работ на текущий год обсуждался на заседаниях членов церковной организации и фиксировался в протоколе, где по пунктам отражался процесс приобретения стройматериалов и осуществления строительных работ. Отдельно к протоколу прилагалась выборка из проектной сметы для получения первой части денег. Документы отсылались на утверждение губернатору. После этого председатель церковной организации обязан был предоставить губернатору такой же протокол для получения денежных средств, подлежащих к отчислению в следующем году. Необходимая сумма включалась в смету расходов Министерства внутренних дел, предназначенных на церковное строительство [17, л. 50].

Получал деньги в уездном казначействе священник или один из членов церковного совета или приходского попечительства по талону под расписку [17, л. 49 б]. Следующая часть денег выдавалась после расходования предыдущего транша. В документе перечислялись все затраченные средства на выполненные работы и приобретенный строительный материал [10, л. 304]. При наличии остатка определялось его дальнейшее назначение. Например, в счете председателя приходского попечительства в с. Киевичи Слуцкого уезда отмечалось, что на оставшиеся деньги (454 р. 22 к.) были заказаны решетки на окна [17, л. 74]. Подкреплялся счет квитанциями, выписанными архитектором.

Промежуточный осмотр строительных работ на объекте осуществлялся комиссией, сформированной в соответствии с постановлением губернского церковно-строительного учреждения. В её состав входили: архитектор, мировой посредник, священник и члены церковной организации. По итогам осмотра составлялся акт, который подписывался всеми присутствующими [18, л. 65].

Неспособность священников договориться и организовать поставку стройматериалов к месту строительства объекта, заявления и прошения, адресованные в губернские церковно-строительные учреждения от самих подрядчиков, отказ церковных организаций строить храм хозяйственным способом (чаще всего из-за отсутствия лиц в приходе, разбиравшихся в этом деле, или бедности прихожан) являлись основными причинами для снятия строительства объекта с подряда. Аналогично подрядному применялся агентный способ. Кроме того, в роли заказчика могла выступать церковная организация. Например, 8 мая 1865 года Наревский церковный совет в Пружанском уезде заключил контракт с мещанином Л. Новиковым посада Злынки Новозыбковского уезда Черниговской губернии [19, л. 60].

После решения всех юридических вопросов подрядчик или агент приступал к выполнению своих обязательств. Проектно-сметную документацию он получал в церковно-строительном учреждении или в палате государственных имуществ. За осуществлением строительных работ с технической стороны следили архитекторы, которые корректировали работу подрядчиков, а за выполнением их наставлений — церковные организации, что фиксировалось в соответствующих актах. К примеру, 15 апреля 1866 года церковный совет в м. Грозово Слуцкого уезда Минской губернии в своём акте отметил, что подрядчик прибыл в местечко в январе месяце и заключил с разными лицами договоры на поставку стройматериалов, договорился с владельцем завода о производстве кирпича и закупил для этого нужное количество дров. По договору с подрядчиком к месту строительства объекта было свезено 36 сажень камня, 150 бочек извести и древесина. 10 апреля подрядчик прислал бригаду из 26 человек, которые выкопали рвы под фундамент [20, л. 12]. По актам церковных организаций и донесениям архитекторов производился расчёт с подрядчиком или агентом. Также по условиям контракта церковные организации из числа крестьян на строительный объект направляли рабочих.

О завершении всех строительных работ священник информировал церковно-строительное учреждение [13, л. 81]. Там формировалась специальная комиссия для приемки объекта. Она состояла из губернского архитектора, не участвовавшего в возведении храма (до 1867 года работы принимал архитектор, который курировал строительство этого объекта), и благочинного. Прибыв на место, комиссия осматривала церковное здание в присутствии членов церковной организации и прихожан, а также местного предводителя дворянства, мирового посредника, уездного исправника. Если все строительные работы были выполнены в соответствии с проектом и сметой, прочно и с использованием качественных стройматериалов, то составлялся акт, который подписывали все присутствовавшие при этой процедуре. Церковь передавалась в духовное ведомство местному приходскому священнику под расписку на указанном акте [21, л. 6]. Затем документ направляли в церковно-строительное присутствие. В тех случаях, когда при осмотре здания были выявлены недоделки и неисправности, акт не составлялся, а церковь в духовное ведомство не передавалась. После устранения всех недочётов церковное здание осматривалось повторно. С 1870 года приём церковного здания осуществлялся по инвентарной описи, составленной архитектором. В итоге один из экземпляров описи и акта оставался у причта и хранился при церкви [21, л. 2].

По итогам положительного осмотра храма председатель церковной организации отсылал в церковно-строительное учреждение всю строительную документацию: смету; проект храма; приходно-расходную книгу с расписками от лиц, получивших деньги; акт, составленный архитектором и благочинным; приговоры (решения) прихожан. С этого момента дальнейшая забота о поддержании храма в надлежащем состоянии возлагалась на причт и прихожан.

Заключение. Церковные советы и приходские попечительства являлись временными учреждениями, поскольку создавались для организации и осуществления церковно-строительных работ на объекте. Под их контролем возведение храмов выполнялось хозяйственным, подрядным или агентным способами. После получения проектно-сметной документации в церковно-строительном учреждении и ознакомления с ней приступали к заготовке стройматериалов, закупали их и организовывали доставку к месту строительства.

При хозяйственном способе они нанимали мастеров и производили строительные работы собственными силами. На своих заседаниях составляли исходя из проектной сметы план строительства для своевременного получения денежных средств. О ходе строительства и израсходованных деньгах священник отчитывался перед архитектором и церковно-строительным учреждением в докладных записках, рапортах, актах и счетах.

При подрядном и агентном способах церковные организации осуществляли надзор за выполнением указаний архитектора, что оформлялось соответствующими актами. Согласно условиям контракта, направляли на строительный объект рабочих.

Приём церковного здания также совершался при участии церковных советов и приходских попечительств, что оформлялось очередным актом. По инвентарной описи производилась сверка всех сделанных работ, определялось их качество, после чего принималось соответствующее решение.

Список цитируемых источников

1. *Извеков, Н. Д.* Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839—1889 г. / Н. Д. Извеков. — М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1899. — 522 с.
2. *Миловидов, А. И.* Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М. Н. Муравьева / А. И. Миловидов. — Вильно, 1913. — 51 с.
3. *Орловский, Е. Ф.* Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX ст. (1794—1900) / Е. Ф. Орловский. — Гродно, 1903. — 604 с.
4. *Восович, С. М.* Строительство православных храмов в Беларуси в 1831—1867 гг. / С. М. Восович // Вестн. Брест. гос. ун-та. — 2017. — № 6. — С. 14—18.
5. Правила для церковных советов в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской // Лит. епарх. ведомости. — 1864. — № 14. — С. 494—495.
6. Положение о приходских попечительствах при православных церквях // Полоц. епарх. ведомости. — 877. — № 5. — С. 118—119.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 43. Оп. 1. Д. 223.
8. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). — Ф. 97. Оп. 1. Д. 284.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 43. Оп. 1. Д. 94.
10. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). — Ф. 97. Оп. 1. Д. 16.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 43. Оп. 1. Д. 223.
12. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). — Ф. 97. Оп. 1. Д. 28.
13. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). — Ф. 845. Оп. 1. Д. 7.
14. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). — Ф. 845. Оп. 1. Д. 15.
15. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). — Ф. 97. Оп. 1. Д. 335.
16. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 43. Оп. 1. Д. 87.
17. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 43. Оп. 1. Д. 84.
18. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 2503. Оп. 1. Д. 78.
19. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). — Ф. 849. Оп. 1. Д. 13.
20. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 43. Оп. 1. Д. 73.
21. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). — Ф. 97. Оп. 1. Д. 289.

Поступила в редакцию 27.09.2021.

УДК 930.1

Е. Н. Котусев

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь +375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИДЕИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛониСТИКИ И ИХ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Н. ЛЮБОВИЧА

Н. Н. Любович сохранил в своих оценочных позициях ряд фундаментальных положений российской консервативной историографии. В контексте фундаментальных идей российской исторической полонистики рассмотрена основная проблематика исторической полонистики Н. Н. Любовича: Реформация и Контрреформация в Польше, характер противостояния германского мира и славянства (в том числе и Польши), цивилизационное противостояние православного славянства и католической Польши, западнорусские земли в составе польско-литовского государства. Оценочные позиции ученого в комплексе проблем этой тематики весьма разнообразны и порой противоречивы.

Ключевые слова: фундаментальные идеи; историография; Н. Н. Любович; Реформация; Контрреформация; средневековье; Новое время; Центральная Европа; польский вопрос; историческая полонистика.

Библиогр.: 60 назв.

E. N. Kotusev

Educational institution “Yanka Kupala State University of Grodno”, 5 October Str., 230023 Grodno,
the Republic of Belarus, +375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

FUNDAMENTAL IDEAS OF RUSSIAN HISTORICAL POLONISTICS AND THEIR REFRACTION IN THE WORKS OF N. N. LYUBOVICH

N. N. Lyubovich retained a number of fundamental provisions of Russian conservative historiography in his judgments. The main problems of historical Polish studies are considered by N. N. Lyubovich in the context of the fundamental ideas of Russian historical Polish studies: Reformation and Counter-reformation in Poland, the nature of the confrontation between the German world and the Slavs (including Poland), the civilizational confrontation between the Orthodox Slavs and Catholic Poland, the Western Russian lands as a part of the Polish-Lithuanian state. The evaluative positions of the scientist in the complex of problems of this topic are very diverse and sometimes contradictory.

Key words: fundamental ideas; historiography; N. N. Lyubovich; Reformation; Counter-reformation; medieval studies; modern times; Central Europe; the Polish question; historical polonistics.

Ref.: 60 titles.

Введение. Польский вопрос играл весомую роль в политической и общественной жизни России как в контексте внутренней политики империи, так и в системе международных отношений исследуемого периода. Временами он приобретал особую остроту «рокового вопроса» российской государственности. Развитие российской полонистики на протяжении XIX — начала XX века показывает тесную взаимосвязь восприятия польского вопроса (широко понимаемого как историческая, культурологическая и политологическая составляющая) и истории Польши русским обществом и отражением этого процесса в трудах по данной тематике [1, с. 218]. Исходя из этого одними из основных проблем в российской исторической науке XIX — начала XX века стали вопросы исследований, связанные с историей Польши. Для такого интереса к польской истории существовал ряд причин.

Во-первых, осуществлявшаяся в течение нескольких веков политика «собираения русских земель» под властью Москвы была противостоянием польско-литовской государственности и должна была получить веское историческое обоснование. Во-вторых, в конце XVIII — начале XIX века значительная часть польских земель была присоединена к Российской империи. В-третьих, высокая активность населения бывшей Речи Посполитой, в том числе направленная на возвращение независимости, сильно влияла на формирование общественного интереса к польской проблематике.

Существовал политический «заказ» со стороны правительства Российской империи, нуждающегося в историко-идеологическом обосновании российской политики в отношении Польши — Речи Посполитой. Эта задача не могла быть решена без глубокой интеллектуальной и идеологической проработки исторического материала и создания согласованного с основополагающими принципами исторического жанра российской версии истории Польши и ее отношений с русским православным миром. Результатом этого стало создание политизированной, идеологически выверенной в своих основных проявлениях, российской консервативной традиции восприятия истории Польши. Это подтверждается официальной линией царского правительства в отношении Польши, неоднократно представленной в научной литературе предмета [1, с. 219].

Подтверждается этот факт и тем обстоятельством, что в значительной своей части ряд консервативных историков (которые поддерживали и обосновывали официальную позицию) занимали высокие официальные должности. Так, генералами закончили службу А. К. Пузыревский, П. А. Гейсман, Н. Н. Сухотин и др.; высокие гражданские должности занимали или заняли впоследствии Н. М. Карамзин, Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин, Д. И. Иловайский, Н. К. Шильдер, а также либералы-западники С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др., в то время как у историков-полонофилов наблюдались проблемы с научной и служебной карьерой (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин) [1, с. 219].

Материалы и методы исследования. Теоретико-методологические основы статьи опираются на основополагающие принципы и методы научного исследования с учетом специфики историографической работы (например, метод перспективного анализа). В качестве объекта проведенного исследования выступает российская историография рассматриваемого периода. Предметом исследования являются фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их отображение в научном наследии российского историка Н. Н. Любовича, одного из наиболее крупных историков-полонистов Российской империи, известного либерального ученого, профессора Варшавского университета.

Автор для передачи специфики оценочных подходов Н. Н. Любовича, как и российской науки рассматриваемого периода в целом, использует названия государственной принадлежности территорий, употребляемые в дореволюционной историографии. Польша и ВКЛ после Кревской унии, а в дальнейшем и Речь Посполитая определялись в ней как польско-литовская государственность или (чаще всего) как «Польша». Территории современных Беларуси и Украины понимались в ней как «западнорусские земли».

Результаты исследования и их обсуждение. По своим взглядам исторических исследователей Российской империи того периода традиционно разделяют на два идеологических направления. Основным критерием для такого разделения считают взгляды исследователей того периода на историческое развитие России. Первое направление получило название «славянофильского», которое впоследствии вылилось в консервативное направление; второе — «западническое», которое преобразовалось в либеральное направление. Подобное разделение не минуло и полонистику. В процессе своего развития в рамках каждого направления сложился ряд идей, характерных для всех представителей этих направлений. Впоследствии исследователи, изучавшие историческое наследие представителей каждого направления, в своих исследованиях обращали внимание на такие идеи и предпринимали попытки их систематизировать.

Традиционно считается, что в русской исторической науке первой половины XIX века преобладало консервативно-славянофильское течение, а во второй половине XIX — начале XX века — либерально-западническая идеология [2—11]. Но следует отметить, что в российской исторической полонистике второй половины XIX — начала XX века, в отличие от российской историографии в целом, консервативное направление сохранило доминирующие позиции [1, с. 219]. Переломным моментом являлись 1880-е годы, когда появляется и усиливается полонистика либерально-западной направленности. Но, как показывает историографический анализ, она не стала доминирующей в российской исторической науке [1, с. 220].

Консервативно-славянофильское течение в российской исторической полонистике второй половины XIX — начала XX века сохранило ряд основополагающих положений своих предшественников: об ошибочности западного выбора Польши, сугубо отрицательной роли католичества, однозначно негативной оценке шляхетского общественного устройства. Однако, как показывает изучение российской исторической полонистики, положение об отказе либеральной историографии с 1880-х годов XIX века от фундаментальных основ своих предшественников не совсем точно. Она сохранила ряд славянофильских тезисов: об отдельной исторической миссии России и Польши, о неизбежности гибели Польши в противостоянии с Россией, о западнорусских землях как исключительно части единой православной России, об ущербе шляхетского устройства и т. д. [1, с. 221]. Исходя из таких предпосылок, российско-польское противостояние рассматривалось в российской историографической традиции как борьба различных «миров» или цивилизаций, что хорошо прослеживается в трудах основных историков консервативно-славянофильского течения (М. О. Коялович, Д. И. Иловайский и др.).

История Польши в силу ряда оговариваемых причин и обстоятельств была столь специфической проблематикой, что нарушала существующие идейно-политические и культурно-ментальные разделы, строго существующие в российском обществе и научной мысли. Это обусловило следующую особенность российской исторической полонистики: приращение знаний об истории Польши в XIX — начале XX века не повлияло существенно на ее основные общие оценочные (фундаментальные) идеи [1, с. 229].

Следует отметить, что первые попытки общей характеристики российской исторической полонистики XIX — начала XX века были предприняты еще исследователями изучаемого периода, например, М. О. Кояловичем [12] и П. Н. Милюковым [13], а также в советское время [2; 3; 14]. Но в связи с политико-идеологическими обстоятельствами они в основном ограничивались рассмотрением тематики исторической полонистики или ее периодизации [1, с. 18].

Кроме русскоязычной историографии данной тематикой занимались исследователи других государств, в первую очередь Польской Народной Республики. Так, например, М. Серейски в рамках своего историографического исследования о причинах падения Речи Посполитой поставил вопрос об особых чертах русской исторической полонистики, выделив ряд ее основополагающих принципов [15]. На данный момент многие положения М. Серейского были приняты современной русскоязычной историографией.

Активное изучение русской исторической полонистики продолжилось в 1980—1990-е годы. На современном этапе исследований общие оценочные подходы российской исторической науки изучаемого периода в полонистике рассматриваются как ее фундаментальные (основополагающие) идеи. Само понятие «фундаментальные идеи» в русскоязычной полонистике было выдвинуто российским исследователем В. А. Якубским, в одноименной статье в 2000 году [16]. Историограф определил общие оценочные подходы российской исторической науки к исторической полонистике как ее фундаментальные идеи [16, с. 11—12]. «Воззрения русских ученых XIX века на польскую историю абсолютно не поддаются, — писал В. А. Якубский, — строгой раскладке по признаку прогрессивности или реакционности носителей этих воззрений. Разброс мнений по поводу польского прошлого и управляющих им закономер-

ностей не так велик. На почве полонистики отчасти стиралась грань между славянофилом и западником» [16, с. 11].

Кроме того, В. А. Якубский подчеркивал связь между теоретико-методологическими основами изучения истории и общественно-политическим процессом. «Российские полонисты испытали влияние гегельянства и других западных идей, многое подчеркнув у И. Лелевеля <...> тем не менее, окрасили собственные построения в сугубо национальные цвета» [16, с. 11—12]. Советское славяноведение только ужесточило этот подход. Впоследствии, по его мнению, позитивисты (Н. И. Кареев, Н. Н. Любич) предпочли отмежеваться от этих фундаментальных идей [16, с. 12].

Одной из самых главных идей в российской исторической полонистике В. А. Якубский называет принцип векового противостояния Польши и России: «На авансцену у них вышел тезис о вековом противостоянии России и Польши, причем исторический путь последней был с редким единодушием признан аморальным, несущим беды славянскому миру» [16, с. 11—12]. «Эти идеи, — делал заключение В. А. Якубский, — являются фундаментальными» [16, с. 12].

Однако В. А. Якубский, отмечает В. В. Кутявин, не был первым исследователем российской полонистики, который отметил эти закономерности и особые черты в историографическом исследовании истории Польши. Так, В. В. Кутявин пишет [17, с. 143], что одни из первых попыток выделить «фундаментальные» идеи появляются в исследованиях Т. Т. Кручковского [18—20]. Соглашаясь с мнением В. А. Якубского, В. В. Кутявин считает, что часть этих фундаментальных идей была подмечена еще раньше. В частности, он писал: «Чрезвычайно важно замечание Т. Т. Кручковского [18, с. 80] о том, что при обращении к польской проблематике размывались четкие границы между либералами и консерваторами» [17, с. 143].

К подобному выводу склоняется, отмечал далее В. В. Кутявин, и В. А. Якубский, приводя в качестве доказательства его тезис о стирании отчасти на почве полонистики грани между славянофилом и западником [17, с. 143]. Соглашаясь с этим мнением, Н. В. Пислегин отмечает, что существовала близость позиций консерваторов и либералов по польской тематике [21]. По мнению В. В. Кутявина, фундаментальные идеи российской полонистики окончательно оформились в 1860-х годах и стали концептуальной базой для последующей историографии [17, с. 138].

К этим выводам В. В. Кутявина добавлено мнение Т. Т. Кручковского о том, что отдельные тезисы этих фундаментальных положений появились еще в советской период [1, с. 219], он отмечает в этом отношении оценочные положения В. А. Дьякова [22] и С. М. Стецкевича [23]. Отдельные положения В. А. Дьякова и С. М. Стецкевича об особых чертах и условиях развития российской исторической полонистики приводятся в отдельной статье Т. Т. Кручковского [24].

В целом тезисы Т. Т. Кручковского об основополагающих положениях совпадают с «фундаментальными» идеями В. А. Якубского, но затрагивают больше сторон закономерностей и особенностей историографического исследования истории Польши. К тому же эти основополагающие положения были сформированы раньше в исследованиях 1992—1994 годов [18; 25—27]. Так, Т. Т. Кручковский, как и В. А. Якубский, выдвигал еще в работах начала 90-х годов как одно их основополагающих российской исторической науки независимо от ее направлений положение о вековом противостоянии России и Польши на протяжении всего существования этих государств [18; 25—27].

Т. Т. Кручковский также отмечает наличие в основополагающих положениях российской историографии концепции неправильности цивилизационного пути, выбранного Польским государством еще в X веке. Для подтверждения этого тезиса он приводит ряд примеров. У большинства российских историков (в том числе и либерально-западной направленности) отмечается, что западный выбор Польши был аморальным и несущим беды всем славянским народам, а принятие католичества несло исключительно отрицательную роль для последующего развития самой славянской Польши [26]. В итоге, по мнению ряда историков XIX — начала XX века, Польша стала изгоем среди славянских народов [26].

К таким же основополагающим положениям российской исторической полонистики, по его мнению, относится идея о Речи Посполитой как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном историческом явлении. Из этой идеи российские историки выводили мысль о неизбежной победе России в многовековой цивилизационной и идеологической борьбе с Польшей [27].

В вопросе о западнорусских землях (современных белорусских и украинских) российская историография (здесь едины либералы и консерваторы) исходила из тезиса об исключительной прерогативе московского православного влияния. Мысль о возможности федеративного вхождения этих земель в состав Речи Посполитой (за исключением Ф. М. Уманца) или их самостоятельного развития (Беларуси и Украины) решительно отвергалась [1, с. 229].

Оценочные основополагающие положения русской исторической полонистики, носящие сугубо консервативно-национальный характер (без использования термина «фундаментальные идеи»), были представлены Т. Т. Кручковским еще в его работах начала 90-х годов [25—27]. Эти фундаментальные (основополагающие) идеи российской исторической полонистики, по мнению Т. Т. Кручковского, имели антизападный и консервативно-национальный характер: о вековом противостоянии России и Польши, о западном цивилизационном пути Польши, несущем беды славянскому миру и самой Польше, о восприятии Польши как изгоя славянского мира по причине ее западного цивилизационного выбора еще в раннем средневековье, о Речи Посполитой как уникальной, но нежизнеспособной политической структуре.

Такая общая ситуация относительно российской исторической полонистики не могла способствовать объективному историческому познанию. Это отражалось и на характере подачи материала. Стиль изложения исторической полонистики часто далек от академического: допускались российскими историками эмоциональные оценки, разного рода пренебрежительные пассажи и замечания, позволялось вольное цитирование и толкование источников, исходя из политической целесообразности и т. д. По этой причине оценки были часто категоричны, имели часто публицистический характер [1, с. 230].

Таким образом, Т. Т. Кручковский являлся во многом родоначальником определения закономерностей и особенностей российской исторической полонистики XIX — начала XX века. Он поддержал дефиницию выделения основополагающих фундаментальных идей российской полонистики исследуемого периода (приняв терминологию их как фундаментальных или основополагающих идей) и впоследствии дополнил их следующими положениями: «о неизбежной победе России в вековом цивилизационном противостоянии с Польшей; о сугубо отрицательной роли католичества в истории Польши; о том, что западнорусские земли (территории современных Беларуси и Украины) признавались только частью единой православной России и не могли интегрироваться с Польшей в составе Речи Посполитой или существовать в качестве самостоятельных государственных образований» [1, с. 219—220].

К тому же в своих многочисленных историографических исследованиях Т. Т. Кручковский показал преломление этих фундаментальных (основополагающих) идей как на общих оценочных подходах российской исторической полонистики [1; 18—20; 24—30], так и на примере наиболее крупных представителей российской историографии, таких как Н. М. Карамзин [31; 32], С. М. Соловьев [33; 34], В. О. Ключевский [35—37], Н. И. Кареев и др. [38—41].

Однако в современной российской историографии предмета исследований [5—10; 16; 42; 43] эти положения Т. Т. Кручковского не упоминались (вероятно, по причине тогда малодоступности этих трудов гродненского историка, хотя часть их была опубликована в Москве) [18; 25; 26]. Возможно также, что это было по причине несовпадения взглядов по ряду принципиальных позиций: в первую очередь резкого акцентирования Т. Т. Кручковским полонофобских и антизападных позиций (в отношении истории Польши) в русской исторической полонистике независимо от ее теоретико-методологических и общественно-политических направлений. Только в исследованиях В. В. Кутявина было отдано должное первенству ряду научных приоритетов в определении и исследовании заявленной тематики Т. Т. Кручковским [17; 44; 45].

Следует отметить зависимость российской исторической полонистики разных направлений от консервативных и славянофильских идей, особенно при рассмотрении истории российско-польского противостояния, которое во многом интерпретировалось как цивилизационное противостояние или как религиозная война. Хотя в русской отечественной историографии и славяноведении в идейно-политическом плане преобладали сторонники славянофильства, а в среде исследователей всеобщей истории — сторонники западного либерализма, однако их общие подходы к истории Польши довольно близки. Либерально-прозападные взгляды К. Д. Кавелина, В. И. Герье, С. М. Соловьева сочетались с антиполонизмом [1, с. 220]. В российской исторической полонистике, писал еще ранее Т. Т. Кручковский, размывались четкие границы между либералами и консерваторами, «стиралась грань между славянофилом и западником» [18, с. 80]. Либеральным историкам, даже видным полонофилам, свойственно было великодержавное мышление [1, с. 220].

Указанные общественно-политические условия и теоретико-методологические рамки российской исторической науки привели к ситуации, по мнению Т. Т. Кручковского, когда изучение истории польского народа стало делом преимущественно тех, кто стоял на позициях славянофильства в широком понимании этой дефиниции. Это обусловило идеологическую окраску научных работ. История славян, прежде всего польская, рассматривалась с великодержавных позиций, принадлежность к славянству сочеталась с принадлежностью к православию [1, с. 220].

Так, Л. М. Аржакова отмечает ряд этих же идей, характерных для большинства исторических исследований периода XIX — начала XX века [5—7; 42; 43]. Она говорит о том, что все историки, кто писал о Польше, преимущественно изучали тематику польско-русских отношений, при этом трактуя их в великодержавном духе [43, с. 45].

Получается, делает заключение В. В. Кутявин, что русская историография в своем отношении к польской проблематике выражала только «русский», т. е. разделяемый самыми широкими общественными кругами взгляд на Польшу, ее историческую судьбу, ее будущее [17, с. 143]. «Долгое время многие интеллектуалы (особенно в России), — продолжает он, — уступали исследованию проблем, связанных с нацией, патриотизмом и т. п., мистификаторам консервативной ориентации» [45, с. 56]. «Полонофобия уже с XIX века, — утверждает В. В. Кутявин, — становится неотъемлемым элементом русской культурной и политической традиции [46, с. 414]. По определению Д. В. Карнаухова, в русской, точнее русскоязычной, научной литературе имперского (дореволюционного) периода интерес к истории Польши, польской историографии в значительной мере подогревался славянофильскими устремлениями авторов [47, с. 7].

Все это привело к формированию негативных стереотипов восприятия польской тематики, которые утвердились в культурно-историческом сознании русских, нашли отражение в деятельности не только историков, но и интеллектуалов, представляющих различные отрасли гуманитарного знания, а также творческой интеллигенции XIX—XX веков [1, с. 20]. Утверждается, что подобной была ситуация и у польской стороны. По мнению Д. В. Карнаухова, это были «полоноцентристские» подходы как к освещению русской истории в целом, так и к интерпретации ключевых событий политической и культурной истории Руси и ее отношений с соседними государствами и народами [47, с. 3].

Л. М. Аржакова отмечает, что историки придерживались мнения, что Речь Посполитая была нежизнеспособным явлением, поэтому в действиях России по ликвидации Речи Посполитой нет никакой ее вины и ответственности [7, с. 468]. «Многие воспринимали Польшу как изгоя всего славянского мира, а Речь Посполитую — вообще как уникальное и нежизнеспособное явление, — пишет историк, — что снимало с восточного соседа Речи Посполитой всякую вину за ликвидацию польской государственности. Ликвидацию эту воспринимали как дело неизбежное, исторически предопределенное» [7, с. 468].

В свою очередь В. В. Кутявин приводит своё видение главных идей российской полонистики XIX — начала XX века [17; 44—46]. Он отмечает, что в российском обществе полонофобия уже с XIX века становится характерной чертой русской культурной и политической традиции [46, с. 414], поэтому российская историография в своем отношении к польской

тематике выражала разделяемый самыми широкими общественными кругами официальный взгляд на Польшу [46, с. 414].

По мнению В. В. Кутявина, формирование полонофобии произошло под сильнейшим влиянием вооруженных восстаний польского народа [17, с. 145]. Н. В. Пислегин так же считает, что восстания сформировали в России явление полонофобии как реакции на польскую «измену» [21]. Эта особенность российской историографии была замечена еще П. А. Вяземским и В. Ф. Францевым [1], а также в современной российской науке (В. А. Хорев, Л. М. Аржакова). «Не приходится недооценивать тот факт, — пишет Л. М. Аржакова, — что в русском обществе и до Январского восстания, и особенно после его начала крайне сильны были антипольские настроения» [7, с. 252].

Одновременно во многом посредством дихотомии «Россия—Польша» долгое время определялось отношение в России к западной цивилизации, перенося отчасти и на Польшу российский «комплекс неполноценности» перед Западом. В связи с этими обстоятельствами российская историография рассматриваемого периода (или имперского периода, как она еще определяется в современной российской науке) не могла однозначно относиться к Польше и ее истории с позиций колониального превосходства, как это было свойственно для современной ей английской исторической мысли относительно, например, Ирландии или германской — в отношении неполноценности исторического пути Польши [1, с. 229]. Дело обычно не ограничивалось, продолжает Л. М. Аржакова, антитезой: «Польша—Россия» [7, с. 468]. Эти тезисы восходят к идеям, высказанным ранее в польской науке о том, что Польша воплощала не только Запад, но и Восток Европы, а в условиях XIX века «если Европа — это цивилизация политической свободы, то Польша стала центром этой цивилизации в XIX веке» [48, с. 187].

В связи с этим представляет собой интерес исследование, посвященное преломлению в творчестве фундаментальных идей российской исторической полонистики имперского периода Н. Н. Любовича, известного либерального историка, профессора Варшавского университета, основателя историко-филологического факультета Ростовского университета, активного российского общественного деятеля и участника ряда научных объединений.

Некоторые стороны творческого наследия Н. Н. Любовича в области исторической полонистики стали предметом исследования в современной историографии. Т. Т. Кручковский [18; 19; 49; 51] рассматривает вклад Н. Н. Любовича в исследование проблематики Реформации в Польше и ВКЛ в контексте оценочных подходов российской историографии XIX — начала XX века, в том числе проводит сравнение взглядов и подходов Н. Н. Любовича, методы и подходы его коллеги по Варшавскому университету — Н. И. Кареева. А. В. Демидович [52] провел в рамках доказательства социально-экономической подоплеки реформационного движения в Польше анализ работ Н. Н. Любовича по данной тематике. Ряд проблем исторической полонистики Н. Н. Любовича рассматривались также и автором статьи: исследование проблемы Реформации в Польше [49—51; 53; 54], отношений германского мира с Польшей и славянством [55], российско-польских отношений в первой трети XIX века [56]. Однако заявленная проблема статьи в контексте научного наследия Н. Н. Любовича не стала предметом отдельных исследований и в этом плане рассматривается впервые.

Позитивистские методологические установки Н. Н. Любовича проявились, прежде всего, в доминировании экономической сферы в историческом процессе. Проявление этого фактора особенно заметно у Н. Н. Любовича в интерпретации темы исследований (Реформация, экономическое развитие городов Германии, буржуазная революция в Нидерландах), а также методов исследования [57, с. 47].

О либеральных взглядах ученого свидетельствуют материалы его исследований, дружественные контакты с польскими учеными и с тем же Н. И. Кареевым [58]. Данные факты можно проследить в материалах как Н. А. Казаровцевой [59], так и Ю. Ф. Иванова [60]. Они отмечают тот факт, что большинство студентов, как польских, так и русских, как дворян, так и крестьян, сохранили добрую память о Н. Н. Любовиче как о преподавателе либеральных

и прогрессивных общественно-политических взглядов. Тем не менее Н. Н. Любовича нельзя назвать однозначным либералом. Он стремился дистанцироваться от идеологического и культурного конфликта между Российской администрацией и польской общественностью и был крайне осторожен в высказывании своих политических и идеологических ориентиров. Он понимал и стремился трезвым взглядом оценить ситуацию, в которой оказался польский народ. Н. Н. Любовичу, как и Н. И. Карееву, не безразлична была ситуация, в которой оказались простые люди России на рубеже веков [60, с. 89].

Н. Н. Любович в русской историографии известен, прежде всего, как исследователь Реформации в Польше, медиевист. До исследований Н. Н. Любовича в русской историографии серьезных работ по истории Реформации в Польше не было. Его научная работа стала одной из первых и главных исследований в российской науке по истории Реформации в Польше, проведенных с либерально-западнических позиций. Н. Н. Любович приходит к выводу, что все религиозные и духовные движения в каждом конкретном случае опираются на социальные противоречия и борьбу за блага и ценности между различными социальными группами. Исходя из этого вывода, он стал рассматривать европейскую Реформацию, в том числе и ее вариант в польско-литовском государстве, преимущественно с точки зрения экономического фактора как доминирующего. Именно оценочные подходы Н. Н. Любовича в отношении Реформации в Польше стали, согласно нашему мнению, основой ранней советской историографии в этой тематике.

Однако в целом Н. Н. Любович, несмотря на использование значительного материала источников и позитивистские методологические установки, остался в оценке Реформации в Польше на фундаментальных оценочных позициях российской науки. Общим положением для нее было определение отношений в Речи Посполитой между православием и католичеством, унаследованное от историографии первой половины XIX века как постоянного религиозного противостояния. Основали эту традицию еще Н. М. Карамзин и Н. Г. Устрялов, где главным критерием их взглядов было негативное отношение к католичеству [36, с. 207]. Период Реформации, по мнению Н. Н. Любовича (здесь он шел вслед за С. М. Соловьевым [33, с. 77]), был только кратковременным периодом ослабления католической реакции в стране.

В российской историографии имперского периода отношения славянства и германского мира в целом, как и российско-польские отношения, рассматривались исходя из славянофильских идей как борьба двух стихий, цивилизаций [1]. Проблема отношений романо-германской Европы и славянской центрально-восточной Европы как противостояния двух миров, как борьбы германского мира и славянства была актуальна в российской историографии XIX — начала XX века. Об этом писали крупнейшие российские историки имперского периода (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Кареев и др.) [1]. Исходя из этого фундаментального положения, Н. Н. Любович рассматривал отношения германского мира и славянства в XIII—XVI веках в славянофильской схеме общего противостояния двух миров (германского мира и славянства, в котором им выделялись как основные участники ордена крестоносцев, Польша и западнорусские земли). Еще в 80-е годы XIX века фактор противостояния германского мира и славянства был отмечен им в ряде работ, посвященных Реформации в Польше и ВКЛ. Известно, что заявленная проблематика также поднималась ученым в его общих курсах по всеобщей истории, читаемых для студентов историко-филологического факультета Варшавского императорского университета.

В оценке проблематики западного цивилизационного влияния посредством католической Польши на западнорусские земли Н. Н. Любович исходил из общего фундаментального положения о борьбе двух стихий, цивилизаций. Так, общим положением для него было определение отношений в Речи Посполитой между православием и католичеством как постоянного религиозного противостояния [49]. В работах, связанных с деятельностью иезуитского ордена на территории Речи Посполитой и ВКЛ, он делал выводы о том, что иезуиты привлекались на территорию Польши ВКЛ не для борьбы с протестантизмом (подобно и вслед за либералом С. М. Соловьевым [33]), а для привлечения в католическую церковь православных

верующих. Такие идеи горячо воспринимались сторонниками западноруссизма, хотя сам Н. Н. Любович стремился максимально нейтрально констатировать данный факт.

В российской историографии второй половины XIX — начала XX века либеральной направленности противостояние германского мира и славянства и ведущая роль в нем Польши виделась подобным образом, хотя и с выделением ряда существенных акцентов (В. О. Ключевский, Н. И. Кареев) [1, с. 180, 187, 201—205]. Наиболее отличительную позицию занимал здесь А. Л. Погодин. Он видел историческую миссию Польши в качестве государства, разделяющего Западную и Восточную Европу и играющего огромную роль в становлении исторической роли России. «И далее, — утверждал ученый, — занимая срединное положение между двумя слагающими силами, западноевропейской и русской монархиями, Польша терпела удары с двух сторон, но, разъединив их на время, она оказала громадную услугу Западной и Восточной Европе».

Н. Н. Любович, согласно фундаментальным положениям, считал, что крестоносцы имели целью своих действий завоевание славянского мира в Центрально-Восточной Европе и Прибалтике. При этом он утверждал, что все действия Ордена, в том числе и против католической Польши, имели заранее определенный план агрессии с привлечением всего германского мира. Он писал: «Тевтонский орден не удовольствовался, однако, тем, что этот князь предоставил ему Кульмскую землю, но выхлопотал себе у императора Фридриха II грамоту, в силу которой все земли, завоеванные Орденом, должны ему принадлежать. Таким образом, Орден шел уже обдуманно: во-первых, создать государство на берегу Балтийского моря, а во-вторых, получить себе самостоятельность и быть независимым от поляков». Ученый неоднократно подчеркивал, что периодически поступали пополнения рыцарей из Германии и других западных земель, отмечая, что Орден, «не порывал связей со Священной Римской Империей». Это положение в целом поддерживалось и в либеральной историографии. Так, А. Л. Погодин указывал, что крестоносцам помогали деньги европейских стран и большое количество рыцарей.

Н. Н. Любович соглашался с мнением российской историографии, что основной целью создания Ордена меченосцев было желание католической церкви и рыцарей укорениться в Прибалтике для завоевания новых территорий и массового крещения местного населения. Это Орденское государство Н. Н. Любович считал немецким, отмечая, что «выстроенный в Мариенбурге замок принадлежал к числу красивейших и обширнейших во всей Германии и вызывал всеобщее восхищение». «И не прошло ста лет, — делал заключение Н. Н. Любович, — как на севере Польши, между Вислою и Неманом, выросло сильное, богатое государство».

Как показывал Н. Н. Любович, в связи с таким усилением Ордена он стал опасен не только для язычников, православных земель, но и для католической Польши: «Серьезная опасность угрожала Польше со стороны нового соседа». Кроме того, Тевтонский орден в 1237 году, писал историк, соединился с Орденом Меченосцев. Следующей, как показывал Н. Н. Любович, в экспансии Ордена стала Польша. Он писал: «Тевтонские рыцари совершенно отрезали Польшу от моря. Даже того доступа к Балтийскому морю, на который поляки могли рассчитывать, благодаря приобретению Поморья с городом Гданьском (Данцигом) в конце XIII века <...> они вскоре окончательно лишились в начале XV века доступа к Балтийскому морю». В данном случае Н. Н. Любович акцентировал польско-германское геополитическое соперничество, отрицая цивилизационное противостояние, так как Польша уже стала, по его мнению, частью германского мира.

Это фундаментальное положение о противостоянии германского мира и славянства в ситуации угрозы Тевтонского ордена интерпретировалось Н. Н. Любовичем в тезис об опасности романо-германского мира для славян, балтов и западнорусских земель, и это было общей позицией российской историографии исследуемого периода независимо от ее направлений [1, с. 219]. Так, Н. И. Кареев утверждал, что немецкий «напор на Восток» и борьба славян с германизмом составляют одну из важных сторон средневековой и новой их истории.

Однако Н. Н. Любович поднял проблему не только завоеваний Ордена, но и немецкого цивилизационного влияния на восток от Лабы, весьма противоречиво решаемую в российской историографии того периода [1, с. 153, 156, 178, 185]. Хотя интерпретация этой проблемы у Н. Н. Любовича была довольно ограниченной и близкой к славянофильским идеям: военно-политическая борьба и подавляющее немецкое цивилизационное влияние. В наиболее концентрированном виде оценочные позиции о немецком влиянии в Польше представил М. Ф. Владимирский-Буданов в работе, специально посвященной этой проблеме, откуда, как видно из текста его статьи, были взяты Н. Н. Любовичем аргументы. Однако историк использовал только часть аргументации М. Ф. Владимирского-Буданова, относящуюся к негативным моментам немецкого влияния в Польше, в то время как российская историография либеральной направленности подчеркивала неоднозначность немецкого влияния на Польшу, которое, с одной стороны, способствовало экономическому и правовому прогрессу, а с другой — деградации политического строя [1, с. 203].

Положения и аргументы Н. Н. Любовича в данном вопросе в основном укладываются в схему фундаментальных положений российской консервативной историографии славянофильской направленности имперского периода. Однако и в этом случае историк допускал исключения. Так, Н. Н. Любович, описывая насильственный характер проникновения в Прибалтику, признавал огромные цивилизационные успехи Ордена. В представлении путей и механизмов следования германского влияния на земли Прибалтики и Польши Н. Н. Любович следовал за С. М. Соловьевым. Однако в сносках Н. Н. Любовича на используемую научную литературу по данному вопросу труды С. М. Соловьева отсутствуют. Н. Н. Любович по вопросу немецкой колонизации в Польше ссылался на немецкую и польскую историографию.

Опираясь на исследования польских историков (А. Прохаска, С. Соколовски, С. Коморницки, С. Кутшеба), Н. Н. Любович представил положение польских городов и торговли в контексте влияния немецкого элемента. При этом у Н. Н. Любовича отсутствовали ссылки на работы российских историков, затрагивающие в той или иной степени эти вопросы. Отношение в российской историографии к Магдебургскому праву в Центрально-Восточной Европе было весьма противоречивым. Известно, например, что наиболее крупный и известный российский либеральный историк начала XX века В. О. Ключевский выступал с позиций негативного влияния Магдебургского права на города Польши и ВКЛ, в том числе и на православных землях княжества [1, с. 174], в то время как Ф. М. Уманец (консервативно настроенный историк-славянофил, сторонник социального дарвинизма) признавал введение Магдебургского права в городах Польши и ВКЛ одной из основ политического и культурного могущества Речи Посполитой, политической и религиозной свободы [1, с. 117].

В результате стечения всех этих факторов, по утверждению Н. Н. Любовича, Польша к концу XIV века уже попала под влияние германского мира. «Немцы играли в ней, — писал российский историк, — очень видную и важную роль, и она была пропитана немецкой культурой» [60, с. 18]. Итог этих заключений Н. Н. Любовича однозначен: «Все это ясно показывает, в какой громадной зависимости находились поляки и от немцев, и от их культуры» [60, с. 18]. «У Польши не было тогда достаточного количества собственных культурных сил, — продолжал свое заключение российский ученый, — чтобы освободиться от немецкого влияния» [60, с. 18].

Эти оценочные позиции либерального историка Н. Н. Любовича значительно ближе к славянофильским идеям, чем либерально-западническим взглядам. Так, по утверждению известного сторонника славянофильских идей И. П. Филевича, немецкое влияние привело к перерождению славянского организма поляков. «В результате Польша не стала Германией, но свое собственное, кроме языка, понемногу растеряла, или оно приняло в своем развитии такие уродливые формы, что под ними уже не узнать первоначальной основы» [51, с. 29].

В то время как сторонники либерально-западнической ориентации сумели отказаться в данном вопросе от фундаментальных положений российской консервативной историографии, подчеркивая сохранение Польшей, несмотря на романо-германское влияние, оригиналь-

ных славянских черт (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин) [1, с. 122]. Так, М. К. Любавский утверждал, что поляки сохранили свои славянские черты: «К счастью, польская народность оказалась достаточно сильной, чтобы ассимилировать, претворить в себе инородные элементы, и в Польше славяне не утонули в немецком море, а наоборот — немцы в польском» [52, с. 16].

Однако в целом в отношении германского мира и Польши Н. Н. Любавич придерживался характерной для российской историографии оценки этих отношений, которая была дана С. М. Соловьевым: «Между ними сложилась застарелая ненависть, которая изначала существовала между Польшей и Немецким Севером». Исходя из такого подхода в качестве одной из особенностей польской истории средневекового периода в либерально-западнической историографии (В. О. Ключевский и Н. И. Кареев вслед за С. М. Соловьевым) отмечалась особая острота отношений с германским миром. Эти отношения рассматривались как с точки зрения цивилизационного влияния, так и польско-германского геополитического соперничества [34].

Важным эпизодом польско-германского противостояния Н. Н. Любавич считал период Реформации в Польше и Пруссии, находящейся в то время в вассальной зависимости от польского короля. Альбрехт, бывший в то время герцогом Пруссии, используя Реформации в Польше, считал Н. Н. Любавич, попытался освободиться от вассальной зависимости от польского короля Сигизмунда Августа и объединить свои владения в Пруссии и Бранденбурге.

Согласно мнению Н. Н. Любавича, провалу планов герцога Прусского Альбрехта онемечивания польского и литовского духовенства содействовало несколько факторов. Первым из них русский историк называл старую враждебность между немцами и поляками, которая перенеслась так же на польский и немецкий протестантизм. Противником этой политики, отмечал Н. Н. Любавич, выступила и католическая церковь Польши во главе с кардиналом Гозием. Особую роль кардинала Гозия польской католической церкви Н. Н. Любавич подчеркивал вслед за П. Н. Жуковичем, своим коллегой по изучению истории Реформации в Польше [55].

Как видим, Н. Н. Любавич вслед за славянофильской традицией подчеркивал существование польско-немецкого антагонизма, однако, придерживаясь либерально-западнической традиции, называл его нецивилизационным, а военно-политическим противостоянием. Вместе с тем Н. Н. Любавич вполне в духе российской консервативной историографии славянофильской направленности (как и С. М. Соловьев) объяснял такое положение тем обстоятельством, что Польша к этому времени уже попала под влияние германского мира. Для подтверждения этого положения Н. Н. Любавич приводил факты немецкого господства в польских городах, немецкой сельской колонизации на польских землях, господства немецкого купечества в польской торговле [58, с. 19]. Все эти доводы должны были подтвердить главную идею историка: «Ни до Грюнвальда, ни после него культура Польши не была оплотом славянства против германизации» [58, с. 20]. Отсутствие же в Польше славянского самосознания Н. Н. Любавич объяснял, как уже отмечалось автором, господствующим влиянием немецкой культуры и принятием католицизма. Эти аргументы были классическими положениями в этом вопросе российской консервативной историографии славянофильской направленности и, как видим, приняты либералом-позитивистом Н. Н. Любавичем «...Польша ...не только не старалась оградить себя от воздействия немецкой культуры, но, напротив, охотно проникалась ею» [58, с. 18].

В отношении общественно-государственного устройства шляхетской Польши, а затем и федеративной Речи Посполитой Н. Н. Любавич отдельных исследований не проводил. Однако имеется ряд его косвенных оценок этого общественно-государственного устройства. Так, Н. Н. Любавич выразил положительное отношение Пруссии в целом и различных категорий населения в частности по вопросу присоединения к Польше: «Управление в ней сулило, по-видимому, будущее более счастливое по сравнению с тем, что было под управлением Тевтонских рыцарей». Более того, по утверждению историка, после присоединения к Польше на этой территории сохранялось общественное устройство и социально-экономические и юридические права населения: «Переход под владычество Польши, которая сохранила населению Западной Пруссии все его права, привилегии, полную обособленность и самостоятельность» [58, с. 16].

Важно отметить, что Н. Н. Любович, представив столь умиротворенную картину присоединения и сосуществования немецкого Ордена с Польшей, совершенно обошел стороной вопрос о том, как это могло произойти в условиях борьбы германского мира и славянства (в первую очередь в лице Польши), а также (по его же мнению) полной зависимости Польши от романо-немецкой цивилизации. Не только ответа на этот вопрос, но и обсуждения вариантов ответа на него Н. Н. Любович не давал.

В современной Н. Н. Любовичу российской историографии имеется ответ на данный вопрос, близкий к оценочным позициям современной историографии. «Притягательность духа свободы, высокий уровень политической и религиозной свободы, — утверждал русский историк Ф. М. Уманец, — также способствовали присоединению к польскому королевству Пруссии и Ливонии» [60, с. 74]. Основой политического и культурного могущества Речи Посполитой Ф. М. Уманец, вопреки традиции современной ему русской историографии, считал политическую и религиозную свободу, основанную на шляхетском общественно-государственном устройстве» [40, с. 51]. Такая постановка вопроса о польской политической свободе как основе добровольного присоединения ВКЛ, Пруссии и Ливонии к Польше Ф. М. Уманца весьма редка в русской историографии и ближе всех в своих оценках к современной польской историографии (Ю. Бардах, Я. Мацишевски, Е. Охманьски, Х. Виснер и др.). Эти оценки Ф. М. Уманца были не только новыми для русской историографии его времени, но и впоследствии часть из них была принята в русской либеральной историографии конца XIX — начала XX века [40, с. 52]. Однако Н. Н. Любович (в отличие от Н. И. Кареева, А. Л. Погодина [1, с. 228]) в отношении проблематики отношений романо-германского мира и западного и восточного славянства этих новых идей не воспринял.

Эти оценочные позиции Н. Н. Любовича самым тесным образом примыкают к его оценкам основного тезиса фундаментальных положений российской науки об отношениях католической прозападной Польши и православных западнорусских земель в ее составе. Следует отметить, что проблематика истории ВКЛ, а точнее, ее западнорусских земель (современных территорий Украины, Беларуси) не была приоритетной темой научного наследия Н. Н. Любовича, хотя как исследователь всеобщей истории в общем и историк-полонист и славист в частности он по различным причинно-следственным обстоятельствам должен был их затрагивать. Ученый в изучении тематики истории ВКЛ и ее западнорусских земель ограничился несколькими проблемами: он дал в общих чертах свою ценностную характеристику состояния западнорусских земель в составе польско-литовской государственности, в первую очередь в отношении национально-конфессионального вопроса [59], проблеме влияния Реформации на православные земли ВКЛ [58—60], а также небольшому частному вопросу — отношений Подолии как части Речи Посполитой с Молдавией в XVI веке [60].

При этом в исследовании истории западнорусских земель в составе польско-литовской государственности в XVI веке Н. Н. Любович основывался как на российских и польских источниковых исследованиях, так и на собственных, работая над поиском документов в архивах Москвы, Петербурга, Варшавы, а также впервые для российской историографии в архивах Ватикана. Ученый подчеркивал, что «без изучения этого архива многие вопросы истории западнорусских земель останутся навсегда темными, так как ключ к их решению находится только там» [60, с. 1].

Н. Н. Любович вполне в традиции консервативно-националистической историографии рассматривал конфессиональную политику польских королей как католическую экспансию на западнорусские православные земли ВКЛ [60, с. 20]. По его мнению, католическая экспансия была постоянным явлением в ВКЛ, и рассматривал ее на примере Подолии [59, с. 2—3]. Н. Н. Любович представлял конечную цель и методы деятельности польской стороны следующим образом: «Только искоренивши православие, окатоличивши несколько население, возможно было рассчитывать на некоторое примирение его с чужим владычеством» [60, с. 14]. Н. Н. Любович, как вся российская консервативно-националистическая историография, да и часть либеральной (С. М. Соловьев, В. И. Герье), применяя двойные стандарты, не различал

понятий правового равенства церквей и равенства в своих правах лиц, исповедующих различные религии.

Из выделенных фундаментальных идей российской исторической полонистики исследуемого периода в отношении изучаемой Н. Н. Любовичем проблематики истории ВКЛ и ее западнорусских земель (территории современных Беларуси и Украины) — положение о сугубо отрицательной роли католичества в истории Польши; о том, что западнорусские земли признавались только частью единой православной России и не могли интегрироваться с Польшей в составе Речи Посполитой или существовать в качестве самостоятельных государственных образований [1, с. 220].

Заключение. Н. Н. Любович сохранил в своих оценочных позициях ряд фундаментальных положений российской консервативной историографии. Его оценочные позиции в комплексе проблем этой тематики весьма разнообразны и порой противоречивы. При этом в выработке своих оценок российский ученый опирался на широкий спектр научной литературы и источников, в том числе польских и немецких.

В отношении Реформации Н. Н. Любович пришел к выводу, что все религиозные и духовные движения в каждом конкретном случае опираются на социальные противоречия и борьбу за блага и ценности между различными социальными группами. Исходя из этого вывода, он стал рассматривать европейскую Реформацию, в том числе и ее вариант в польско-литовском государстве, преимущественно с точки зрения экономического фактора как доминирующего, в отличие от основополагающих идей российской консервативной историографии, считавшей Реформацию в Польше и других славянских странах как попытку перехода в православие.

В интерпретации характера противостояния германского мира и славянства (в том числе и Польши) он занял компромиссную позицию доктринам (как и С. М. Соловьев) российской консервативной историографии славянофильской направленности имперского периода и либеральной западнической историографии.

В оценке проблемы западного цивилизационного влияния посредством католической Польши на западнорусские земли Н. Н. Любович исходил из общего фундаментального положения о борьбе двух стихий, цивилизаций. Исследование заявленной проблематики в российской историографии в общем и у Н. Н. Любовича в частности опиралось на общих подходах российской науки к исторической полонистике.

Общий подход Н. Н. Любовича к истории западнорусских земель в составе польско-литовской государственности определялся не только его либеральными взглядами, но в первую очередь консервативно-националистическими оценочными подходами и явной полонифобией. В отношении истории западнорусских земель в составе Речи Посполитой Н. Н. Любович, подобно С. М. Соловьеву, принял фундаментальные положения российской консервативной историографии славянофильской направленности.

Список цитируемых источников

1. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т. Т. Кручковский. — Гродна, 1994. — 198 с.
2. Кручковский, Т. Т. Польско-германское противостояние X—XVI веков в оценке русской либеральной историографии второй половины XIX — начале XX века (на примере С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева) / Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — 2015. — № 2. — С. 53—59.
3. Аржакова, Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. — 343 с.
4. Аржакова, Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. — 543 с.

5. Гагуа, Р. Б. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410» / Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2009. — 208 с.
6. Гагуа, Р. Б. Грюнвальдская битва в отечественной и зарубежной историографии / Р. Б. Гагуа // Беларус. думка. — 2010. — № 8. — С. 58—67.
7. Гагуа, Р. Б. Российская и белорусская историография сражения при Грюнвальде / Р. Б. Гагуа // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1 : «Гуманітарныя навукі». — 2003. — № 2 (20). — С. 15—22.
8. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX веке / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2005. — 848 с.
9. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2012. — 840 с.
10. Włachowska, K. Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Włachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2001. — 350 s.
11. Włachowska, K. Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Włachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2009. — 410 s.
12. Любавич, Н. Н. Грюнвальдская битва и ее историческое значение / Н. Н. Любавич. — Варшава, 1911. — 21 с.
13. Любавич, Н. Н. Альбрехт герцог Прусский и реформация в Польше / Н. Н. Любавич // ЖМНП. — 1885. — Ч. ССХІІ. — С. 173—220.
14. Любавич, Н. Н. История реформационного движения в Польше. Кальвинисты и антиринитарианцы / Н. Н. Любавич. — Варшава : Тип. Земкеевича и Новаковского, 1883. — 376 с.
15. Любавич, Н. Н. К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI веке / Н. Н. Любавич. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1888. — 28 с.
16. Любавич, Н. Н. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше / Н. Н. Любавич. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1890. — 400 с.
17. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века : монография / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 383 с.
18. Кручковский, Т. Т. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1 : «Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія». — 2006. — № 3 (39). — С. 24—31.
19. Барбашев, А. И. Танненбергская битва / А. И. Барбашев // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1887. — Т. 154, № 12. — С. 151—193.
20. Коялович, М. О. Грюнвальдская битва 1410 года / М. О. Коялович. — СПб., 1885. — 20 с.
21. Барбашев, А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы / А. И. Барбашев. — СПб., 1886.
22. Барбашев, А. И. Витовт. Последние двадцать пять лет княжения (1410—1430) / А. И. Барбашев. — СПб., 1891.
23. Довгялло, Д. И. Битва при Грюнвальде 15 июля 1410 г. / Д. И. Довгялло. — Вильна, 1909.
24. Гейсман, П. А. Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию / П. А. Гейсман // Воен. сб. — 1910. — № 7. — С. 14—20.
25. Якубский, В. А. Фундаментальные идеи российской полоники XIX в. / В. А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. — Вып. 2. — С. 3—15.
26. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полоники XIX — начала XX веков : историографический обзор / Т. Т. Кручковский // Идеол. аспекты воен. безопасности. — 2016. — № 2 (25). — С. 29—37.
27. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 л.
28. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи русской либеральной полоники второй половины XIX — начала XX вв. / Т. Т. Кручковский // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі : зб. навук. арт. / А. А. Каваленя (гал. рэд.). — Гродна : ГрДУ, 2019. — Ч. 1. — С. 45—48.
29. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно : ГрГУ, 2003. — 349 с.
30. Хмылёв, Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. / Л. Н. Хмылёв. — Томск : Изд-во ТГУ, 1978. — 172 с.
31. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной историографии середины 70-х гг. XIX в. — начала 1900-х годов / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 1969. — 408 с.
32. Мягков, Г. П. Русская историческая школа. Методические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1988. — 218 с.
33. Шкуринов, П. С. Позитивизм в России XIX века / П. С. Шкуринов. — М. : Наука, 1980. — 416 с.
34. Казарова, Н. А. Историк Н. Н. Любавич к 160-летию со дня рождения [Электронный ресурс] / Н. А. Казарова // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-n-n-lyubovich-k-160-letiyu-sodnya-rozhdeniya>. — Дата доступа: 19.02.2018.

35. *Иванов, Ю. Ф.* Научная деятельность Н. Н. Любовича / Ю. Ф. Иванов // Совет. славяноведение. — 1980. — № 4. — С. 82—93.
36. *Кареев, Н. И.* Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. — 384 с.
37. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в исторической концепции С. М. Соловьева / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2015. — № 3. — С. 67—85.
38. *Попазова, А. М.* Изучение деятельности ордена иезуитов XVI в. на территории восточнославянского региона в последней трети XVI — начале XVII вв.: исследования российских чиновников [Электронный ресурс] / А. М. Попазова // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-obespechenie-kollegiy-ordena-iezuitov-v-vostochnoslavjanskom-regione>. — Дата доступа: 09.09.2018.
39. *Лаптева, Л. П.* Русский историк Н. И. Кареев и его взаимоотношения с политическими режимами / Л. П. Лаптева // Проблемы славяноведения : сб. науч. ст. — Брянск, 2000. — Вып. 2. — С. 88—95.
40. *Котусев, Е. Н.* Оценки реформации в Польше в русской историографии XIX — начала XX века (на примере оценочных подходов Н. Н. Любовича и Н. И. Кареева) / Е. Н. Котусев, Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — 2019. — № 1 (29). — С. 49—55.
41. *Хомяков, А. С.* Полное собрание сочинений : в 8 т. / А. С. Хомяков. — М., 1900. — Т. 5.
42. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. — М. : Мысль, 1991. — Кн. 9. : История России с древнейших времен. — Т. 17—18. — 701 с.
43. *Погодин, А. Л.* Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Миньшова, 1909. — 132 с.
44. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев / отв. ред.: И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. — М. : Мысль, 1988. — Кн. 2. : История России с древнейших времен. — Т. 3—4. — 765 с.
45. *Полевой, Н. А.* История русского народа / Н. А. Полевой. — М., 1833. — Т. 4. — 465 с.
46. *Кареев, Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
47. *Ключевский, В. О.* Сочинения. Курс русской истории : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М., 1988. — Т. 2. — 447 с.
48. *Владимирский-Буданов, В. М.* Немецкое право в Польше и Литве / В. М. Владимирский-Буданов. — СПб. : Печатня В. Головина, 1868. — 302 с.
49. *Соловьев, С. М.* История падения Польши / С. М. Соловьев. — М. : Тип. Грачева и компании, 1863. — 369 с.
50. *Prochaska, A.* Król Władysław Jagiełło / A. Prochaska. — 1908. — 414 s.
51. *Филевич, И. П.* Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. — М., 1894. — 104 с.
52. *Любавский, М. К.* Исторические судьбы славянства / М. К. Любавский. — М., 1915. — 27 с.
53. *Кареев, Н. И.* Падения Польши в исторической литературе / Н. И. Кареев. — М., 1888. — 413 с.
54. *Кареев, Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
55. *Иловайский, Д. И.* История России / Д. И. Иловайский. — М., 1896. — Т. 2.
56. *Полевой, Н. А.* История русского народа / Н. А. Полевой. — М. : Тип. Августа Семена при Императ. Мед.-Хирург. Акад., 1833. — Т. 5. — 687 с.
57. *Кареев, Н. И.* История Западной Европы в Новое время / Н. И. Кареев. — СПб., 1904. — Т. 1. — 421 с.
58. *Уманец, Ф. М.* Вырождение Польши / Ф. М. Уманец. — СПб. : Тип. М. А. Хана, 1872. — 341 с.
59. *Кручковский, Т. Т.* Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2007. — № 2. — С. 47—53.
60. *Жукович, П. Н.* Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П. Н. Жукович. — СПб., 1882. — 557 с.

Поступила в редакцию 22.07.2021.

УДК 94(476)«1921/1939»

В. И. Кривуть, доктор исторических наук, доцентУчреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (33) 673 26 60, krivut@mail.ru

ГАРНИЗОН «БАРАНОВИЧИ» И РЕАЛИЗАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена исследованию проблемы участия Войска польского в реализации правительственной молодежной политики на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Данная проблематика рассматривается в региональном разрезе на примере деятельности подразделений гарнизона «Барановичи». Отмечается, что данная деятельность носила довольно многосторонний характер. В статье характеризуется структура межвоенного гарнизона «Барановичи», а также основные направления активности силовых структур в молодежной среде: проведение военной подготовки молодого поколения, поддержка и организация спорта, опека над проправительственными молодежными союзами. Делается вывод, что польские власти отводили армии важную роль при реализации своей молодежной политики. При проведении исследования деятельности подразделений Войска польского из гарнизона «Барановичи» был использован широкий спектр документальных источников, часть из которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Западная Беларусь; Войско польское; гарнизон «Барановичи»; межвоенный период; молодежная политика.

Библиогр.: 16 назв.

V. I. Krivut, Doctor of Historical Sciences, Associate ProfessorEducational institution “Baranovichi State University”, 21 Voikova Str., 225404 Baranovichi,
the Republic of Belarus, +375 (33) 673 26 60, krivut@mail.ru

GARRISON “BARANOVICHI” AND REALIZATION OF OFFICIAL YOUTH POLICY DURING THE INTERWAR PERIOD

The article is devoted to the study of the problem of the participation of the Polish Army in the implementation of government youth policy on the territory of Western Belarus in the interwar period. This issue is considered in a regional context, using the example of the activity of the units of Baranovichi garrison. It is noted that this activity was rather multifaceted. The article describes the structure of the interwar garrison “Baranovichi”, as well as the main directions of the activity of power structures among the youth: military training of the younger generation, support and organization of sports, guardianship over pro-governmental youth unions. It is concluded that the Polish authorities assigned the army an important role in the implementation of their youth policy. When conducting a study of the activities of the units of the Polish army from Baranovichi garrison, a wide range of documentary sources was used, some of them are being introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Western Belarus; Polish Army; garrison “Baranovichi”; the interwar period; youth policy.

Ref.: 16 titles.

Введение. Правящие круги любого государства всегда уделяют значительное внимание проведению молодежной политики, целью которой является социализация молодого поколения, формирование у него качеств, необходимых для того, чтобы стать субъектом активной политической, экономической и культурной деятельности на благо данного общества. В той или иной мере к реализации данных мероприятий привлекаются все государственные структуры, в том числе и армия.

Так происходило и в ходе реализации молодежной политики польских властей на территории Западной Беларуси, которая в межвоенный период была включена в состав польского

государства. Наряду со школой и общественными молодежными организациями и союзами в реализации разного рода мероприятий в молодежной среде принимало активное участие Войско польское, польская армия, многочисленные подразделения которой дислоцировались на территории западно-белорусских воеводств в 1920—1930-х годах, в том числе и на территории города Барановичи, одного из поветовых городов тогдашнего Новогрудского воеводства.

Необходимо отметить, что на сегодняшний момент данная проблематика не получила соответствующего освещения в работах отечественных историков. В имеющихся немногочисленных монографиях и статьях, посвященных межвоенной польской армии, фактически не затрагивается вопрос участия Войска польского в проведении официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси. В целом это относится и к польской историографии, хотя в ней все же затрагиваются определенные аспекты так называемой «общественно-культурной деятельности» подразделений польской армии среди местного населения, в том числе и его молодого поколения. Однако комплексное рассмотрение именно участия в реализации правительственной молодежной политики, основанное на конкретной региональной тематике, отсутствует.

Данная статья является попыткой ликвидировать этот пробел, рассмотрев работу польских войск гарнизона «Барановичи» в области проведения официальной молодежной политики польских властей на территории Барановичского региона. С одной стороны, это позволит более подробно охарактеризовать названную политику с использованием конкретных региональных примеров ее реализации. С другой стороны, будет способствовать созданию комплексного и более объективного представления о общественно-политической жизни межвоенной Западной Беларуси и месте в ней польских оккупационных войск. Помимо этого, на современном этапе, несомненно, будет полезным изучение имевшего место в прошлом практического опыта по привлечению государственных силовых структур к работе в молодежной среде.

Материалы и методы исследования. При подготовке статьи привлекался достаточно широкий спектр документальных источников и ряд работ современных польских историков. Часть документальных источников была впервые введена в научный оборот. В первую очередь это касается публикаций межвоенной прессы и архивных материалов, посвященных разным аспектам участия воинских частей польского гарнизона «Барановичи» в проведении правительственной молодежной политики. По нашему мнению, используемый комплекс документальных источников позволяет эффективно реализовать стоящую перед исследованием цель.

В ходе работы применялись принципы научной объективности, историзма, ценностного подхода и системности, а также специальные исторические методы: историко-сравнительный, историко-генетический, историко-типологический. В целях решения поставленной задачи использовались общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, сравнение, обобщение.

Результаты исследования и их обсуждение. Межвоенное польское государство было разделено на ряд военных округов — округов корпуса (далее — ОК). Что касается Западной Беларуси, то там существовали два округа — ОК № III со штабом в Гродно и ОК № IX со штабом в Бресте. Территория Барановичей и Барановичского повета относилась к последнему [1, с. 368].

Гарнизон «Барановичи» являлся одним из важнейших и крупнейших гарнизонов не только в ОК № IX, но и во всей тогдашней Западной Беларуси. На протяжении всего межвоенного периода тут размещался ряд штабов крупных подразделений Войска польского и отдельные его части. Так, с 1921 года в городе находилось командование IX конной бригады (с 1924-го — 9-я отдельная бригада кавалерии, с 1937-го — Новогрудская бригада кавалерии). 1 июля 1928 года в Барановичи из Слонима был переведен штаб 20-й пехотной дивизии. Также в городе дислоцировались: 78-й пехотный полк, 26-й полк Великопольских уланов имени гетмана Яна Кароля Ходкевича, 1-й и 4-й дивизионы 20-го полка легкой артиллерии,

9-й дивизион конной артиллерии, 9-й эскадрон пионеров (специальное инженерно-саперное подразделение при кавалерийской бригаде). Помимо этого, в гарнизоне «Барановичи» размещались командные структуры частей польского Корпуса охраны пограничья (далее — КОП): бригады КОП «Новогрудок», потом полка КОП «Снов». Еще одной структурой КОП являлась находившаяся в городе станция почтовых голубей. Кроме непосредственно штабов и воинских подразделений Войска польского и КОП в состав гарнизона «Барановичи» входили: поветовая Комендатура пополнений, с 1938 года — Комендатура района пополнений «Барановичи» (армейские структуры, занимавшиеся призывом в ряды Войска польского); армейский католический приход (парафия) святого Антония Падуанского (охватывал территории Барановичского, Несвижского и Столбцовского поветов); Гарнизонная комендатура; Склад интендантских материалов № 22; Командование санитарного района «Барановичи»; региональный госпиталь, а с 1924 года — гарнизонная больничная палата; военный районный суд [2, с. 237; 3, с. 623—624; 4, с. 115].

На протяжении всего межвоенного периода гарнизон «Барановичи» играл заметную роль в жизни региона. В первую очередь это касается дивизионного и бригадного командования, а также 78-го пехотного и 26-го уланского полков. Впрочем, на первоначальном этапе этому мешал ряд трудностей, в основном материально-бытового плана. Стандарты жизни в окраинных гарнизонах в первой половине 1920-х годов были достаточно низкими, что отрицательно сказывалось на общественной активности польского офицерства. Так, например, в отчете инспекции военного министерства (декабрь 1926 года) отмечалось: «78-й пехотный полк является почти с каждой точки зрения заброшенным и отсталым. Складывается впечатление, что эта отсталость полка вместе с фатальными условиями существования интеллигентного человека отрицательно влияет на офицерский корпус и разочаровывает его в отношении работы» [5, с. 199].

Ситуация начала кардинально меняться со второй половины 1920-х годов, что было связано не столько с улучшением экономической конъюнктуры, сколько с государственным переворотом мая 1926 года, после которого Войско польское начало все более активно участвовать в общественно-политической и социально-экономической жизни межвоенного польского государства, в том числе и на территории его западно-белорусских воеводств. В связи с этим армия вовлекалась и в реализацию ряда направлений официальной молодежной политики.

Одним из важнейших направлений данной политики являлась военная подготовка (далее — ВП) молодого поколения, которая должна была охватить как школьную, так и внешкольную молодежь. Подготовка первой осуществлялась в рамках школьных отрядов (гуфцов) ВП. Со второй категорией молодежи работали общественные организации, в основном Стрелецкий союз «Стрелец». При этом общее руководство осуществляла армия, она же предоставляла и инструкторский персонал.

Что касается гарнизона «Барановичи», то тут ВП курировали представители 78-го пехотного полка. Так, например, известно, что с середины 1920-х годов добровольный школьный отряд ВП существовал в Государственной гимназии имени Т. Рейтана в Барановичах. В 1926/27 учебном году он насчитывал 90 учащихся из V—VIII классов. На занятия, теоретические и практические, отводилось по 3 часа в неделю. Показательно, что они проходили или в помещении самой гимназии, или в казармах 78-го пехотного полка. Руководителем отряда являлся учитель гимнастики Влочковский, а офицерами-инструкторами — поручик Песович, капитаны Дуль и Махновский из выше указанного полка. Кстати, необходимо отметить, что полк также предоставлял гимназии свой плац для уроков физкультуры [6, с. 7].

Всестороннюю поддержку при проведении ВП 78-й пехотный полк оказывал и внешкольной молодежи. При этом следует отметить, что данный полк отвечал за ВП молодого поколения не только в Барановичском, но и в соседних Новогрудском и Несвижском поветах. Официальные отчеты за 1927 год о развитии ВП в зоне ответственности 78-го пехотного полка сообщали следующее: «С организационной точки зрения регион развит слабо. Большая площадь, слабые коммуникации и малые средства не позволяют лучшего развития. К работе

в ВП больше стремится городской элемент, деревня слабо понимает ее значимость, исключение составляют осадники, а из призывников и резервистов только те, кто является членами объединений» [7, л. 57].

Но, несмотря на все трудности, деятельность офицеров-инструкторов постепенно давала результат, хотя в основном к акции ВП удавалось привлечь только членов школьных кружков и проправительственных молодежных союзов, в первую очередь Стрелецкого союза «Стрелец». Согласно официальной статистике, на декабрь 1938 года на территории, подведомственной 78-му пехотному полку, акция ВП осуществлялась в 37 местностях. Военное обучение подрастающего поколения проводилось в 7 школьных отрядах ВП (311 учащихся) и 89 отрядах при молодежных союзах (656 человек) [8, л. 11].

26-й уланский полк также не оставался в стороне от акции ВП. Известно, что в 1930-х годах он был привлечен к организации конной ВП (КВП). Полк отвечал за проведение данной подготовки на территории Барановичского и Слонимского поветов. Одновременно командование бригады КОП «Новогрудок», размещавшееся в гарнизоне «Барановичи», руководило КВП на территории Воложинского и Столбцовского поветов [9, с. 52—53].

С акцией ВП было тесно связано и развитие спорта, прежде всего стрелкового. В данной области гарнизон «Барановичи» также не оставался в стороне. В 1931 году официальный печатный орган военного министерства сообщал, что 78-й пехотный полк может похвалиться «прекрасными плодами своей работы по развитию стрелкового спорта в полку и на территории Барановичского повета и города Барановичи». Одним из таких плодов, помимо успешного участия в разного рода соревнованиях, являлось строительство стрелкового тира, переданного в дальнейшем поветовому Комитету ВП. Как отмечалось в публикации, «этот тир с точки зрения оборудования является одним из самых лучших на наших восточных окраинах» [10, с. 755].

Военные гарнизона «Барановичи» принимали активное участие в маршевых соревнованиях «Свитязянский шлях», проводившихся на рубеже 1920—1930-х годов по инициативе Стрелецкого союза по маршруту «Барановичи—Новогрудок». В первом марше в августе 1927 года наряду с другими командами приняли участие армейские команды 20-го полка полевой артиллерии и 78-го пехотного полка. Последняя стала победителем соревнований [11, с. 9]. Команды гарнизона «Барановичи» участвовали и в последующих маршах, в июле 1928-го и сентябре 1930-го, хотя повторить свой успех уже не смогли. Так, в 1928 году «маршевая дружина» 78-го пехотного полка смогла занять только второе место среди армейских команд [12, с. 3].

Также необходимо отметить, что показателем внимания, уделяемого военными властями «Свитязянскому шляху», является то, что, например, в 1928 году в состав Почетного комитета марша входили: командующий 20-й пехотной дивизией генерал О. Пожерский, командующий 9-й кавалерийской бригадой полковник С. Гжмот-Скотницкий, командир 78-го пехотного полка полковник М. Сокул-Шахин, а также командующий ОК № IX генерал Р. Трояновский. Членами судейской комиссии являлись: майор А. Стжелецкий (офицер ВП 20-й пехотной дивизии) и капитан С. Дуль (офицер ВП 78-го пехотного полка) [11, с. 10—11]. Кроме того, 20-я пехотная дивизия предоставила одну из наград — переходящий серебряный кубок [11, с. 20].

Еще одним направлением официальной молодежной политики, в реализации которой принимали участие воинские подразделения гарнизона «Барановичи», стала поддержка проправительственных молодежных союзов. Это в первую очередь касалось поддержки военизированного Стрелецкого союза «Стрелец». Фактически, с самого начала своего существования местные структуры «Стрельца» находились под постоянной опекой воинских подразделений барановичского гарнизона. Стрелецкий отряд возник в Барановичах в начале 1922 года и уже в феврале того же года начал проводить военную подготовку своих членов под руководством коменданта унтер-офицерской школы 78-го пехотного полка [13, с. 10].

Следует отметить, что военные в Барановичах занимались не только ВП членов союза. Известно, что на базе 78-го пехотного полка проводились разнообразные курсы для стрелецких активистов. Например, в 1928 году были проведены женские информационно-пропаган-

дистские курсы [14, с. 14]. В декабре 1933-го в Барановичах прошел курс гражданского воспитания для референтов «Стрельца». 78-й пехотный полк предоставил не только преподавателей, но и квартиры и питание для учащихся [15, с. 9]. Жены офицеров гарнизона «взяли шефство» над организацией досуга стрельцов. Именно благодаря их усилиям барановичским стрельцам удалось получить помещение для своей светлицы (клуба), открытие которой прошло в марте 1928 года [16, с. 11].

Заключение. Подразделения Войска польского из гарнизона «Барановичи» принимали самое активное участие в реализации ряда направлений официальной молодежной политики на территории Барановичского региона. Прежде всего это касалось проведения акции ВП среди молодого поколения. Второй важной сферой их активности стало развитие спорта, участие в организации и проведении спортивных мероприятий. Также военнослужащие гарнизона осуществляли всестороннюю опеку над проправительственными молодежными объединениями, прежде всего Стрелецким союзом. Все это в полной мере соответствовало директивам польских властей, отводившим Войску польскому важную роль в ходе реализации своей молодежной политики на территории Западной Беларуси.

Список цитируемых источников

1. Rozporządzenie Ministrów: Spraw Wojskowych, Spraw Wewnętrznych i Opieki Społecznej z dnia 7 lutego 1939 r. wydane w porozumieniu z Ministrami: Spraw Zagranicznych, Skarbu, Sprawiedliwości, Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, Rolnictwa i Reform Rolnych oraz Komunikacji w sprawie wykonania ustawy z dnia 9 kwietnia 1938 r. o powszechnym obowiązku wojskowym // Dziennik Ustaw. — 1939. — № 20. — S. 285—388.
2. Jurga, T. Regularne jednostki Wojska Polskiego w 1939 r. Organizacja, działania bojowe, uzbrojenie, metryki związków operacyjnych, dywizji i brygad / T. Jurga. — Warszawa : Wydawnictwo MON, 1975. — 344 s.
3. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фарміраваннях 1918—1945 гадоў / Ю. Грыбоўскі. — СПб. : Неўскі прасцяг, 2006. — 832 с.
4. Jabłonowski, M. Działalność Korpusu Ochrony Pogranicza w okresie poprzedzającym wybuch II wojny światowej / M. Jabłonowski // Wywiad i kontrwywiad II Rzeczypospolitej wobec groźby wybuchu wojny w 1939 r. — Warszawa : Mazowieckie centrum poligrafii, 2020. — S. 105—120.
5. Kusiak, F. Życie codzienne oficerów Drugiej Rzeczypospolitej / F. Kusiak. — Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992. — 300 s.
6. Sprawozdanie Dyrekcji Państwowego Gimnazjum imienia Tadeusza Rejtana w Baranowiczach, za rok szkolny 1926/27. — Baranowicze : Nakładem Dyrekcji Państwowego Gimnazjum, 1927. — 28 s.
7. Государственный архив Брестской области (ГАБО). — Ф. 1. Полесское воеводское управление. Оп. 2. Д. 2402.
8. Государственный архив Брестской области (ГАБО). — Ф. 67 сч. Командование округа корпуса № 9. Оп. 2. Д. 1052.
9. Wojciechowski, J. Organizacja Przysposobienia Wojskowego Konnego „Krakusów”. 1 faza / J. Wojciechowski // Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska. — 1996. — № 10. — S. 47—54.
10. Z życia wojska // Żołnierz Polski. — 1931. — № 33. — S. 754—757.
11. II Marsz „Szlakiem Świteziańskim”. Zawody piesze na trasie Baranowicze — Nowogródek, dnia 21 i 22 lipca 1928 r. — Nowogródek: Drukarnia E. Ginzburga, 1928. — 28 s.
12. Marsz Szlakiem Świteziańskim // Życie Nowogródzkie. — 1928. — 19 lipca. — S. 3.
13. Z życia Organizacji. Strzelec w Baranowiczach // Strzelec. — 1922. — № 5. — S. 10—11.
14. Żeński kurs w Baranowiczach // Strzelec. — 1928. — № 46. — S. 14.
15. Kurs wychowania obywatelskiego // Rolnik Nowogródzki. — 1934. — № 1. — 7 stucznia. — S. 9.
16. Imieniny Komendanta Piłsudskiego w Baranowiczach // Strzelec. — 1928. — № 14. — S. 10—11.

Поступила в редакцию 08.09.2021.

УДК 327(510)+614.2(100)

Х. КуньпэнБелорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, 220030 Минск, Республика Беларусь,
+375 (25) 503 47 39, hkp19851121@gmail.com**СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПОСТЭПИДЕМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (COVID-19)**

В XXI веке наука, техника и экономика развиваются быстрыми темпами. Землю, от которой зависит выживание человечества, называют «глобальной деревней». Развитие Интернета и транспортной индустрии сблизило людей всех стран, а транснациональные инфекционные заболевания стали общим врагом человечества. Всемирная организация здравоохранения как крупнейшее в мире межправительственное агентство здравоохранения играет важную роль в глобальном управлении здравоохранением. Укрепление сотрудничества со Всемирной организацией здравоохранения может способствовать реформе медицины и системы здравоохранения Китая. Сотрудничество со Всемирной организацией здравоохранения может сделать Китай более интегрированным в глобальную систему управления здравоохранением.

Ключевые слова: постэпидемическая эпоха; Китай; сотрудничество со Всемирной организацией здравоохранения.

Библиогр.: 7 назв.

H. KunpengBelarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus,
+375 (25) 503 47 39, hkp19851121@gmail.com**COOPERATION BETWEEN CHINA AND THE WORLD HEALTH ORGANIZATION
IN THE POST-EPIDEMIC ERA (COVID-19)**

In the 21st century, the science, technology and economics are developing rapidly. The earth which the humanity depends on for survival is called the “global village”. The development of the internet and transportation industry has made people of all countries closer, and transnational infectious diseases have become the common enemy of the humans. The World Health Organization as the world’s largest intergovernmental health agency plays an important role in global health governance. Strengthening cooperation with the World Health Organization can promote the reform of medical and health system of China. The cooperation with the World Health Organization can make China more integrated into the global health governance system.

Key words: post-epidemic era; China; cooperation with the World Health Organization.

Ref.: 7 titles.

Введение. 18 февраля 1964 года Чжоу Эньлай выдвинул восемь принципов иностранной помощи во время своего визита в 14 азиатских и африканских стран, подчеркнув, что китайское правительство всегда оказывало помощь всем странам на основе принципа равенства и взаимной выгоды, строго соблюдая суверенитет страны-получателя, не выдвигая никаких условий или требований. Китай всегда придерживался принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела других стран, равного статуса помощи и стран-получателей. Это отношения между друзьями и партнерами, а не между учителями и учениками. Сегодня концепция сообщества с общим будущим для человечества и сообщества здоровья продолжает углубляться и улучшаться, становясь руководящей концепцией китайской дипломатии общественного здравоохранения [1]. Известный ученый Джин Цзюнь из Университета Фудань считает Всемирную организацию здравоохранения (далее — ВОЗ) международным механизмом управления глобальным общественным здравоохранением [2, с. 8], поэтому со-

трудничество Китая и ВОЗ играет важную роль в противодействии ковид-инфекции и повышении уровня доверия в международных отношениях.

Материалы и методы исследования. Впервые концепция «медицинской дипломатии» была предложена Питером Борном в 1978 году. Он считает, что еще не полностью изучена роль здравоохранения и медицины как средства улучшения международных отношений. Определенные гуманитарные вопросы, особенно здравоохранения, могут быть основой для установления диалога и преодоления дипломатических барьеров, поскольку они выходят за рамки традиционных подходов [3, с. 23—114]. Эта концепция была разработана и созрела в последние десятилетия, а благодаря ее последователям стала широко известной [4, с. 23—315]. Кроме того, правительственные чиновники и международные организации все чаще приветствуют дипломатию в области глобального здравоохранения как инструмент одновременного осуществления планов по улучшению здоровья и укреплению международных отношений [5, с. 161—244]. Китайский ученый Цзинь Цзюнь утверждает, что «дипломатия общественного здравоохранения относится к глобальным действиям в области управления, предпринимаемым различными участниками для решения проблем безопасности общественного здравоохранения» [6, с. 82—83], и с этим нельзя не согласиться.

Методологическую основу исследования составили методы историзма, всесторонности и конкретности.

Результаты исследования и их обсуждение. В современном глобализованном мире транснациональные инфекционные заболевания привели к тому, что люди упали в одно микробное море [7, с. 147]. С момента вспышки COVID-19 руководство Китая несет ответственность за свой народ и мобилизует все общество на борьбу с распространением эпидемии во внешний мир. В настоящее время в Китае количество новых случаев заболевания ковид-инфекцией продолжает снижаться, число вылеченных продолжает расти, а ситуация с профилактикой и контролем эпидемий активно улучшается. Китай немедленно сообщил данные об эпидемии в ВОЗ и укрепил свои связи с ней.

Хорошая работа по борьбе с эпидемией — это величайший вклад Китая в безопасность общественного здравоохранения и мировое развитие. 28 января 2020 года Президент Китая Си Цзиньпин на встрече с генеральным директором ВОЗ Тедросом Адханом Гебрейесусом сказал следующее: «Безопасность и здоровье людей всегда являются первоочередной задачей, а профилактика и борьба с эпидемиями в настоящее время являются наиболее важными». Эпидемические заболевания транснационального распространения — это нетрадиционная проблема безопасности, угрожающая всему человечеству. Основным очагом вспышки COVID-19 стал город Ухань. Вспышка совпала с китайским Новым годом, когда 1,4 миллиарда человек должны были воссоединиться со своими семьями и навестить родственников и друзей.

Перед лицом эпидемии Коммунистическая партия Китая и китайское правительство быстро приняли самые всеобъемлющие, строгие и тщательные меры профилактики и контроля, чтобы решительно сдержать распространение эпидемии, настаивая на координации профилактики и контроля эпидемии, а также экономических и социальных мерах, и стремятся минимизировать негативное влияние эпидемии. 20 января 2021 года генеральный секретарь Си Цзиньпин издал важные инструкции в отношении борьбы с COVID-19, подчеркнув необходимость решительного сдерживания распространения эпидемии, 25 января 2021 года он провел заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК для повторного изучения вопросов предотвращения и контроля эпидемии. Люди всей страны едины, борются с болезнью и образуют мощный барьер на пути ее распространения. Как отметил генеральный директор ВОЗ Тедрос Адханом Гебрейесус, именно благодаря решительным мерам профилактики и контроля, огромным жертвам, принесенным китайским народом, Китай эффективно предотвратил распространение эпидемии на другие страны мира. Генеральный секретарь ООН Гу-

терриш также считает, что жертвы Китая по сдерживанию распространения вируса являются огромным вкладом в дело всего человечества.

Вирусы не знают границ. Основываясь на быстром создании общенациональной системы совместной профилактики и контроля, необходимо открытое и прозрачное международное сотрудничество в области здравоохранения. Всестороннее сотрудничество с международным сообществом — это четкое предложение и важная мера Китая в борьбе с эпидемией.

История человеческой цивилизации — история борьбы с болезнями. Эпидемия — типичная нетрадиционная угроза безопасности. Она имеет характеристики внезапности, транснациональности, неопределенности и сложности предотвращения и контроля. Международное сотрудничество, которое преодолевает предрассудки и узкие интересы, является единственно правильным выбором для сдерживания и ликвидации эпидемии. Китай всегда был в авангарде сотрудничества с международными организациями и странами мира в борьбе с транснациональными эпидемиями и предоставлении общественных продуктов для глобального управления общественным здравоохранением. В 2003 году Китай успешно заблокировал распространение атипичной пневмонии. В 2014 году эпидемия лихорадки Эбола охватила всю Западную Африку. В то время Китай стал первой страной, которая отправила зафрахтованный самолет для доставки предметов первой необходимости и медицинские бригады в пострадавший район. В условиях этой эпидемии Китай идентифицировал и за короткое время распространил всю последовательность генома штамма, заложив основу для разработки вакцин и эффективных лекарств, успешно разработал наборы для быстрого обнаружения пневмонии, предоставив другим странам научную основу для принятия мер по предотвращению и контролю эпидемии.

Китай берет на себя инициативу по обмену информацией с ВОЗ и международным сообществом, принимает делегацию экспертов ВОЗ для расследования и оценки эпидемии в Китае, осуществляет работу по профилактике и контролю эпидемии в соответствии с рекомендациями ВОЗ и Всемирных медико-санитарных правил. Эффективное сотрудничество с ВОЗ позволило создать первую линию защиты для сдерживания распространения эпидемии. Китай также активно укрепляет связи со странами, серьезно пострадавшими от эпидемии, такими как Япония, Южная Корея и Иран, что хорошо объясняет суть его международного сотрудничества.

Внезапная эпидемия COVID-19 еще раз напоминает нам, что современная эпоха — это эпоха, в которой переплетаются традиционная и нетрадиционная безопасность, а также эпоха, в которой локальные и глобальные проблемы трансформируются друг в друга. Ни одна страна не может находиться в стороне от решения глобальных проблем, интересы всех стран тесно интегрированы.

В рамках этого глобального сотрудничества в борьбе с эпидемией Китай поддерживает концепцию общего будущего для человечества, активно осуществляет международное сотрудничество в борьбе с эпидемией, проявляя открытость, прозрачность и ответственность, а также вносит свой вклад в поддержание и улучшение открытой и совместной глобальной системы управления общественным здравоохранением. В то же время страны мира также работают с Китаем, чтобы помогать друг другу и сражаться бок о бок. С момента вспышки коронной пневмонии лидеры более 170 стран и руководители более 40 международных и региональных организаций выразили Китаю соболезнования и поддержку.

В нынешнем эпидемиологическом кризисе многие иностранные друзья твердо стоят на стороне Китая. 5 февраля 2021 года премьер-министр Камбоджи Хун Сен решил изменить свой маршрут для посещения Китая после визита в Южную Корею, чтобы выразить соболезнования и поддержку китайскому правительству и народу; Президент Монголии Баттулга совершил свой первый визит в Китай после традиционного монгольского фестиваля — Фестиваля Белой Луны, посетил Пекин и подарил Китаю 30 000 овец. Пакистан срочно мобилизовал национальные медицинские резервы для помощи Китаю. Россия и Беларусь направили военные самолеты для транспортировки экспертов по профилактике эпидемий и гуманитар-

ных материалов в Китай. Японская балетная труппа Мацуюма спела для китайских друзей «Марш добровольцев». Некоторые африканские студенты, обучающиеся в Китае, выступили волонтерами на первой линии лечения от ковид-инфекции.

Китайский народ не забудет руку помощи, протянутую людьми всего мира. Когда внутренняя эпидемия еще не была полностью ликвидирована, Китай уже сделал все возможное, чтобы помочь другим странам, охваченным эпидемией, и распространить собственный противоэпидемический опыт для предотвращения эпидемии в мире. Эйлвард, иностранный руководитель совместной группы экспертов Китая и ВОЗ по расследованию COVID-19, и старший советник генерального директора ВОЗ дали понять, что стратегия Китая в ответ на COVID-19 была полностью реализована после завершения расследования эпидемии в Китае.

Совместные усилия по реагированию на международные чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения и совершенствование механизмов глобальной безопасности общественного здравоохранения по-прежнему являются единственно правильным выбором для человечества. Перед лицом серьезной проблемы COVID-19 люди всех стран, работая вместе, смогут победить эту общую для всего человечества угрозу.

Заключение. ВОЗ классифицирует COVID-19 как «чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения», потому что новый вирус — общий враг человечества. После завершения эпидемии Китай обобщит свой опыт, еще больше интегрируется в глобальную систему управления здравоохранением и активизирует реформу системы здравоохранения, увеличит подготовку международного медико-санитарного персонала, установит более тесное сотрудничество с ВОЗ, увеличит помощь странам с отсталыми медицинскими показателями и состоянием здоровья. Это станет его достойным вкладом в создание глобальной системы эпидемиологической безопасности.

Список цитируемых источников

1. *Zhao Lei* Practice and characteristics of public health in China / lei Zhao // *People's Pictorial*. — 2020.
2. Цзюон, Ц. Анализ международных механизмов в глобальном управлении общественным здравоохранением / Ц. Цзюон // Документ Ун-та Фудань. — 2009. — С. 8.
3. *Bourne P.* A Partnership for International Health Care / P. Bourne // *Public Health Reports*. — 1978. — № 93 (2). — P. 23—114.
4. *Adams, V.* Global Health Diplomacy / V. Adams, T. Novotny, H. Leslie // *Medical Anthropology*. — 2008. — № 27 (4). — P. 23—315.
5. *Drager, N.* Foreign Policy, Trade and Health: At the Cutting Edge of Global Health Diplomacy / N. Drager, D. Fidler // *Bulletin of the World Health Organization*. — 2007. — № 85 (3). — P. 161—244.
6. *Jin Jiyong.* On Public Health Diplomacy / Jiyong Jin // *Diplomatic Review*. — 2008. — № 104. — P. 82—83.
7. *Aginam, O.* Diplomatic Rhetoric or Rhetoric Diplomacy / O. Aginam // *Hamp-Shire: Ashgate publishing Ltd.* — 2007. — P. 147.

Поступила в редакцию 20.07.2021.

УДК 947“1831/1856”

Ф. А. Некрашевич, кандидат исторических наукУчреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
пр-т Машерова, 6, 220005 Минск, Республика Беларусь, davou@mail.ru

ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1831—1856)

Статья посвящена анализу коррупционных проявлений, имевших место при проведении рекрутских наборов в белорусских губерниях в 1831—1856 годы. Желание представителей податных сословий любыми способами избежать 20-летней военной службы нередко приводило к даче взятки должностным лицам, ответственным за проведение рекрутских наборов. В работе определены основные формы проявления коррупции при проведении рекрутских наборов. Эxpлицированы основные механизмы совершения коррупционных преступлений. Кроме того, выявлены факторы, мешавшие эффективной борьбе с коррупцией при проведении рекрутских наборов. Сделан вывод о том, что российское правительство в первую очередь заботилось о своевременной поставке нужного числа рекрутов. Борьба же с соблюдением законности при проведении рекрутских наборов не являлась для властей первоочередной задачей.

Ключевые слова: Российская империя; белорусские губернии; коррупция; рекрутские наборы; взятка.
Библиогр.: 14 назв.

P. A. Nekrashevich, PhD in HistoryEducational institution “Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus”,
6 Masherov Ave., 220005 Minsk, the Republic of Belarus, davou@mail.ru

CORRUPTION MANIFESTATIONS DURING RECRUITMENT IN THE BELARUSIAN GOVERNORATES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1831—1856)

The article is devoted to the analysis of corruption manifestations that took place during recruitment in the Belarusian provinces in 1831—1856. The desire of representatives of the taxable estates to avoid 20 years of military service often led to bribes to officials responsible for conducting recruiting. The paper identifies the main forms of manifestation of corruption during recruitment. The main mechanisms of committing corruption crimes were found. In addition, the factors that hindered the effective fight against corruption during recruitment were identified. It was concluded that the Russian government was primarily concerned with the timely delivery of the required number of recruits. The fight against corruption was not a top priority for the authorities.

Key words: Russian empire, Belarusian governorates; corruption; recruitment; bribery.
Ref.: 14 titles.

Введение. Одной из основных тем в изучении истории государственных институтов Российской империи является борьба с коррупцией. В историографии наибольшее внимание уделено изучению коррупционных проявлений в деятельности чиновников высшего ранга. При этом наметилась тенденция в изучении коррупции в отдельно взятых регионах и учреждениях.

Вооруженные силы являлись одной из ключевых государственных структур страны. Ведущим механизмом взаимодействия вооруженных сил и гражданского населения Российской империи первой половины XIX века являлись рекрутские наборы. Для армии они являлись важнейшим механизмом комплектования.

Многие подданные стремились избежать рекрутской повинности. Эффективным механизмом уклонения от военной службы всегда было взяточничество. Некоторые чиновники, ответственные за пополнение армии, были готовы за нужную сумму избавить человека от военной службы.

Данная статья является попыткой определить проявления коррупции при проведении рекрутских наборов на территории белорусских губерний в 1831—1856 годах. Выбор хронологических рамок определяется, с одной стороны, сохранностью материалов в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь (НИАБ), так как наиболее ранние выявленные дела по теме исследования датированы 1831 годом. С другой стороны, окончанием Крымской войны (1853—1856), после которой система рекрутских наборов стала претерпевать существенные изменения.

Материалы и методы исследования. Исследование основано на анализе неопубликованных материалов фондов НИАБ № 299 «Минское губернское правление», № 1297 «Генерал-губернатор Витебский, Могилевский и Смоленский», № 1416 «Витебская казенная палата» и № 1430 «Витебское губернское правление». В статье использованы общенаучные и специальные исторические методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В законодательстве Российской империи для определения коррупционных преступлений использовались термины «лихоимство» (принятие взятки для незаконного дела) и «мздоимство» (получение взятки для законного дела). Закон устанавливал три вида лихоимства: незаконные поборы, вымогательство вещами, деньгами или припасами, а также взятки с просителей по делам исполнительным и судебным [1, с. 24].

Должностных лиц, занимавшихся лихоимством при решении вопроса о поступлении на военную службу, можно разделить на две группы: лица, причастные к учету рекрутских книг, и члены рекрутских присутствий. Вопрос о том, кто должен был нести рекрутчину, решался благодаря очередной системе. Первые места в очереди занимали семьи с наибольшим числом ревизских душ. Далее шли семьи с меньшим числом ревизских душ. Рекрутов поставляли в основном семейства, стоявшие первыми в очереди. Учет этой системы велся благодаря рекрутским книгам. Формально рекрутские книги составлялись руководством общин, но ответственность за их ведение лежала на городской думе (в городах), волостном правлении (среди казенных и удельных крестьян) и помещиках (среди помещичьих крестьян) [2, т. 6, № 4677]. Рекрутские книги составлялись на основе ревизских сказок, в которых содержались необходимые сведения о семьях. За правильность составления ревизских сказок отвечали чиновники казенной палаты.

Если человек хотел избежать военной службы, он мог подкупить должностных лиц, готовых изменить очередность в рекрутских книгах. Например, одна большая семья, состоящая из шести ревизских душ, с помощью фальсификаций в ревизских сказках и рекрутских книгах могла превратиться в три небольшие семьи с двумя ревизскими душами. Благодаря такой операции семья, стоящая в начале очереди, перемещалась в ее конец. Например, в октябре 1837 года офицерами IV округа корпуса жандармов были выявлены массовые нарушения при ведении ревизских сказок со стороны чиновников казенной палаты Чериковского уезда. Данные нарушения привели к массовым изменениям в рекрутской очереди при проведении рекрутского набора 1836 года [3, л. 4—4 об.].

Другой возможностью уклониться от военной службы была дача взятки членам рекрутского присутствия. В их задачу входил осмотр новобранцев для отправки в армию. Если кандидат по медицинским или иным причинам (принят с нарушением порядка очереди, являлся беглым преступником и т. д.) не соответствовал требованиям Рекрутского устава 1831 года (Устав 1831 года), присутствие имело право не принимать его на службу. В состав уездных рекрутских присутствий входили: председатель (предводитель дворянства), судья ближайшего приписного уезда, уездный судья, городничий, воинский приемщик, врач, а также канцелярия для организации делопроизводства.

Открытым остается вопрос, насколько подкуп отдельно взятого чиновника рекрутского присутствия (а не всех его членов) мог содействовать решению вопроса о приеме кандидата на военную службу. Сохранившиеся материалы в фондах НИАБ позволяют с уверенностью

говорить лишь о коррумпированности отдельных чиновников, но не рекрутских присутствий в целом. Например, в 1834 году член рекрутского присутствия Савеневич принимал взятки от мещан для решения вопроса об освобождении от военной службы, при этом прочие члены присутствия не подозревались в коррупционных преступлениях [4, л. 3—4].

В составе рекрутских присутствий всегда числился врач, ответственный за осмотр новобранцев. Кроме того, при каждом присутствии состоял врач, который в случае затруднений в принятии решения должен был помочь в осмотре рекрута [5, с. 81]. Спорные вопросы решались большинством голосов членов присутствия. При равенстве голосов итоговое решение зависело от позиции председателя. Тем не менее врач являлся единственным специалистом в присутствии, способным адекватно определить годность новобранца к военной службе по медицинским показаниям. Очевидно, что для прочих чиновников мнение врача по подобным вопросам было определяющим.

Были ситуации, когда рекруты и их родственники, не имея возможности дать взятку врачу рекрутского присутствия, пытались найти другого медика, который бы засвидетельствовал их якобы негодность к военной службе. Так, в августе 1856 года вольнопрактикующий лекарь Цвирко выдал свидетельство новгородскому мещанину Флориану Гримсу о том, что он страдает «падучей болезнью» и не способен к военной службе. Достоверность заключения удостоверяла подпись письмоводителя пристава четвертого стана того же уезда Бирковского. Врачи рекрутского присутствия проверили результаты данного заключения и убедились в его незаконности [6, л. 2—5 об.].

Вышеописанная коррупционная схема не всегда проходила по классическому сценарию. Порой чиновники брали деньги, но не выполняли свои обязательства перед взяткодателем. Например, в 1854 году крестьянин Стефан Никифоров Невельского уезда Витебской губернии передал писарю Кузьме Метлицкому 10 р. за освобождение его брата Якова от рекрутской повинности. Тем не менее писарь, получив деньги, не захотел выполнять свои обязательства [7, л. 1 об.].

Лихоимство при проведении рекрутских наборов происходило и в виде вымогательства. Чиновники незаконно забирали человека для отдачи в рекруты и требовали деньги за его освобождение. Согласно сведениям, полученным военным уездным начальником 2-го округа Витебской губернии подполковником Агатовым, в 1834 году полоцкий городской голова Савененич и невелицкий рекрутский староста Бенкевич приговорили к сдаче в рекруты невелицкого мещанина Епифана Сизова. При этом чиновниками был грубо нарушен порядок рекрутской очереди, так как вместо Е. Сизова на службу должны были быть призваны другие люди. Родственники потерпевшего были вынуждены заплатить злоумышленникам 31 р. серебром для его освобождения [4, л. 3—4].

Существовало еще одно направление коррупционной деятельности — сбор рекрутских денег. Проведение рекрутских наборов было сопряжено с материальными расходами со стороны населения. Общины собирали деньги на содержание рекрутских присутствий, выдачу довольствия чиновникам, расходы по доставке новобранцев, их обмундирование, провиант и т. д. [5, с. 91—92]. Сбор денежных средств осуществлялся не чиновниками, а «выборными» представителями общин. Правовая неграмотность и отсутствие должного контроля со стороны правительства давали возможность «выборным» ради личного обогащения собирать с населения сумму, превышающую реальные потребности. Так, в августе 1851 года велижские мещане вынуждены были обратиться с жалобой к генерал-губернатору Витебскому, Могилевскому и Смоленскому А. М. Голицыну на «выборных» местной еврейской общины. Последние установили размер денежного сбора гораздо больше необходимого [8, л. 2—2 об.].

Существовали и более изощренные варианты незаконного обогащения при сборе рекрутских денег. Например, «поверенные» могли по документам завышать число душ в семьях, тем самым увеличивая сумму, которая должна была выплатить отдельно взятая семья. Подобная практика была зафиксирована в 1847 году в г. Велиже Витебской губернии. Поверенные местного еврейского общества приписывали к отдельным семьям по семь

и более душ, в результате сбор рекрутских денег для некоторых евреев был крайне обременительным [9, л. 1—1 об.].

Коррупция в рекрутских присутствиях имела исключительно негативные последствия для государства и гражданского населения. В ноябре 1847 года на военную службу поступил крестьянин Климовичского уезда Могилевской губернии Мартын Данилов. Несмотря на очевидные проблемы со здоровьем, врач Чериковского рекрутского присутствия Ковалевский назвал его годным к военной службе. Вскоре после поступления на службу у М. Данилова случился паралич нижних конечностей. За это врач рекрутского присутствия был привлечен к ответственности [10, л. 13—16 об.].

Совершение одного преступления нередко приводило к совершению второго. Если чиновники рекрутского присутствия за деньги помогали состоящему на очереди мужчине избежать военной службы, последнего всё равно необходимо было кем-то заменить, чтобы поставить в армию необходимое число новобранцев. Если коррупционные преступления совершались в общине, где была нехватка рабочих рук, то в армию могли направить людей, которые вообще не стояли на рекрутской очереди. В июне 1854 года витебский мещанин Петр Табунов подал жалобу на имя генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского П. Н. Игнатьева о притеснениях со стороны местного рекрутского присутствия. Его семейство, состоящее из двух душ мужского пола, не стояло в рекрутской очереди. Тем не менее рекрутский староста Гавриил Будник пытался насильственно взять П. Табунова в рекруты [11, л. 3].

Кроме очевидного проявления лихоимства при проведении рекрутских наборов имели место и случаи мздоимства. В таких случаях рекрутские старосты собирали с членов общины средства для подарков и подношений чиновникам. Такие подношения делались не для того, чтобы чиновник нарушил закон в решении судьбы отдельно взятого рекрута, а для того, чтобы он действовал законно и не притеснял общину. Например, по информации штабс-капитана корпуса жандармов Горошковского, подобные подношения в 1836 году получали члены Полоцкого рекрутского присутствия [12, л. 4].

На наш взгляд, можно обозначить несколько факторов, осложнявших борьбу с коррупцией при проведении рекрутских наборов. Одной из главных причин коррупции среди чиновников являлась их низкая зарплата. При этом для правительства увеличение вознаграждения чиновникам не было приоритетной задачей [13, с. 11]. По этой причине деятельность правоохранительных органов того времени по борьбе с коррупцией изначально была обречена на неудачу.

Анализ законодательных документов позволяет предположить, что власти не считали борьбу с коррупцией первостепенной задачей при проведении рекрутских наборов. Правительство в первую очередь следило за своевременной отправкой в войска новобранцев. В соответствии с этой целью Устав 1831 года предусматривал жесткие санкции в отношении чиновников за невыполнение в срок поставки рекрутов. Если новобранцы своевременно не прибывали в войска, это могло стоить чиновникам не только карьеры, но и свободы. Например, в 1853 году по итогам 10-го частного набора еврейские общины не смогли поставить необходимое число рекрутов. Император Николай I распорядился отправить в арестантские роты рекрутских старост тех еврейских обществ, которые в срок до 1 марта 1853 года не смогут поставить недостающих рекрутов [14, л. 1]. Получалось, что чиновники могли пойти на незаконные меры ради выполнения плана поставки рекрутов.

Борьбе с коррупцией часто мешало нежелание потерпевших обращаться к властям с жалобой на своих обидчиков. Подача жалобы для простого человека всегда сопровождалась значительным риском. Приговоры на сдачу рекрутов утверждались местным сельским или мещанским обществом. Обращаясь за помощью к властям, человек оспаривал решение всей общины. Это могло вызвать негативную реакцию со стороны верхушки общины.

Заключение. При проведении рекрутских наборов на территории белорусских губерний коррупция была достаточно распространенным явлением. Взяткодателем традиционно выступали представители податных слоев населения, желавшие избавиться себя или своих близких от

несения военной службы. В качестве получателя взятки выступали как российские чиновники, так и представители местных общин, ответственные за составление рекрутских книг.

Основными формами проявления коррупции являлись взяточничество и вымогательство. Кроме того, чиновники требовали деньги с населения для соблюдения законности при проведении наборов. Наконец, под видом взятки чиновники нередко брали у людей деньги, при этом не выполняли своих обещаний по освобождению нужных лиц от военной службы.

К основным механизмам, позволявшим чиновникам помочь взяткодателю избежать военной службы, относились изменения в рекрутских книгах и ревизских сказках, на основании которых составлялась рекрутская очередь. Кроме того, уклониться от службы в армии можно было путем дачи взятки членам рекрутских присутствий, непосредственно формировавшим списки новобранцев.

Борьбе с коррупцией при проведении рекрутских наборов мешал комплекс причин, связанный с материальным положением чиновников, нежеланием населения сообщать о совершенных преступлениях, а также позицией самого государства. В результате справедливость распределения рекрутской повинности часто носила условный характер.

Список цитируемых источников

1. *Финогентова, О. Е.* Понятие и ответственность за взятку по уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и уголовному уложению 1903 г. / О. Е. Финогентова // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. «Гуманитарные и общественные науки». — 2015. — Вып. 9. — С. 23—29.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г. : в 55 т. — СПб. : Тип. II отд-ния собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830—1884.
3. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 1297. Оп. 1. № 10255. Дело по отношению МВД о беспорядках, замеченных при производстве рекрутского набора. 29.10.1837—05.09.1838. — 7 л.
4. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 1297. Оп. 1. № 8201. Дело о противозаконных поступках Полоцкого гор. Головы и старосты, относительно рекрутской повинности. 29.05.1834—02.03.1837. — 11 л.
5. *Иванов, Ф. Н.* Работа медицинских чиновников в составе рекрутских присутствий в 1831—1874 гг. / Ф. Н. Иванов, А. Н. Иванова // Грамота. — 2016. — № 6, ч. 2. — С. 80—83.
6. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 299. Оп. 2. № 5222. Дело о выдаче ложного свидетельства вольнопрактикующим лекарем Цвирко и письмоводителем пристава 4 стана Новогрудского уезда Бирковским мещанину Гримзову от отбытия им рекрутской повинности. 12.05.1857—10.07.1857. — 6 л.
7. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 1430. Оп. 1. № 26780. Дело по предложению ген-губернатора о представлении сведений о писарях Невельского рекрутского присутствия Метлицком и Павлюченко, обвиняемых во взяточничестве. 28.03.1854—08.12.1854.
8. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 1297. Оп. 1. № 22615. Дело по прошению велижских мещан о неправильном распределении рекрутской повинности в городе Велиже. 15.08.1851—05.12.1853. — 4 л.
9. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 1430. Оп. 1. № 14731. Дело о злоупотреблениях, допущенных Велижской городской думой и городским головой при назначении лиц для 7-го частного рекрутского набора. 20.010.1847—25.05.1855. — 14 л.
10. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 1297. Оп. 1. № 20643. Дело по отзыву МВД о принятии Могилевским рекрутским присутствием в рекруты крестьян помещиков Голыньских, оказавшихся неспособными к военной службе. 04.03.1849—02.04. 1851. — 25 л.
11. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 1297. Оп. 1. № 23996. Дело по просьбе мещанина Габунова об ограждении его от притеснений рекрутских старшин. 12.02.1853—22.06.1854. — 4 л.
12. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 1297. Оп. 1. № 9514. Дело по предписанию Витебского гражданского губернатора о доставлении сведений штабс-капитану Горошковскому о членах полоцкого рекрутского присутствия, занимающихся взятками. 25.11.1836—07.01.1837. — 20 л.
13. *Астанин, В. В.* Борьба с коррупцией в России XVI—XX вв.: развитие системного подхода / В. В. Астанин. — М. : Рос. криминал. ассоциация, 2003. — 92 с.
14. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). — Ф. 1297. Оп. 1. № 23997. Дело об арестовании старшин еврейских обществ за недоимки рекрут. 14.02.1853—31.03.1853. — 14 л.

УДК 340:796(476)

А. А. ОбелевскийУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (29) 284 47 25, cucher2003@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Будучи носителем гуманистических общественных интересов, наше государство с 90-х годов XX века старается не только сформировать общенациональную модель физической культуры и спорта, но и закрепить ее законодательно.

Каждой отрасли права присущи «свои» юридические средства, отражающие особенности предмета регулирования поведения участников общественных отношений. В статье рассматривается развитие законодательных процессов, обеспечивающих деятельность государственных органов власти в сфере физической культуры и спорта на различных этапах становления суверенной Республики Беларусь. Особое внимание уделено рассмотрению вопросов совершенствования законодательной базы, поскольку совокупность правовых норм в сфере физической культуры и спорта не является самостоятельной отраслью права и до настоящего времени не систематизирована (кодифицирована). Актуальность исследуемой темы просматривается особенно остро, так как за относительно долгий 30-летний период существования независимой Беларуси многие значимые для отрасли физической культуры и спорта положения так и не были систематизированы в одном документе, а некоторые из них и вовсе на данный момент не закреплены в спортивном законодательстве страны.

Ключевые слова: физическая культура; спорт; закон; Республика Беларусь; нормативно-правовой акт.
Библиогр.: 15 назв.

А. А. ObelevskiyEducational institution “Yanka Kupala State University of Grodno”,
22 Ozheshko Str., 230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (29) 284 47 25, cucher2003@mail.ru

EVOLUTION OF THE REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK IN THE SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Being a bearer of humanistic public interests, since the 90s, our state has been trying to not only build a pan-national model of physical education and sport, but also to legally consolidate it.

Each branch of law has its own legal means reflecting the regulation peculiarities of its participants' behavior in public relations. The article examines the evolution of legislative processes which underlie the activities of state authorities in the field of physical education and sport at various formation stages of the sovereign Republic of Belarus. The article also pays special attention to improving the legal framework as the collection of legal acts for physical education and sport is not considered an independent branch of law and has not been systematized (codified) yet. The issue under research is highly relevant since over a relatively long 30-year period of the independent Belarus, a lot of significant for physical education and sport regulations have not been systematized in one act; moreover, some of them have not been even reflected in the sport law of the country.

Key words: physical culture; sport; legislative acts; Republic of Belarus; normative act.
Ref.: 15 titles.

Введение. В последние 20—30 лет спорт стал крупным социальным феноменом, важнейшим элементом системы ценностей современной человеческой культуры. Примечательно, что данный период совпал со становлением суверенной и независимой Республики Беларусь. К рассмотрению эволюции правовых отношений в области физической культуры и спорта

подтолкнуло особое внимание к ним со стороны местных исполнительных и распорядительных органов власти. Нередко с высокой трибуны можно услышать от Главы государства, насколько велика роль спорта в формировании имиджа страны, а также здорового образа жизни населения. Спортивная сфера в Республике Беларусь не может эффективно функционировать без совершенствования законодательной базы и учета международного опыта. Именно поэтому в настоящее время значительно вырос научный и практический интерес к спортивному праву. С обретением Республикой Беларусь независимости все более очевидным стал тот факт, что потребности прогрессивного развития физической культуры и спорта требуют поддержки со стороны государства. С широким спектром регулятивных отношений, подлежащих правовому регулированию в спортивной отрасли, тесно соприкасаются и правоохранные отношения, урегулированные нормами уголовного и административно-деликтного права [1].

Квалифицированное правовое сопровождение побед спортсменов — основа развития физической культуры и спорта, залог новых побед и рекордов.

Материалы и методы исследования. Еще недавно в стране спортивное право в качестве самостоятельной отрасли нигде не упоминалось, а вопросы совершенствования законодательства, регулирующего спортивные отношения, практически не поднимались. Отрадно осознавать, что на современном этапе, благодаря работам Т. Ю. Зевало, Е. В. Касьяновой, Е. В. Миненку, С. В. Прокопкиной, С. А. Ереминой и Е. И. Браима, вопросы развития спортивного права как отрасли и законодательства, как основы спортивных отношений все чаще фигурируют на теоретическом и прикладном уровнях. Сегодня в Республике Беларусь достаточно много пишут о спортивном праве и начинают понимать его роль в развитии отрасли в целом. Современными представителями (можно смело заявить) и основоположниками белорусского спортивного права являются В. С. Каменков, В. А. Круглов, Т. В. Журавлева, Е. К. Кулинкович, Е. М. Нахаева и М. А. Журова. На развитие нормативно-правовых отношений благоприятно повлиял конкурс на лучшую работу по теме «Спортивное право в Республике Беларусь», который впервые состоялся в 2010 году и вызвал неподдельный интерес у работников государственных органов, организаций физической культуры и спорта, представителей научного сообщества, юристов-практиков, а также у студенческой молодежи. С тех пор он стал ежегодным мероприятием, внимание к которому со временем не ослабевает.

Результаты исследования и их обсуждение. В различных сферах деятельности необходимы нормативно-правовые основы регулирования отношений всех субъектов права. Физическая культура и спорт не являются исключением. Одна из главных задач государственной политики в сфере физической культуры и спорта — формирование оптимальной модели управления, в которой будут четко распределены полномочия, функции и ответственность всех субъектов физической культуры и спорта. Особую роль в системе управления физической культурой и спортом приобретает более тесное взаимодействие между органами здравоохранения, образования, труда, обороны, внутренних дел и других заинтересованных министерств и ведомств.

Несмотря на большое количество исследований в области правовых практик, феномен профессионального спорта остается недостаточно четко представлен в ракурсе регулятора взаимоотношений спортивных субъектов, что представляет определенную перспективу для комплексного изучения эволюции законодательства в целом.

Конституцией Республики Беларусь закреплено право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья, которое обеспечивается, помимо всего прочего, развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями и совершенствованием охраны труда [2]. Следует отметить, что вышеперечисленные конституционные нормы остались неизменными на протяжении всего времени существования суверенной Беларуси.

Законотворческая деятельность в Республике Беларусь в области физической культуры и спорта началась с Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте», принятого 18 июня 1993 года, который определил правовые, социальные и экономические основы развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь, регламентировал участие государственных органов, предприятий, учреждений, организаций независимо от форм собственности, а также должностных лиц в укреплении здоровья людей средствами физической культуры и спорта [3].

Закон «О физической культуре и спорте» 1993 года установил только основные направления развития отрасли. Период 90-х годов ознаменовался большими финансовыми потерями, связанными с оттоком за рубеж опытных тренеров и спортсменов, на подготовку которых были затрачены немалые средства. Кроме того, в трудовом законодательстве не была предусмотрена возможность разрывать трудовой договор по инициативе нанимателя с тренером или спортсменом за снижение спортивного мастерства, за дисквалификацию спортсмена более чем на 1 год, за недостижение доведенных нормативов, за применение запрещенных веществ [4].

Дополнением к Закону «О физической культуре и спорте» 1993 года стала глава 26-1 Трудового кодекса Республики Беларусь 1999 года, которая посвящена трудовой деятельности профессиональных спортсменов и тренеров, их социальным гарантиям. Данный правовой акт позволил регулировать отношения между спортсменами, тренерами и нанимателями [5].

Спустя 10 лет (2003) в Закон «О физической культуре и спорте» 1993 года были внесены изменения и дополнения, изложенные в Законе Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О физической культуре и спорте”» от 29 ноября 2003 года № 251-3. Они определили правовые и экономические основы деятельности в сфере физической культуры и спорта в Республике Беларусь, создали условия для развития физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы, а также проведения спортивных мероприятий в Республике Беларусь и участия спортсменов (команд спортсменов) Республики Беларусь в международных спортивных мероприятиях [6].

В Закон «О физической культуре и спорте» 1993 года неоднократно вносились изменения и дополнения (в 2006, 2007, 2009, 2011 и 2012 годах), но они не затрагивали многие проблемные вопросы спортивной отрасли.

За время существования Закона «О физической культуре и спорте» 1993 года назрела необходимость объединить все изменения и поправки в новый закон, обновить устаревший нормативный акт с учетом современного развития сферы физической культуры и спорта и перспектив ее развития. 4 января 2014 года Президент Республики Беларусь подписал Закон «О физической культуре и спорте» № 125-3, который стал более объемным и полным как в количественном, так и в содержательном отношении [7]. Правовым ориентиром для принятия нового национального закона стал модельный закон СНГ «О физической культуре и спорте», принятый на заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ в 2009 году. Модельный закон создал правовую базу для реализации государственной политики в области физической культуры и спорта, предложил принципы законодательства в данной области в странах — участницах СНГ [8].

В законе 2014 года отредактированы основные понятия, впервые определены субъекты физической культуры и спорта, отражена деятельность специализированных учебно-спортивных учреждений, более широко и комплексно освещена государственная политика в сфере физической культуры и спорта, впервые закреплён принцип сочетания государственного и общественного регулирования и управления в сфере физической культуры и спорта [9].

В Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» 2014 года изменения и дополнения вносились лишь единожды — Законом № 92-3 от 09.01.2018, но они в содержательном смысле стали значимыми и примечательными.

Важным этапом в развитии нормативно-правовой базы стали законодательные акты по борьбе с допингом, поскольку этот вопрос до 2002 года совсем не регулировался. Таким образом, был организован допинговый контроль в области спорта. Законодательное закрепление

основных направлений борьбы с применением допинга в Республике Беларусь послужило основой для начала реализации в стране государственной политики в данной области [10; 11].

Также в целях создания необходимых условий для развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь, оптимизации мер по поддержке игровых видов спорта в 2013 году был издан Указ Президента Республики Беларусь «Об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта» [12].

Вместе с тем на повестке дня стоит вопрос дальнейшего развития правовой базы регулирования детского спорта, в том числе путем принятия единого нормативного правового акта, учитывающего особенности детско-юношеского спорта. На сегодня в силу разностороннего и комплексного характера отношений и само законодательство в этой сфере отличается многообразием. Наиболее значимые отношения регламентируют акты Президента Республики Беларусь. Как представляется, разработка и принятие данных актов в целом должны коррелироваться с процессом доработки существующего закона о спорте, а также с разработкой и принятием нового закона о профессиональном спорте. В этой нормотворческой работе можно было бы учесть подходы, содержащиеся в принятом Межпарламентской Ассамблее государств — участников СНГ 19 апреля 2001 года модельном законе «О детско-юношеском спорте». Нормативно-правовая база, порядок финансирования в сфере детско-юношеского спорта должны разрабатываться с учетом реальной практики, накопленного опыта и имеющихся в этой области проблем и нерешенных вопросов.

С первых дней суверенитета Беларуси находятся возможности по поддержке и развитию физической культуры и спорта. Примером являются постановления Совета Министров Республики Беларусь об утверждении Государственной программы развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь не менее чем на 4 года. В настоящее время действует Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 № 54 «О Государственной программе “Физическая культура и спорт” на 2021—2025 годы». Государственная программа является основополагающим документом для развития отрасли на пятилетку, подготовленным с учетом приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь. Целями программы являются: успешное выступление белорусских спортсменов на Олимпийских играх и других крупнейших спортивных соревнованиях, приобщение населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом, создание условий для развития детско-юношеского спорта [13].

Очевидно, что господдержка оказывает большое влияние на развитие всего детско-юношеского спорта, более того, абсолютное большинство детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва сегодня могут существовать лишь за счет помощи государства и предприятий, что регламентировано рядом нормативных документов [14]. Вместе с тем в вопросах финансирования имеется ряд проблем: недостаточность объемов финансирования, вынужденное расходование большого количества выделенных средств на оплату аренды спортивных объектов, низкие заработные платы тренеров-преподавателей, недостаточность денежных средств на проведение различного рода спортивных мероприятий и т. д. Согласно ст. 314/10 главы 26-1 Трудового кодекса Республики Беларусь наниматель обязан обеспечивать спортсменов, тренеров спортивной экипировкой, спортивным оборудованием и инвентарем, другими материально-техническими средствами, необходимыми для осуществления их трудовой деятельности, а также поддерживать указанные оборудование, инвентарь и средства в состоянии, пригодном для использования. Однако на практике материально-техническое обеспечение национальных и сборных команд Республики Беларусь по видам спорта за счет средств республиканского бюджета осуществляется в приоритетном порядке, установленном республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику в сфере физической культуры и спорта [5]. По мнению автора, многие вопросы, актуальные в настоящее время в детско-юношеском спорте, могут быть решены за счет привлечения спонсоров. Общие положения спонсорства закреплены и отражены в Указе Президента Республики Беларусь от

1 июля 2005 года № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи». Со стороны государства уже сделаны значительные шаги в области предоставления налоговых преференций спонсорам, оказывающим помощь спортивным организациям. Так, указом № 497 предусмотрено право спонсоров включать суммы расходов по оказанию безвозмездной (спонсорской) помощи спортивным организациям в состав внереализационных расходов для целей налогообложения [15].

Заключение. В результате знакомства с юридическими и историческими научными исследованиями можно сказать, что принятые законодательные акты достаточно поздно получили свой правовой статус. Подтверждением тому становится тот факт, что только в 2008 году в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября № 1490 «О некоторых вопросах профессионального пенсионного страхования» был закреплён статус спортсменов высокого класса и возможности получения ими профессиональной пенсии. До этого субъект (спортсмен) являлся работником в сфере физической культуры и спорта. Ни для кого не секрет, что спортивный век у атлетов недолгий, поэтому, безусловно, они заслуживают гуманного отношения к себе.

Несмотря на то, что Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» регулярно пересматривается и обновляется, в нем не отражены многие значимые для спортивной отрасли положения. Например, не определены условия финансирования отрасли, а документы, регулирующие финансовые отношения и инвестиции, носят частный характер. Не освещены права спортсменов, недостаточно внимания уделяется правовому обеспечению юношеского спорта. Законодательная база оказывает существенное влияние на развитие физической культуры и спорта в любом государстве. Отсутствие законодательных актов, регулирующих правовые отношения в определенной области спорта или физической культуры, существенно тормозит развитие и совершенствование данной отрасли. Если рассматривать непосредственно правовое обеспечение сферы физической культуры и спорта по таким критериям, как правовое обеспечение юношеского спорта, спорта высших достижений, спорта инвалидов, физической культуры, права спортсменов, финансирование отрасли, то можно сделать вывод о том, что, во-первых, в Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» 2014 года не прописаны условия финансирования спортивной отрасли, во-вторых, все документы, регулирующие финансовые отношения и инвестиции, носят частный характер.

Нормативные акты сферы физической культуры и спорта должны разрабатываться и приниматься во взаимодействии с различными отраслями. Однако необходимо отметить, что в настоящее время нормативно-правовая база в сфере физической культуры и спорта не всегда успевает за изменениями в реальной жизни. Кроме того, многие из них тормозят позитивные процессы. В связи с появлением новых форм физкультурно-спортивной деятельности нормативные акты административного, финансового, хозяйственного, социального обеспечения не успевают решать возникающие в отрасли трудности. Процесс формирования и развития спортивного права имеет достаточно длинную историю, но дальнейшее развитие физической культуры и спорта в Республике Беларусь по-прежнему нуждается в оперативном, эффективном нормативном обеспечении, а также требует правовых знаний от руководителей, тренеров, педагогов, инструкторов, методистов и спортсменов.

Список цитируемых источников

1. Денисюк, М. Е. Об уголовной и административной ответственности в сфере спорта / М. Е. Денисюк // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. — Минск, 2012. — Вып. 2. — С. 130—143.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — Минск : Амалфея, 2005. — 56 с.
3. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2445-ХП // Белзакон.net. — Режим доступа: https://belzakon.net/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD_%D0%A0%D0%91/199/1951 . — Дата доступа: 18.06.2021.

4. Браим, Е. И. Сравнительный анализ юридического обеспечения физической культуры и спорта в Республике Беларусь, Российской Федерации и Французской Республике / Е. И. Браим // Международная научно-практическая конференция по проблемам физической культуры и спорта государств — участников Содружества Независимых Государств : материалы V Науч.-практ. конф. молодых ученых, Минск, 23—24 мая 2012 г. : в 4 ч. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; редкол.: Т. Д. Полякова (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГУФК, 2012. — Ч. 1. : Молодежь — науке. Актуальные проблемы теории и методики физической культуры, спорта и туризма. — С. 10—14.
5. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 29 нояб. 2003 г., № 251-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19302445>. — Дата доступа: 22.06.2021.
6. Особенности регулирования труда работников, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта [Электронный ресурс] / Трудовой Кодекс Республики Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-3 // Kodeksy-by.com. — Режим доступа: https://kodeksy-by.com/trudovoj_kodeks_rb.htm. — Дата доступа: 29.06.2021.
7. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400125>. — Дата доступа: 25.06.2021.
8. О новой редакции модельного закона «О физической культуре и спорте» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, 3 дек. 2009 г., № 33-23 // Эталон-online. — Режим доступа: <https://etalononline.by/document/?regnum=n20900109>. — Дата доступа: 24.06.2021.
9. Об утверждении Инструкции о порядке лишения права участия в официальных спортивных соревнованиях Республики Беларусь и в спортивных соревнованиях в составах национальных и сборных команд Республики Беларусь спортсменов, биопробы которых показали использование запрещенных к применению методов, веществ, и лиц, виновных в применении их спортсменами, а также спортсменов, отказавшихся от допингового контроля [Электронный ресурс] : постановление М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь, 29 дек. 2004 г., № 13 // Белзакон.net. — Режим доступа: https://belzakon.net/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0_%D0%B8_%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B0_%D0%A0%D0%91/2004/79072. — Дата доступа: 22.06.2021.
10. О присоединении Республики Беларусь к Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2008 г., № 401-3 // Белзакон.net. — Режим доступа: https://belzakon.net/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD_%D0%A0%D0%91/2008/551. — Дата доступа: 28.06.2021.
11. Об оказании поддержки организациям физической культуры и спорта [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 апр. 2013 г., № 191 // Kodeksy-by.com. — Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%20%D0%A0%D0%91/type-%D0%A3%D0%BA%D0%B0%D0%B7/191-15.04.2013. — Дата доступа: 29.06.2021.
12. Государственная программа развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2021—2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г. № 54 // М-во спорта и туризма Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://mst.by/ru/programmy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-respublik>. — Дата доступа: 30.06.2021.
13. Миненок, Е. В. Правовые основы функционирования физической культуры, спорта и туризма в Республике Беларусь / Е. В. Миненок, С. В. Прокопкина // Проблемы и перспективы развития физической культуры, спорта и туризма в Республике Беларусь : электрон. сб. материалов Респ. науч.-практ. семинара, Новополоцк, 24 марта 2017 г. / Полоц. гос. ун-т ; отв. за вып. Е. Н. Борун. — Новополоцк, 2017. — С. 24—249.
14. Обелевский, А. А. Эволюция нормативно-правовой базы в сфере физической культуры и спорта Республики Беларусь / А. А. Обелевский, А. Г. Обелевский // Актуальные проблемы правового регулирования спортивных отношений : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году науки и технологий — 2021, Челябинск, 15 апр. 2021 г. / Ур. гос. ун-т физ. культуры ; отв. ред. С. А. Захарова. — Челябинск, 2021. — С. 48—51.
15. Фридман, Е. В. Детско-юношеский спорт: правовые особенности, порядок финансирования / Е. В. Фридман // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. — Минск, 2012. — Вып. 2. — С. 347—366.

Поступила в редакцию 27.09.2021.

УДК 330.322:331.101.262:005.591.6:338.45:66(476.2-37Светлогорск)

Я. А. Богдан

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
ул. Советская, 104, 246028 Гомель, Республика Беларусь, +375 (44) 548 71 68, bogdan_yanka@mail.ru

**АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЯМИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
В ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ОАО «СВЕТЛОГОРСКХИМВОЛОКНО»)**

В статье представлена апробация авторской методики оценки эффективности управления инвестициями в человеческий капитал в условиях инновационной экономики на основе аналитических и статистических данных ОАО «СветлогорскХимволокно». Проанализированы инвестиции в человеческий капитал за 2016—2020 годы с позиции процессного подхода по объектам управления: инвестиции в развитие, мотивацию, здоровье. Рассчитан показатель эффективности инвестиций в человеческий капитал. Определен уровень инновационной восприимчивости персонала, включающий показатель инновационной готовности персонала, определенный с использованием метода социологического исследования, и показатель инновационной активности организации. В результате оценена эффективность управления инвестициями в человеческий капитал в условиях инновационной экономики в ОАО «СветлогорскХимволокно», а также выявлены существующие недостатки системы управления инвестициями в человеческий капитал.

Ключевые слова: инвестиции; человеческий капитал; инновационная экономика; эффективность.

Табл. 6. Библиогр.: 5 назв.

Ya. A. Bogdan

Educational institution “Francisk Skorina Gomel State University”, 104 Sovetskaya Str., 246028 Gomel,
the Republic of Belarus, +375 (44) 548 71 68, bogdan_yanka@mail.ru

**APPROBATION OF THE METHODOLOGY OF THE EFFECTIVENESS
OF THE HUMAN CAPITAL INVESTMENT MANAGEMENT IN THE ORGANIZATION
UNDER THE INNOVATIVE ECONOMY (ON THE EXAMPLE
OF OJSC “SVETLOGORSK K HIMVOLOKNO”)**

The results of approbation of the author’s methodology of the effectiveness of the human capital investment management under the innovative economy on the basis of analytical and statistical data from OJSC “Svetlogorsk-Khimvolokno” are presented in the article. Human capital investments in 2016—2020 are analyzed under the process approach to the objects of regulation: investment in personnel development, motivation, in health improvement. The indicator of the effectiveness of the human capital investment is calculated. The level of personnel innovative susceptibility is determined, including the indicator of personnel innovative readiness, based on the results of sociological research, and the indicator of innovative activity of the organization. As a result, the effectiveness of the human capital investment management under the innovative economy at OJSC “SvetlogorskKhimvolokno” is assessed, and the existing shortcomings of the human capital investment management system are identified.

Key words: investment; human capital; innovative economy; effectiveness.

Table 6. Ref.: 5 titles.

Введение. Инновационная экономика требует гибкости от организации, которая может быть обеспечена использованием процессного подхода к управлению. На основании декомпозиции процесса управления инвестициями в человеческий капитал в условиях инновационной экономики (с использованием программного обеспечения Business Studio) на подпроцессы по объектам управления (развитие, мотивация, здоровье, инновационная восприимчивость персонала) были определены показатели стоимостной оценки в рамках каждого объекта управления (за исключением инновационной восприимчивости, поскольку управление этим объектом будет осуществляться через инвестирование в другие объекты). Так, развитие персонала оценивается затратами на профессиональное и личностное развитие, мотивация персонала — затратами на оплату труда и затратами на нематериальную мотивацию, здоровье — затратами на мероприятия, связанные с организацией питания и спортивных мероприятий, охраной труда и пр.

На основании вышеизложенного была разработана авторская методика оценки эффективности управления инвестициями в человеческий капитал в организации в условиях инновационной экономики, основанная на процессном подходе, результат апробации которой представлен в настоящей статье.

Материалы и методы исследования. Наибольший вклад в исследование вопросов оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал внесли такие ученые, как Д. Киркпатрик (выделил 4 уровня оценки: реакция участников, обученность, практические навыки, результаты обучения как эффективности проведенных мероприятий в масштабах всей организации), Дж. Филипс (усовершенствовал модель Киркпатрика путем добавления 5-го уровня — коэффициента отдачи от инвестиций [1]), Я. Фитценц (предложил коэффициент окупаемости инвестиций [2, с. 211]), О. Г. Ваганян (представил соотношение двух величин: разницы между капитализацией организации и ценой замещения ее реальных активов, за вычетом обязательств, и инвестиций в нематериальные активы [3]), Р. И. Капелюшников (предложил два подхода к расчету норм отдачи от инвестиций в человеческий капитал: прямое измерение выгод и издержек и оценка параметров «производственной функции зарплаток» [4, с. 56]) и др. Следует отметить, что ни в одной методике не учтены особенности инновационной экономики, когда наряду с традиционными затратами возникает необходимость в инвестициях, направленных на преодоление сопротивления персонала всевозможным изменениям.

При написании статьи были использованы общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Используя разработанную методику оценки эффективности управления инвестициями в человеческий капитал на микроуровне, были получены следующие результаты на основании отчетности ОАО «СветлогорскХимволокно».

Анализ инвестиций в человеческий капитал по объектам управления в ОАО «СветлогорскХимволокно» за 2016—2020 годы представлен в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. — Состав и динамика инвестиций в человеческий капитал в ОАО «СветлогорскХимволокно» за 2016—2020 годы

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Инвестиции в развитие персонала — всего, тыс. р.	11,380	11,220	19,446	18,456	8,431
В том числе:					
расходы на повышение квалификации и переподготовку кадров	4,843	2,962	9,222	10,073	3,364
расходы на подготовку кадров в учреждениях среднего специального и высшего образования, семинары, конференции	6,537	8,258	10,224	8,383	5,067

Окончание таблицы 1

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Инвестиции в мотивацию, тыс. р.	44 493,610	50 750,480	56 867,300	54 294,140	70 407,780
Инвестиции в здоровье — всего, тыс. р.	23 48,134	2 217,039	2 274,736	2 242,075	2 825,114
В том числе:					
расходы на охрану труда	2 053,710	1 844,945	1 826,189	1 966,506	2 519,192
расходы на питание	271,500	245,383	261,509	262,303	294,416
расходы на страхование	22,925	126,711	187,038	13,266	11,506
Всего, тыс. р.	46 853,124	52 978,739	59 161,482	56 554,671	73 241,325
В том числе в % к предыдущему году	—	113,074	111,670	95,594	129,505

Примечание. Разработка автора.

Так, инвестиции в человеческий капитал в 2020 году составили 73 241,33 тыс. р., увеличившись на 29,505 % по сравнению с 2019 годом. Очевидна положительная динамика инвестиций в человеческий капитал (за исключением 2019 года). Наибольший удельный вес в инвестициях в человеческий капитал занимает такой объект управления, как мотивация (96,1 % за 2020 год), динамика которого аналогична динамике инвестиций всего. Наименьший удельный вес в инвестициях в человеческий капитал занимает развитие персонала (0,01 % за 2020 год), имеющее отрицательную динамику последние 2 года. Стоит отметить, что инвестиции в развитие человеческого капитала являются единовременными затратами (т. е. затратами, которые возникают периодически и характеризуются длительностью периода, в течение которого предприятие получает полезный эффект), поэтому их ежегодная сумма была разделена на периодичность осуществления инвестиций в развитие человеческого капитала, установленную локально-нормативными актами предприятия (5 лет). На протяжении анализируемого периода преобладающий удельный вес в инвестициях в развитие персонала занимают расходы на подготовку кадров в учреждениях среднего специального и высшего образования, семинары, конференции (за исключением 2019 года). Инвестиции в здоровье в 2020 году значительно возросли (на 26 % по сравнению с 2019 годом), в структуре которых на протяжении анализируемого периода лидирующую позицию занимает охрана труда, что объясняется ее значимостью на предприятии: обеспечение безопасности работников при выполнении трудовых обязанностей, снижение количества несчастных случаев и профессиональных заболеваний, а также увеличение производительности труда.

Расчет эффективности инвестиций в человеческий капитал в ОАО «СветлогорскХимволокно» представлен отношением прироста производительности труда на одного среднесписочного работника к инвестициям в человеческий капитал на одного среднесписочного работника за отчетный период (таблица 2).

Т а б л и ц а 2. — Расчет эффективности инвестиций в человеческий капитал в ОАО «СветлогорскХимволокно» за 2016—2020 годы

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Валовая добавленная стоимость, тыс. р.	77 860	86 054	102 518	82 301	125 220
Среднесписочная численность работающих, чел.	3 631	3 594	3 580	3 535	3 458
Производительность труда по валовой добавленной стоимости, тыс. р.	21,443	23,944	28,636	23,282	36,212
Прирост производительности труда на одного среднесписочного работника (Δ ПТ), тыс. р.	—	2,501	4,692	−5,354	12,930
Инвестиции в человеческий капитал, тыс. р.	46 853,124	52 978,739	59 161,482	56 554,671	73 241,325

Окончание таблицы 2

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Инвестиции в человеческий капитал в расчете на одного среднесписочного работника ($I_{чк}$ 1 ср. сп.), тыс. р.	12,904	14,741	16,526	15,998	21,180
Эффективность инвестиций в человеческий капитал, %	—	16,966	28,392	-33,467	61,048

Примечание. Разработка автора.

Из таблицы 2 видно, что в 2019 году было снижение производительности труда на 5,354 тыс. р. ввиду снижения валовой добавленной стоимости на 20 217 тыс. р. Это, в свою очередь, привело к отрицательному значению эффективности инвестиций в человеческий капитал в 2019 году. Однако в 2020 году ситуация была стабилизирована: эффективность инвестиций в человеческий капитал составила 61,048 %.

Для выявления резервов повышения эффективности инвестиций в человеческий капитал был проведен факторный анализ (разложив знаменатель на сумму инвестиций по объектам управления, тем самым получив смешанную факторную модель кратно-аддитивного типа:

$\mathcal{E}_{ичк} = \frac{\Delta\Pi\Pi}{I_p + I_m + I_z}$). Для этого был проанализирован уровень затрат по объектам управления

(затрат на развитие, мотивацию и на поддержание здоровья и здорового образа жизни) в расчете на одного среднесписочного работника (таблица 3). Результаты факторного анализа представлены в таблице 4.

Т а б л и ц а 3. — Уровень затрат по объектам управления в расчете на одного среднесписочного работника за 2016—2020 годы

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Затраты на развитие персонала в расчете на одного среднесписочного работника, р.	3,134	3,122	5,432	5,221	2,438
Затраты на мотивацию персонала в расчете на одного среднесписочного работника, р.	12 253,820	14 120,890	15 884,721	15 359,021	20 360,839
Затраты на поддержание здоровья и здорового образа жизни в расчете на одного среднесписочного работника, р.	646,691	616,872	635,401	634,250	816,979

Примечание. Разработка автора.

Т а б л и ц а 4. — Результаты факторного анализа эффективности инвестиций в человеческий капитал за 2019—2020 годы

$\mathcal{E}_{ичк}$		Отклонение				
2019	2020	общее	в том числе за счет			
			$\Delta\Pi\Pi$	I_p	I_m	I_z
-33,44	61,05	94,49	+114,26	+0,01	-19,25	-0,53

Примечание. Разработка автора.

Очевидно, что к резервам повышения эффективности управления инвестициями в человеческий капитал относятся увеличение производительности труда и оптимизация инвестиций в человеческий капитал. Согласно проведенному анализу, наибольшее влияние на увеличение эффективности инвестиций в человеческий капитал оказало увеличение производительности труда по добавленной стоимости, что в очередной раз доказывает необходимость проведения мероприятий, направленных на ее непрерывное увеличение. При этом увеличение производительности труда может быть достигнуто путем грамотного управления инвестициями в человеческий капитал, которое должно быть направлено на увеличение информированности и вовлеченности персонала в реализацию стратегии инновационного развития предприятия. Среди объектов управления инвестициями в человеческий капитал наибольшее влияние на эффективность управления оказывают инвестиции в мотивацию (это объясняется ее наибольшим удельным весом в структуре инвестиций), что предопределяет данный объект в качестве резерва повышения эффективности управления и требует детального исследования уровня оплаты труда, ее структуры, динамики, эффективности использования фонда оплаты труда, социальной справедливости в распределении заработка между работниками, а также анализа нематериальной системы мотивации, действующей на предприятии. Стоит отметить, что управление инвестициями в развитие, мотивацию и здоровье должно способствовать максимизации производительности труда, при этом темпы роста производительности труда должны опережать темпы роста инвестиций в человеческий капитал.

Следующим этапом оценки является оценка инновационной восприимчивости персонала, рассчитываемая путем суммирования показателей инновационной готовности персонала и инновационной активности предприятия с учетом их коэффициентов весомости.

Для оценки инновационной готовности персонала ОАО «СветлогорскХимволокно» была разработана специальная анкета, состоящая из девяти вопросов, и проведено анкетирование среди персонала. Объем выборочной совокупности для проведения социологического исследования был определен на уровне 5 % от объема генеральной совокупности. Тогда размер выборки составил 179 человек. Для сохранения репрезентативности выборки была соблюдена возрастная структура работников.

Так, в результате проведенного исследования было выявлено, что ни один респондент не чувствует уверенности в завтрашнем дне. На вопрос «Готовы ли Вы к освоению новшеств?» ни один среди опрошенных работников не ответил, что полностью готов к освоению новшеств. В качестве препятствий в процессе освоения и разработки новшеств большинство признало отсутствие теоретических знаний и лидеров, а качество условий для развития инновационной деятельности признали удовлетворительным. На вопрос «С чем у Вас ассоциируется слово “инновации”» ответы респондентов распределились следующим образом: 2 % — улучшение, 87 % — изменение, 11 % — неизвестность.

После проведения анкетирования каждому варианту ответа по каждому вопросу было присвоено определенное количество баллов и рассчитан коэффициент инновационной готовности путем отношения фактического количества баллов к максимально возможному. В результате было выявлено, что коэффициент инновационной готовности персонала предприятия по их собственной оценке равен 0,54 (или 54 %), что, согласно предложенной методике, интерпретируется как низкий уровень инновационной готовности персонала.

По результатам социологического исследования можно сделать вывод о наличии сопротивления инновационному развитию, преодолеть которое позволит улучшение условий для развития инновационной деятельности, в том числе за счет эффективного управления инвестициями в развитие и мотивацию персонала.

Наряду с оценкой инновационной готовности персонала, основанной на социологическом исследовании, была оценена инновационная активность организации за анализируемый период как среднее арифметическое следующих показателей:

– удельный вес персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общей численности;

– отношение патентной изобретательности организации к эталонному значению;
– удельный вес внедренных рационализаторских предложений в поданных;
– удельный вес затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в общих затратах организации.

Выбор показателей осуществлялся на основании анализа перечня индикаторов, характеризующих инновационную деятельность, и показателей Европейского инновационного табло с учетом методики их расчета и частоты применения.

Эталонное значение патентной изобретательности было выбрано путем составления рейтинга стран по числу патентов на 10 000 человек (таблица 5). Лидером рейтинга среди 62 стран стала Южная Корея (33,324 патента), на втором месте — Япония (19,394 патента), на третьем — Китай (8,612 патент). Республика Беларусь в данном рейтинге заняла 37-е место (0,315 патента). При этом показатель патентной изобретательности ОАО «СветлогорскХимволокно» составляет 2,892 патента на 10 000 человек.

Так, расчет показателя инновационной активности ОАО «СветлогорскХимволокно» за 2020 год представлен в таблице 6.

Из таблицы 5 видно, что количество внедренных рационализаторских предложений превышает количество поданных в 2020 году, что свидетельствует о реализации предложений предыдущих периодов и, соответственно, положительно влияет на показатель инновационной активности организации в оцениваемом периоде.

Тогда при равномерном распределении коэффициентов весомости (0,5/0,5) инновационная восприимчивость персонала ОАО «СветлогорскХимволокно» (ИВ) за 2020 год составила:

$$\text{ИВ} = 54 \cdot 0,5 + 32,382 \cdot 0,5 = 43,191 \%$$

Т а б л и ц а 5. — Рейтинг стран по числу патентов на 10 000 человек за 2020 год

Рейтинг	Страна	Заявки резидентов	Численность	Число патентов на 10 000 человек
1	Южная Корея	17 1603	51 495 409	33,324
2	Япония	245 372	126 517 863	19,394
3	Китай	1 243 568	1 443 981 565	8,612
4	Соединённые Штаты Америки	285 113	332 524 270	8,574
37	Беларусь	298	9 451 613	0,315
62	Бангладеш	68	165 838 735	0,004

Примечание. Разработка автора на основе [5].

Т а б л и ц а 6. — Расчет показателя инновационной активности ОАО «СветлогорскХимволокно» за 2020 год, %

Показатель	Значение
Удельный вес персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в общей численности	5
Отношение патентной изобретательности организации к эталону	8,678
Удельный вес внедренных рационализаторских предложений в поданных	115,625
Удельный вес затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в общих затратах организации	0,224
Инновационная активность	32,382

Примечание. Разработка автора.

Завершающим этапом оценки является расчет эффективности управления инвестициями в человеческий капитал в условиях инновационной экономики ($\mathcal{E}_{\text{ичк}}^{\text{ив}}$).

Расчет производился путем суммирования показателя эффективности инвестиций в человеческий капитал и показателя инновационной восприимчивости с учетом их коэффициентов весомости, определенных экспертным методом. В связи с регулярностью организационных изменений в современных условиях развития распределение коэффициентов весомости составляет 0,5/0,5, тем самым подтверждая равенство по степени важности показателей инновационной восприимчивости и эффективности управления инвестициями в человеческий капитал:

$$\mathcal{E}_{\text{ичк}}^{\text{ив}} = 61,048 \cdot 0,5 + 43,191 \cdot 0,5 = 52,12 \%$$

Таким образом, эффективность инвестиций в человеческий капитал в условиях инновационной экономики составила 52,12 %, снизившись на 8,93 п. п. за счет влияния инновационной восприимчивости. Это означает, что управление инвестициями в человеческий капитал в условиях инновационной экономики в ОАО «СветлогорскХимволокно» является недостаточно эффективным, что подтверждается низкой инновационной восприимчивостью, недостаточной информированностью и осведомленностью персонала.

Заключение. Очевидно, есть необходимость оперативного принятия мер, направленных на решение выявленных проблем: преодоление сопротивления инновациям, развитие сотрудников, формирование уверенности в завтрашнем дне.

Это, в свою очередь, требует привлечения дополнительных инвестиций, что позволит создать благоприятные условия для наиболее полной реализации накопленного человеческого потенциала.

Разработку направлений по повышению эффективности управления инвестициями в человеческий капитал рекомендуется осуществлять с позиции процессного подхода с использованием программного обеспечения Business Studio, предполагающего возможность разработки бюджета, закрепления ответственных за результат выполнения рекомендации и оценки результата ее выполнения.

Список цитируемых источников

1. Голубь, А. А. Актуальность модели Д. Киркпатрика как инструмента оценки эффективности обучения персонала [Электронный ресурс] / А. А. Голубь // Символ науки. — 2019. — № 5. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. — Дата доступа: 21.12.2020.
2. Фитценц, Я. Рентабельность инвестиций в персонал: измерение экономической ценности персонала / Я. Фитценц ; пер. с англ. М. С. Меньшикова, Ю. П. Леонова ; под общ. ред. В. И. Ярных. — М. : Вершина, 2006. — 320 с.
3. Ваганян, О. Г. Методика оценки эффективности инвестиций в интеллектуальный капитал / О. Г. Ваганян // Креатив. экономика. — 2007. — Т. 1, № 9. — С. 67—72.
4. Капелюшников, Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? / Р. И. Капелюшников. — М. : Издат. дом ВШЭ, 2012. — 76 с.
5. Рейтинг стран мира по количеству патентов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gtmarket.ru>. — Дата доступа: 15.08.2021.

Поступила в редакцию 27.09.2021.

УДК 339.138

Е. А. ДербинскаяУчреждение образование «Белорусский государственный технологический университет»,
ул. Свердлова, 13а, 220006 Минск, Республика Беларусь, e.derbinskaya@gmail.com

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Развитие процессов экономической интеграции и глобализации, способствующее доступности обучения и получения высшего образования в других странах, сокращение количества абитуриентов вследствие сложившейся демографической ситуации требуют от национальной системы высшего образования повышения конкурентоспособности. В статье излагается содержание авторской методики оценки конкурентоспособности системы высшего образования, которая базируется на определении чистого потока иностранных студентов с учетом социальных и экономических особенностей стран-реципиентов и стран-доноров.

Ключевые слова: конкурентоспособность; факторы повышения конкурентоспособности; экономическая безопасность; бренд университета; методика оценки конкурентоспособности

Табл. 4. Библиогр.: 17 назв.

Е. А. DerbinskayaEducational institution "Belarusian State Technological University", 13a Sverdlova Str., 220006 Minsk,
the Republic of Belarus, e.derbinskaya@gmail.com

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE COMPETITIVENESS OF THE NATIONAL HIGHER EDUCATION SYSTEM

The development of the processes of economic integration and globalization, which contributes to the availability of tuition and higher education in other countries, the reduction in the number of applicants due to the current demographic situation, require the national higher education system to increase its competitiveness. The article describes the content of the author's methodology for assessing the competitiveness of the higher education system, which is based on determining the net flow of foreign students, taking into account the social and economic characteristics of recipient and donor countries.

Ключевые слова: competitiveness; factors, increasing competitiveness of the higher education system; economic security; university brand; methodology for assessing the competitiveness

Table 4. Ref.: 17 titles.

Введение. Развитие процессов экономической интеграции и глобализации, способствующее доступности обучения и получения высшего образования в других странах, сокращение количества абитуриентов вследствие сложившейся демографической ситуации требуют от системы высшего образования Беларуси соответствия мировым тенденциям развития и повышения ее конкурентоспособности.

Конкурентоспособность образования в глобальном масштабе — это способность национальной системы образования конкурировать на мировом научно-образовательном рынке, основанная на обеспечении более высокого качества образования и его большей доступности по сравнению с другими странами и восприятия этих параметров потенциальными абитуриентами [1].

Материалы и методы исследования. Изучению конкурентоспособности систем высшего образования и ее составляющих посвящены работы белорусских и зарубежных авторов: И. В. Аржановой [1], В. И. Байденко [2], И. М. Гарчука [3], Л. С. Гребнева [4], И. А. Заярной,

Л. В. Лехтянской [5], О. М. Квашиной [6], Т. А. Мешковой [7], Н. Г. Скворцова [8], М. Крстича, Х. А. Фелипе, Х. Кавалиа [9], П. Маассена, Б. Стенсээкера [10], Е. Билевичуте, Р. Драксаса [11], Р. Крейга [12]. Авторами рассматривается влияние инновационного развития [1; 7], экспорта образовательных услуг [1; 6; 7; 11] на конкурентоспособность систем высшего образования, анализируются рыночные механизмы, используемые при разработке образовательных программ [1—3], взаимосвязь между развитием и конкурентоспособностью систем высшего образования и конкурентоспособностью экономики страны [9].

В качестве исходных данных использовались материалы Национального статистического комитета Республики Беларусь, информация из баз данных Всемирного банка и UNESCO. Как методы исследования применены традиционные методы экономических исследований.

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из ключевых показателей конкурентоспособности национальной системы высшего образования является количество иностранных граждан, обучающихся в университетах страны, и количество граждан-абитуриентов данной страны, обучающихся за рубежом.

На рынке образовательных услуг Беларуси с 2011 года происходит сокращение численности студентов в учреждениях высшего образования, вызванное снижением рождаемости в 90-е годы и увеличением количества белорусских студентов, обучающихся за рубежом (таблица 1).

По данным UNESCO, с 1998 по 2019 год количество белорусских студентов, обучающихся за рубежом, увеличилось с 6 828 до 22 988 человек, т. е. более чем в 3 раза [13]. При этом 87 % студентов получает высшее образование в странах Центральной и Восточной Европы, 12,2 % — в Северной Америке и Западной Европе, 0,8 % — в странах Центральной и Восточной Азии. Эксперты считают, что это свидетельствует о неудовлетворенности качеством белорусского высшего образования [14].

Численность студентов и магистрантов — иностранных граждан, обучающихся в учреждениях высшего образования Республики Беларусь, с 2016 года постепенно увеличивается (таблица 2).

Т а б л и ц а 1. — Основные показатели национальной системы высшего образования Республики Беларусь

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество учреждений высшего образования	55	55	54	54	54	52	51	51	51	51
Численность студентов по формам обучения, тыс. чел.	442,9	445,6	428,4	395,3	362,9	336,4	313,2	284,3	268,1	260,9
Принято студентов, тыс. чел.	100,5	96,0	88,1	68,7	63,4	63,1	62,7	61,8	58,9	60,0
Численность студентов, обучающихся за рубежом, — всего, тыс. чел.	34,4	40,3	41,5	38,2	35,1	28,9	25,8	22,4	22,8	23,0
В том числе в регионах:										
Центральная и Восточная Европа	30,9	36,6	37,9	34,6	31,7	25,5	22,4	19,1	19,4	20,0
Северная Америка и Западная Европа	3,3	3,5	3,5	3,4	3,2	3,2	3,2	3,1	3,2	2,8
Центральная Азия	0,107	0,042	0,033	0,030	0,033	0,027	0,028	0,034	0,035	0,033
Восточная Азия	0,038	0,06	0,059	0,072	0,064	0,056	0,059	0,067	—	—
Численность профессорско-преподавательского состава (основной персонал), тыс. чел.	24,5	24,7	24,6	23,9	23,3	22,0	19,9	20,9	20,3	19,9

Примечание. Разработка автора на основе [15].

Т а б л и ц а 2. — Динамика численности иностранных студентов, обучающихся в Беларуси

Показатель	2016	2017	2018	2019
Количество иностранных граждан в учреждениях высшего образования — всего, чел.	15 971	16 594	16 654	19 745
В том числе из:				
Туркменистана	7 982	7 219	7 965	10 056
Китая	1 270	1 389	1 705	2 112
Российской Федерации	1 633	1 546	1 444	1 489
Узбекистана	61	72	115	418
Шри-Ланки	295	392	581	819
Индии	227	343	459	656

Примечание. Разработка автора на основе [13; 15].

Данные показывают (см. таблицу 2), что большинство иностранных студентов в Беларуси — граждане стран Центральной и Восточной Азии. В Беларуси практически нет иностранных студентов из развитых стран Северной Америки, Западной и Центральной Европы, несмотря на доступность белорусского высшего образования. Это говорит о непривлекательности высшего образования в Беларуси для граждан развитых стран с точки зрения ее воспринимаемого качества и необходимости повышения ее конкурентоспособности. Конкурентоспособность системы высшего образования также определяет экономическую безопасность страны. Применительно к системе высшего образования экономическая безопасность трактуется как состояние экономического, научно-технологического и кадрового потенциала высшей школы, при котором обеспечиваются: гарантированная защита интересов образовательных организаций, их работников и студентов, эффективное развитие высшего образования даже при неблагоприятных условиях воздействия внутренних и внешних факторов [16].

Отток студентов из Беларуси и последующее проживание за рубежом не способствуют сохранению человеческого капитала Беларуси, являющегося одним из ключевых конкурентных преимуществ страны.

Задачами национальной системы высшего образования является не только соответствие запросам абитуриентов, уезжающих для получения высшего образования за границу, и привлечение большего количества иностранных студентов, в том числе и привлечение абитуриентов из развитых стран.

Для оценки конкурентоспособности систем высшего образования используются методики, в основе которых находятся различные показатели: критерии востребованности выпускников на рынке труда, объем экспорта образовательных услуг, инновационное развитие систем высшего образования и др. В то же время отсутствуют методики, основанные на использовании интегрированного показателя конкурентоспособности систем высшего образования [8]. Поскольку ключевыми составляющими системы высшего образования являются университеты, большинство методик оценки конкурентоспособности систем высшего образования построено на оценке университетов. Наиболее популярным методом оценки конкурентоспособности систем высшего образования являются рейтинговые оценки университетов.

Преимуществами рейтинговых оценок университетов является использование индексов, подлежащих количественному измерению. В то же время рейтинговый подход является предметом споров ученых и экспертов. Многие эксперты и авторы считают, что рейтинги, используемые как инструмент для сравнения университетов в глобальном масштабе, фактически измеряют степень соответствия учреждений высшего образования крупнейшим университетам США и Великобритании. Эксперты также отмечают, что университеты развивающихся и развитых стран теряют свой уникальный характер и стремятся подражать американской модели [8].

Автором предложена методика оценки конкурентоспособности национальных систем высшего образования, основанная на количестве иностранных студентов, обучающихся в стране, а также учитывающая социальные и экономические особенности развития стран, из которых приезжают иностранные студенты.

Методика оценки конкурентоспособности систем высшего образования рассмотрена на примере группы стран (таблица 3).

Т а б л и ц а 3. — Анализ чистого потока студентов, чел.

Страна	Количество иностранных студентов	Количество граждан, обучающихся за рубежом	Чистый поток студентов (сальдо)
США	961 891	80 819	881 072
Великобритания	431 441	35 238	396 203
Австралия	367 581	13 211	354 370
Россия	210 654	55 547	155 107
Канада	202 438	48 200	154 238
Франция	240 734	93 568	147 166
Япония	164 135	31 306	132 829
Германия	221 136	122 287	98 849
Турция	102 212	44 981	57 231
Нидерланды	73 026	18 174	54 852
Австрия	71 947	19 131	52 815
Новая Зеландия	52 425	4 681	47 744
Польша	63 085	25 051	38 034
Швейцария	50 414	14 224	36 190
Чехия	44 086	13 159	30 927
Дания	33 427	5 246	28 181
Испания	64 646	41 250	23 396
Бельгия	37 803	14 882	22 921
Италия	95 811	73 370	22 441
Венгрия	28 443	12 317	16 126
Финляндия	19 755	10 865	8 890
Португалия	21 897	14 064	7 833
Швеция	22 429	16 388	6 041
Ирландия	18 446	14 959	3 487
Латвия	6 119	5 287	832
Эстония	3 900	3 882	18
Исландия	1 231	2 641	-1 410
Беларусь	16 594	22 282	-5 688
Литва	4 510	10 405	-5 895
Люксембург	3 287	11 017	-7 730
Норвегия	8 483	17 609	-9 126
Чили	4 481	15 462	-10 981
Словакия	10 763	23 394	-12 631
Греция	19 384	37 770	-18 386
Мексика	11 335	33 882	-22 547
Словения	3 041	32 438	-29 397
Южная Корея	69 606	104 187	-34 581
Колумбия	4 443	41 873	-37 430

Примечание. Разработка автора на основе [13] по данным 2017 года.

Анализ чистого потока иностранных студентов показывает, что лидерами являются США, Великобритания, Австралия, Россия, Канада, Франция, Япония, Германия, Турция и Нидерланды. Однако данное распределение стран по чистому потоку иностранных студентов не учитывает социальные и экономические особенности развития стран, из которых приезжают иностранные студенты. Для уточнения этих особенностей предлагается использовать соответствующий поправочный коэффициент (K_1).

Для расчета поправочного коэффициента использовался индекс человеческого развития (ИЧР), так как этот показатель представляет собой комплексный показатель уровня жизни человека в той или иной стране и измеряет достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода её граждан по трём основным направлениям, для которых оцениваются свои индексы:

- индекс ожидаемой продолжительности жизни — здоровье и долголетие, измеряемые показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении;
- индекс образования — доступ к образованию, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения;
- индекс валового национального дохода — достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового национального дохода на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности [17].

Поправочный коэффициент K_1 рассчитывается по формуле

$$K_1 = \frac{\text{ИЧР}_n}{\text{ИЧР}_w}$$

где ИЧР_n — значение индекса человеческого развития n -й страны;

ИЧР_w — среднее значение индекса человеческого развития по всему миру.

Данный поправочный коэффициент позволяет учитывать особенности экономического, социального, политического и экологического развития стран, из которых приезжают иностранные студенты.

Привлечение иностранных студентов из стран с $K_1 > 1$ повышает позицию страны-реципиента, а привлечение иностранных студентов из стран с $K_1 < 1$ понижает позицию.

Чистый поток иностранных студентов с учетом поправочного коэффициента позволит более корректно оценить конкурентоспособность национальной системы образования.

Чистый поток иностранных студентов с учетом поправочного коэффициента рассчитывается по формуле

$$NF_{ims} = K_1 S_{in} - K_1 S_{out},$$

где S_{in} — количество студентов, приехавших на обучение;

S_{out} — количество студентов, уехавших учиться за границу;

K_1 — поправочный коэффициент.

Результаты оценки конкурентоспособности систем высшего образования, скорректированные с учетом поправочного коэффициента K_1 , представлены в таблице 4.

Данные таблиц 3, 4 показывают, что поправочный коэффициент K_1 позволяет учесть особенности социального и экономического развития стран, из которых приезжают и уезжают иностранные студенты. На примере Республики Беларусь можно заметить, что происходит сокращение количества условных студентов, приезжающих в страну на обучение, так как большинство этих студентов приезжают из стран со средним уровнем ИЧР (от 0,5 до 0,8), и увеличение количества условных студентов, уезжающих из страны для получения высшего образования за рубежом, поскольку Беларусь относится к группе стран с высоким уровнем ИЧР (от 0,8 до 0,9).

Т а б л и ц а 4. — Оценка показателя конкурентоспособности с учетом поправочного коэффициента

Страна	Количество иностранных студентов, усл. чел.	Количество граждан, обучающихся за рубежом, усл. чел.	Чистый поток студентов (NF_{ims}), усл. чел.	Чистый поток студентов в среднем на один университет
США	1 001 957	102 437	899 519	425
Великобритания	479 829	44 760	435 069	1 713
Австралия	371 770	17 056	354 714	3 898
Россия	217 588	62 481	155 108	187
Канада	207 722	61 225	146 498	1 032
Япония	167 475	39 294	128 181	164
Франция	240 360	115 131	125 228	338
Германия	237 988	158 184	79 804	226
Нидерланды	86 992	20 842	66 150	1 103
Австрия	86 504	24 118	62 386	1 134
Новая Зеландия	54 057	5 946	48 110	1 718
Турция	97 420	50 226	47 194	288
Швейцария	60 140	18 517	41 623	1 125
Польша	68 446	29 999	38 447	97
Чехия	50 228	16 173	34 055	681
Дания	39 864	6 735	33 128	1 142
Бельгия	43 051	18 965	24 086	376
Испания	71 698	51 096	20 602	189
Венгрия	32 026	14 294	17 732	377
Италия	100 823	89 171	11 652	119
Финляндия	20 408	13 935	6 473	170
Португалия	21 716	16 553	5 163	45
Швеция	24 945	21 176	3 769	97
Ирландия	20 952	19 432	1 520	24
Латвия	6 770	6 230	540	18
Эстония	4 406	4 713	-307	-22
Исландия	1 468	3 416	-1 947	-278
Литва	4 933	12 461	-7 528	-396
Беларусь	16 488	25 033	-8 545	-168
Люксембург	3 902	13 798	-9 896	-9 896
Чили	4 679	17 965	-13 286	-208
Норвегия	9 141	23 043	-13 902	-386
Словакия	12 795	27 437	-14 643	-407
Мексика	14 368	35 834	-21 467	-13
Греция	22 717	45 541	-22 824	-634
Словения	3 352	40 359	-37 006	-1194
Колумбия	4 744	43 826	-39 082	-158
Южная Корея	70 950	130 340	-59 390	-225

Примечание. Разработка автора на основе [13; 17].

При оценке чистого потока иностранных студентов с учетом поправочного коэффициента необходимо принимать во внимание количество университетов, предоставляющих образовательные услуги в той или иной стране. Отсутствие университетов в стране вынуждает студентов получать высшее образование за рубежом, большое количество университетов в стране приводит к возрастанию конкуренции на национальном рынке и необходимости активных действий по привлечению иностранных студентов.

Одной из причин увеличения количества студентов, уезжающих для получения высшего образования из Беларуси за рубеж, является низкое воспринимаемое качество национального высшего образования.

Воспринимаемое качество — это ассоциация, связанная с брендом «белорусское высшее образование», которая непосредственно влияет на количество студентов, в том числе иностранных, обучающихся в белорусских университетах, и количество студентов, уезжающих из Беларуси за границу.

На воспринимаемое качество бренда «белорусское высшее образование» влияет множество показателей. К ключевым показателям относятся:

- количество белорусских университетов, входящих в международные образовательные рейтинги THE, QS, Шанхайский рейтинг, Webometrics и др.;
- проходные баллы и конкурс при поступлении в университеты;
- стоимость обучения;
- востребованность выпускников университетов на рынке труда;
- размер заработной платы выпускников университетов;
- международное сотрудничество университетов;
- квалификация профессорско-преподавательского состава университетов;
- уровень развития научной и инновационной деятельности университетов;
- объем финансирования высшего образования;
- применение современных технологий в образовательном процессе;
- уровень развития инфраструктуры высшего образования;
- бренды университетов Беларуси.

Воспринимаемое качество является ключевым направлением позиционирования бренда «белорусское высшее образование» и брендов университетов.

Воспринимаемое качество бренда играет более значимую роль, чем функциональные выгоды бренда, так как при выборе университета качество образовательных услуг не может быть оценено целевой аудиторией до оказания этих услуг.

Для брендов университетов Беларуси воспринимаемое качество определяет окружение конкурентов и их собственную позицию относительно университетов-конкурентов как на национальном, так и международном рынке. Бренд отдельного университета может проявлять себя через проходные баллы и конкурс при поступлении: на внутреннем рынке Беларуси наблюдается снижение проходных баллов на платную форму обучения в отдельных университетах и рост проходных баллов в других учреждениях высшего образования.

Образ бренда университета, складывающийся в сознании потенциальных потребителей, состоит из огромного количества различных ассоциаций. Создание и продвижение брендов университетов Беларуси через конструирование определенных образов, соответствующих ожиданиям и потребностям целевой аудитории, используя цифровые маркетинговые коммуникации, приведет к изменению количества белорусских университетов, входящих в международные образовательные рейтинги, и повышению их позиций. Присутствие университетов Беларуси в международных рейтингах и рост их позиций будет способствовать привлечению иностранных студентов из стран с высоким и очень высоким ИЧР, сокращению количества белорусских граждан, уезжающих для получения высшего образования за рубеж, а также к увеличению конкурса и проходных баллов при поступлении в университеты.

Заключение. Предложенная методика позволяет оценить систему высшего образования на основе рыночных принципов. Построение бренда университета должно рассматриваться как зонтичная конструкция по отношению к бренду национальной системы высшего образования.

Список цитируемых источников

1. Аржанова, И. В. Конкурентоспособность отечественного высшего образования как приоритет его развития / И. В. Аржанова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2012. — № 151. — С. 48—58.
2. Байденко, В. И. Конкурентоспособные образовательные программы: к формированию концепции / В. И. Байденко, Н. А. Селезнева // Высш. образование в России. — 2011. — № 5. — С. 24—39.
3. Гарчук, И. М. Оценка конкурентоспособности вуза и выбор стратегии ее повышения / И. М. Гарчук // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. — 2010. — № 3. — С. 21—24.
4. Гребнев, Л. С. Рынок, услуги и образование: между экономикой и правом / Л. С. Гребнев // Высш. образование в России. — 2011. — № 5. — С. 41—49.
5. Заярная, И. А. Оценка конкурентоспособности вуза на основе эвристической модели / И. А. Заярная, Л. В. Лехтянская // Рос. предпринимательство. — 2016. — Т. 17, № 22. — С. 3215—3230.
6. Квашина, О. Н. Показатели конкурентоспособности национальной системы образования России [Электронный ресурс] / О. Н. Квашина. — Режим доступа: <https://expert-edu.ru/images/2021/statya/kvashina.pdf>. — Дата доступа: 15.09.2021.
7. Мешкова, Т. А. Международное образовательное сотрудничество России: от конкурентоспособности образования к конкурентоспособности экономики / Т. А. Мешкова // Наука. Инновации. Образование. — № 8. — С. 46—80.
8. Скворцов, Н. Г. Конкурентоспособность университетов в глобальной системе высшего образования: вызовы и стратегии / Н. Г. Скворцов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. «Социология и политология». — 2017. — Т. 23, № 24. — С. 45—57.
9. Krstic, M. Higher education as a determinant of the competitiveness and sustainable development of an economy / M. Krstic, J. A. Filipe, J. Chavaglia // Sustainability. — 2020. — № 12. — P. 1—22.
10. Maassen, P. The knowledge triangle, European higher education policy logics and policy implications / P. Maassen, B. Stensaker // High. Educ. — 2011. — № 6. — P. 757—769.
11. Bileviciute, E. Competitiveness in Higher Education: The Case of University Management / E. Bileviciute, R. Draksas, A. Nevera, M. Vainiute // J. of Competitiveness. — 2019. — № 11 (4). — P. 5—21.
12. Craig, R. The Top 10 Higher Education Issues We All Agree On. Retrieved December 10, 2018 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/ryanraig/2017/01/20/the-top-10higher-education-issues-we-all-agreeon/#7dae9db6fa87>. — Date of access: 11.09.2021.
13. Education [Electronic resource]. — Mode of access: <http://data.uis.unesco.org/>. — Date of access: 17.09.2021.
14. Белорусские университеты хотят улучшить свои позиции в международных рейтингах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nihe.bsu.by/index.php/ru/spisok-materialov-kategorii-novosti-i-sobytiya-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya/1355-belorusskie-universitety-khotyat-uluchshit-svoi-pozitsii-v-mezhdunaro-dnykh-rejtingakh/>. — Дата доступа: 20.09.2021.
15. Образование в Республике Беларусь / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — 2021.
16. Ширяев, М. В. Экономическая безопасность высшего профессионального образования: концептуальные основы / М. В. Ширяев // Фундам. исслед. — 2015. — № 11. — С. 1272—1276.
17. Рейтинг стран мира по индексу человеческого развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/>. — Дата доступа: 17.09.2021.

Поступила в редакцию 29.11.2021.

УДК 334.7

В. В. Климук, кандидат экономических наук, доцентУчреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 712 03 00, klimuk-science@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ АКТИВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО НАУКОЕМКОГО МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

На основе анализа мировой статистической базы актуализирована необходимость и значимость развития молодежного предпринимательства, в первую очередь инновационного. С помощью разработанных опросов в Google Forms для студентов, учащихся, выпускников получены первичные данные о существующих проблемных вопросах в системе образования в направлении развития бизнес-компетенций у молодежи, основные факторы активизации создания инновационных молодежных стартапов, стимуляторы развития молодежного бизнеса, приоритеты и запросы у молодежи в области развития инновационного предпринимательства. Путем интерпретации полученной информации выявлены факторные корреляционные зависимости, позволяющие определить основные векторы молодежной политики в области инновационного предпринимательства. Предложен комплекс финансово-экономических и организационно-управленческих мер по активизации инновационного молодежного предпринимательства.

Ключевые слова: инновационное молодежное предпринимательство; стартап; коэффициент корреляции; меры по активизации молодежного бизнеса.

Рис. 7. Табл. 2. Библиогр.: 7 назв.

V. V. Klimuk, PhD in Economics, Associate ProfessorEducational institution "Baranovichi State University", 21 Voikova Str., 225404 Baranovichi,
the Republic of Belarus, +375 (29) 712 03 00, klimuk-science@yandex.ru

THE STUDY OF FACTORS ACTIVATING INNOVATIVE SCIENCE-INTENSIVE YOUTH ENTREPRENEURSHIP

Based on the analysis of the world statistics, the need and significance of the development of youth entrepreneurship, primarily innovative have been updated. Using the developed surveys in Google Forms for students, pupils, graduates, the primary data has been obtained on the existing problematic issues in the educational system in the direction of the development of business competencies among young people, the main factors intensifying the development of innovative youth start-ups, stimulants for the development of youth business, priorities and needs of young people in the field of innovative entrepreneurship development. By interpreting the obtained information, factor correlations that allow determining the main vectors of youth policy in the field of innovative entrepreneurship have been revealed. A range of financial and economic and organizational and managerial measures has been proposed to intensify innovative youth entrepreneurship.

Key words: innovative youth entrepreneurship; start-up; correlation coefficient; measures to intensify youth business.

Fig. 7. Table 2. Ref.: 7 titles.

Введение. Глобальные вызовы системы образования, связанные с растущими темпами научно-технического прогресса, меняющимися условиями внешней среды, растущими запросами общества к качеству продукции (услуг), следовательно, качеству подбора специалистов работодателями, обуславливают необходимость применения гибких образовательных про-

грамм, адаптируемых под современные условия социально-экономической системы. Система образования должна обеспечить получение каждым студентом (учащимся, слушателем) базового набора компетенций, которые позволяют ему легко адаптироваться к режиму работы на своем первом рабочем месте.

Необходимо решение задач стимулирования участниками образовательной системы научно-исследовательской и инновационной активности, развития форм партнерского, взаимного сотрудничества на межрегиональном и международном уровнях между научно-образовательными, бизнес-структурами, реальным сектором экономики, органами государственной власти, общественными организациями.

Материалы и методы исследования. В целях проведения расчетов и последующей интерпретации полученных результатов исследования использованы данные проведенных опросов, статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. Выявление факторов, построение причинно-следственных связей стимулирования инновационной активности в предпринимательской деятельности у молодежи в современных условиях выполнено с использованием методов индексирования, корреляционно-регрессионного анализа, логико-структурного моделирования, метода иерархий, программно-целевого с использованием программы IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования и их обсуждение. Важным направлением развития современной социально-экономической системы является активизация молодежного предпринимательства, преследующего решение как минимум двух основных задач:

- стимулирующей — направлена на поощрение инновационной активности молодежи, вознаграждение за результаты труда (в первую очередь инновационного продукта);
- социально ориентированной — нацелена на задействование молодежи в решении важнейших социальных задач региона, страны.

Инновационные идеи должны соответствовать запросам потенциальных пользователей, обеспечивая возможность решения возникающих проблемных вопросов, усовершенствования отдельных компонент деятельности хозяйствующих субъектов и других структур.

Для реализации предпринимательских молодежных инициатив Республика Беларусь создает необходимые условия в направлении материального стимулирования, построения инфраструктурных коммуникаций, решения организационно-управленческих вопросов.

В международном рейтинге Всемирного банка Doing Business [1] Республика Беларусь занимала в 2020 году 49-е место с показателем 74,3 балла (в 2019-м — 74,4) (рисунок 1). Для сравнения, Болгария — 72-е (71,8), Россия — 78,2 (77,4 баллов), Китай — 77,9 (74 баллов), Германия — 79,7 (79,3 баллов).

В Республике Беларусь активно начата работа по реализации комплекса стартап-мероприятий в целях развития бизнес-компетенций у молодежи, повышения уровня финансовой грамотности, реализации молодежью собственных инновационных идей с перспективой трансформации в инновационный стартап (планы стартап-мероприятий утверждаются областными исполнительными комитетами). Повышается публикационная активность ученых в направлении исследования данного проблемного поля [2—6].

Для изучения существующих проблемных вопросов в современной системе подготовки будущих специалистов, выявления направлений трендов развития малого и среднего предпринимательства, в первую очередь инновационного, подготовлен опрос, включающий 13 вопросов по развитию направления молодежного стартап-движения [7].

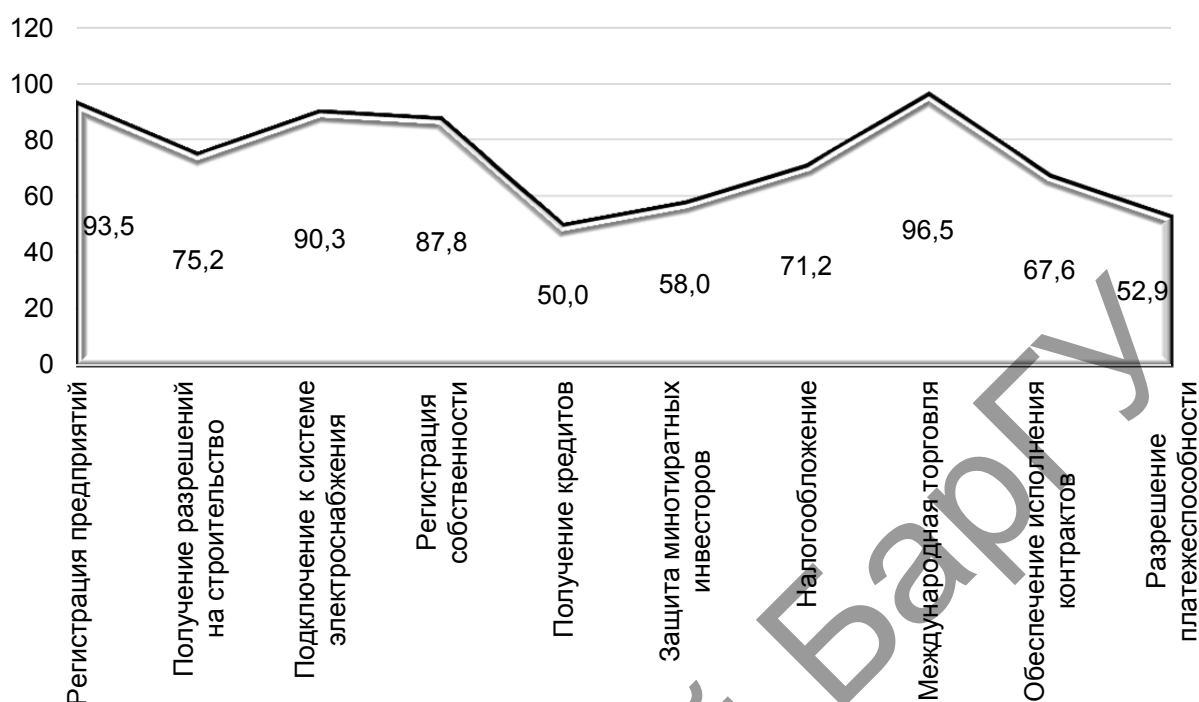

Рисунок 1. — Показатели благоприятности условий для ведения бизнеса в Республике Беларусь в 2020 году, %

Форма анкеты была представлена следующими вопросами:

- Есть ли у Вас желание открыть свой бизнес?
- Какому виду деятельности (отрасли) соответствует Ваш планируемый бизнес?
- На каком виде товаров (услуг, работ) будет специализироваться Ваш бизнес?
- Соответствует ли Ваша специальность (для учреждений высшего, среднего специального образования) специфике Вашего планируемого бизнеса?
- Вы работаете по своей специальности (для выпускников)?
- Были (есть) ли у Вас во время учебы в образовательных учреждениях учебные дисциплины (предметы), связанные с предпринимательством, развитием бизнес-навыков и аналогичные?
- В чем, по Вашему мнению, состоят проблемные вопросы в учреждении (-ях) образования в направлении обучения и развития бизнес-компетенций у молодежи?
- С учетом конкуренции, каким основным преимуществом («изюминкой») для клиентов обладает (будет) Ваш бизнес (относительно кадров, оборудования и помещений, качества обслуживания, инноваций и другого)?
- Каковы основные стимулы у Вас для открытия своего бизнеса?
- В чём Вы видите социальную значимость Вашего планируемого бизнеса?
- Что Вам мешает (мешало, чего Вы боитесь) открыть свой бизнес?
- Что Вы понимаете под термином «бизнес»?

В опросе приняли участие 305 респондентов из Беларуси и России в возрасте от 16 до 33 лет. Респонденты распределились следующим образом: 56,6 % мужчин и 43,4 % женщин.

По результатам опроса однозначное желание открыть свой бизнес выразили 54,1 % опрошенных, 31,7 % респондентов еще сомневаются, 14,1 % опрошенных молодых людей не имеют желания заниматься собственным бизнесом на текущий момент.

Основными видами деятельности, которым соответствует планируемый к открытию бизнес, респондентами выбраны следующие: услуги населению — 32,4 %, информационные технологии — 20,5 %, общественное питание — 17,6 %, недвижимость — 16,2 %, строительство — 12,9 % (рисунок 2).

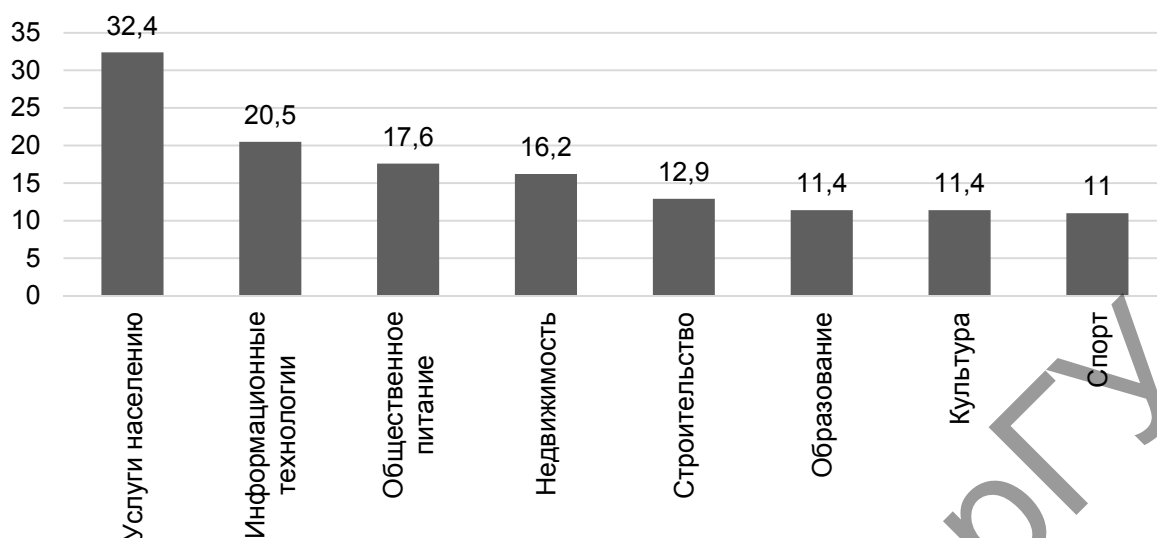

Рисунок 2. — Наиболее популярные виды деятельности среди молодежи при организации собственного бизнеса, %

Полученные данные свидетельствуют о приоритете малого бизнеса и стартапов на услугах населению, что определяется их масштабами деятельности. Цифровая трансформация отраслей социально-экономической системы обусловлена желанием и идеями у молодежи в сфере информационных технологий. Потребность в коммуникациях, снижении монотонности труда сотрудников фирм, совместном времяпрепровождении определяет высокий спрос на услуги в области общественного питания.

На основе ответов респондентов определены основные виды товаров (услуг), на которых будет специализироваться планируемый к открытию бизнес (рисунок 3).

Среди основных видов услуг (товаров) выбраны следующие: рекламно-информационные услуги — 24,8 %, разработка программного обеспечения — 20,0 %, продажа продуктов питания — 17,1 %, создание предметов ручной работы — 13,3 %.

У 63,9 % респондентов специфика планируемого бизнеса соответствует получаемой (полученной) специальности, что свидетельствует о предрасположенности молодежи к самореализации, креативности, внедрению в практические сферы собственных идей.

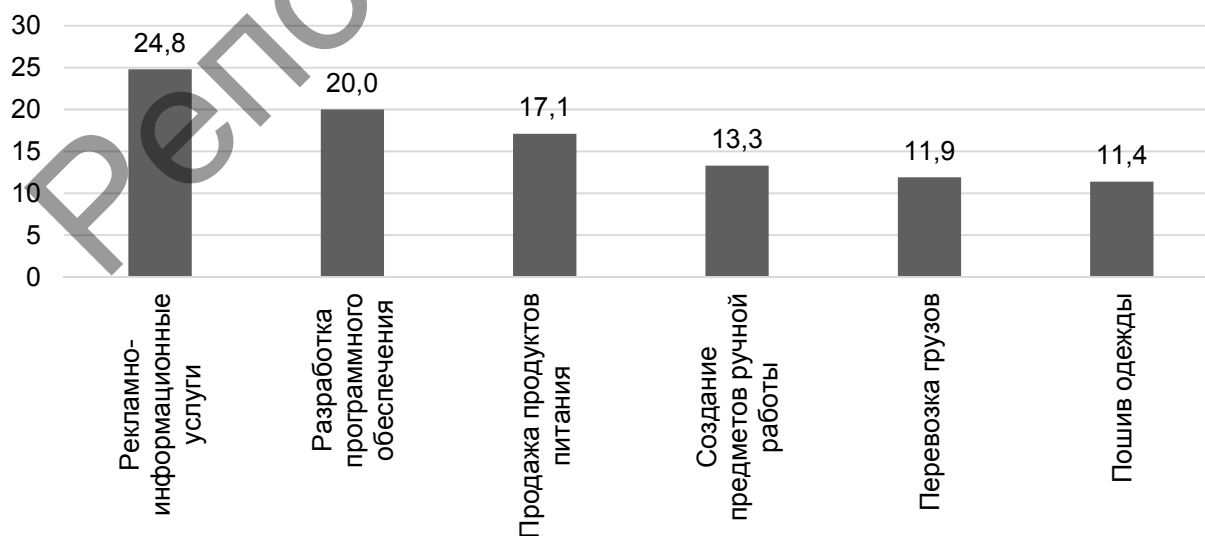

Рисунок 3. — Наиболее распространенные виды товаров (услуг) при организации планируемого бизнеса, %

Из 115 респондентов — выпускников университетов 68,1 % не работает по своей специальности, что актуализирует проблему адаптации и гибкости образовательных программ к практико-ориентированному формату обучения, изменяющимся условиям развития страны, мира. Образовательные программы должны быть максимально адаптированы под запросы в первую очередь регионов, согласно наиболее дефицитным специальностям, развитию наиболее востребованных видов профессиональных и социально-личностных компетенций.

Предыдущий вывод подтверждается ответами респондентов относительно наличия во время обучения в учреждении образования дисциплин, связанных с предпринимательством, развитием бизнес-навыков и аналогичных учебных дисциплин: 81,0 % опрошенных ответили, что таковых дисциплин не было вообще / были 1—2.

С помощью ответов респондентов проанализированы основные проблемные вопросы в учреждениях образования в направлении обучения и развития бизнес-компетенций у молодежи.

Ранжирование проблемных вопросов выполнено с помощью показателя доли суммарного количества баллов по конкретной проблеме в общем количестве баллов по всему блоку представленных проблемных вопросов (таблица 1).

Таким образом, на основе выполненных расчетов получена оценка респондентами представленных проблемных вопросов в учреждениях образования в направлении развития бизнес-компетенций (рисунок 4).

Т а б л и ц а 1. — Система ранжирования проблемных вопросов в учреждениях образования в направлении развития бизнес-компетенций

Дефекторы (проблемные вопросы в учреждении высшего образования)	Степень влияния					Сумма баллов	Доля набранных баллов по дефектору в общей сумме баллов по дефекторам, выставленных респондентами	Ранг дефектора
	1 балл (низкая)	2 балла (умеренная)	3 балла (средняя)	4 балла (значительная)	5 баллов (высокая)			
Отсутствие (недостаток) практического опыта ведения бизнеса у преподавателей	60	36	43	28	43	588	10,81	2
Большой объем теоретического материала	45	44	50	26	45	612	11,25	1
Недостаточное количество (отсутствие) проведения занятий совместно с практиками (в том числе на их базе)	43	60	45	23	39	585	10,76	3
Отсутствие (недостаток) учебных занятий по развитию soft-skills (коммуникативных, лидерских, командных и других навыков)	50	46	47	36	31	582	10,70	4
Недостаточный объем новой (оригинальной) информации в рамках учебных дисциплин по бизнес-тематике	48	55	51	28	28	563	10,35	5
Недостаточное количество проводимых научно-практических мероприятий для студентов по бизнес-тематике	58	59	49	22	22	521	9,58	8
Недостаточное разнообразие форм проведения учебных занятий	52	55	51	34	18	541	9,95	6

Окончание таблицы 1

Дефекторы (проблемные вопросы в учреждении высшего образования)	Степень влияния					Сумма баллов	Доля набранных баллов по дефектору в общей сумме баллов по дефекторам, выставленных респондентами	Ранг дефектора
	1 балл (низкая)	2 балла (умеренная)	3 балла (средняя)	4 балла (значительная)	5 баллов (высокая)			
Отсутствие конкретного результата по итогам обучения в рамках отдельной учебной дисциплины (проекта, бизнес-плана, прототипа и др.)	68	61	41	24	16	489	8,99	9
Отсутствие (недостаточное количество) конкурсов молодежных бизнес-инициатив	69	63	50	24	16	521	9,58	7
Недостаточный уровень квалификации преподавателей	94	44	46	13	13	437	8,03	10

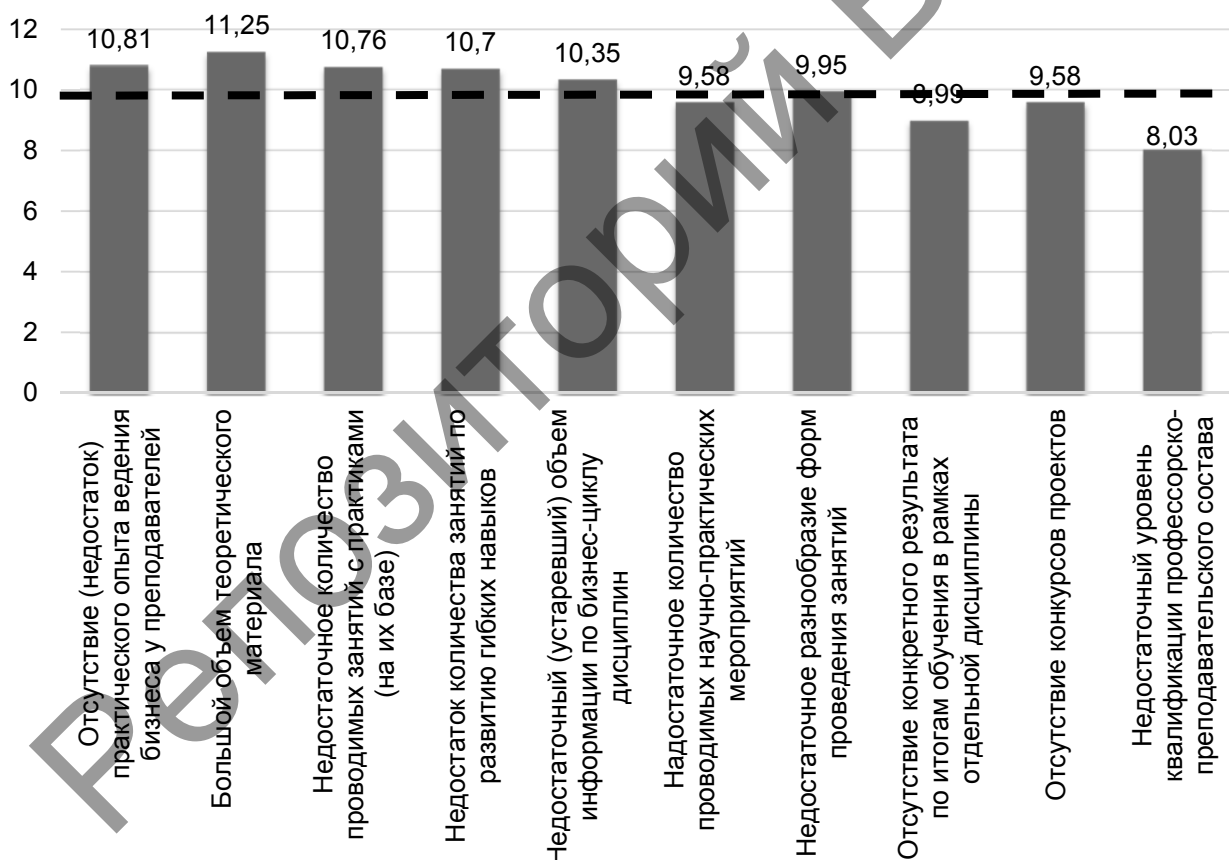

Рисунок 4. — Проблемные вопросы в учреждениях образования в направлении развития бизнес-компетенций у молодежи, %

Примечание. Пунктирная линия — среднее значение по ряду равно 10,0.

В качестве возможных конкурентных преимуществ планируемого бизнеса респондентами определены в основном оригинальность (новизна) и качество (процессов), что свидетельствует о понимании необходимости, значимости инновационных продуктов (товаров, услуг, работ) для партнеров (пользователей, покупателей, клиентов).

На основе ответов респондентов были выявлены основные стимулы для открытия бизнеса с помощью ранжирования долевых показателей (рисунок 5). Очень важным аспектом является учет социальной значимости респондентами в планируемых бизнес-идеях (в основном ответ «польза для общества»). Респондентами определены основные барьеры для открытия бизнеса, среди которых наиболее распространенными являются дефицит финансовых ресурсов и имеющихся источников финансирования бизнес-идей, отсутствие опыта ведения бизнеса, отсутствие потенциальных инвесторов (рисунок 6).

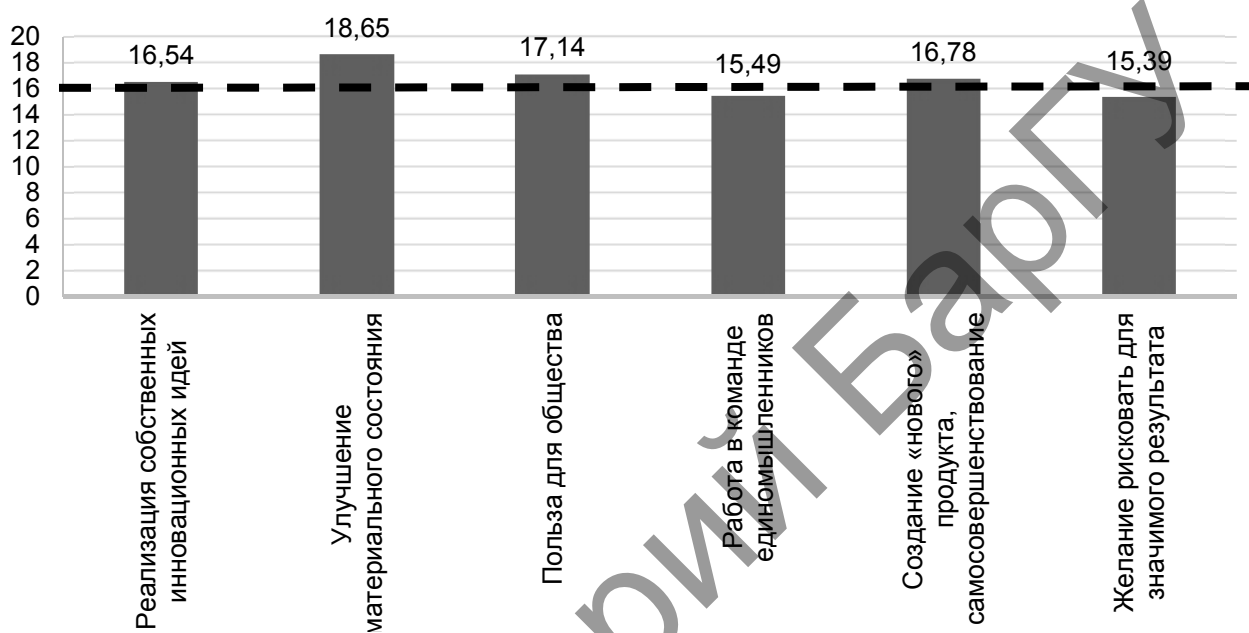

Рисунок 5. — Основные стимулы для открытия собственного бизнеса, %

Примечание. Пунктирная линия — среднее значение по ряду равно 16,67.

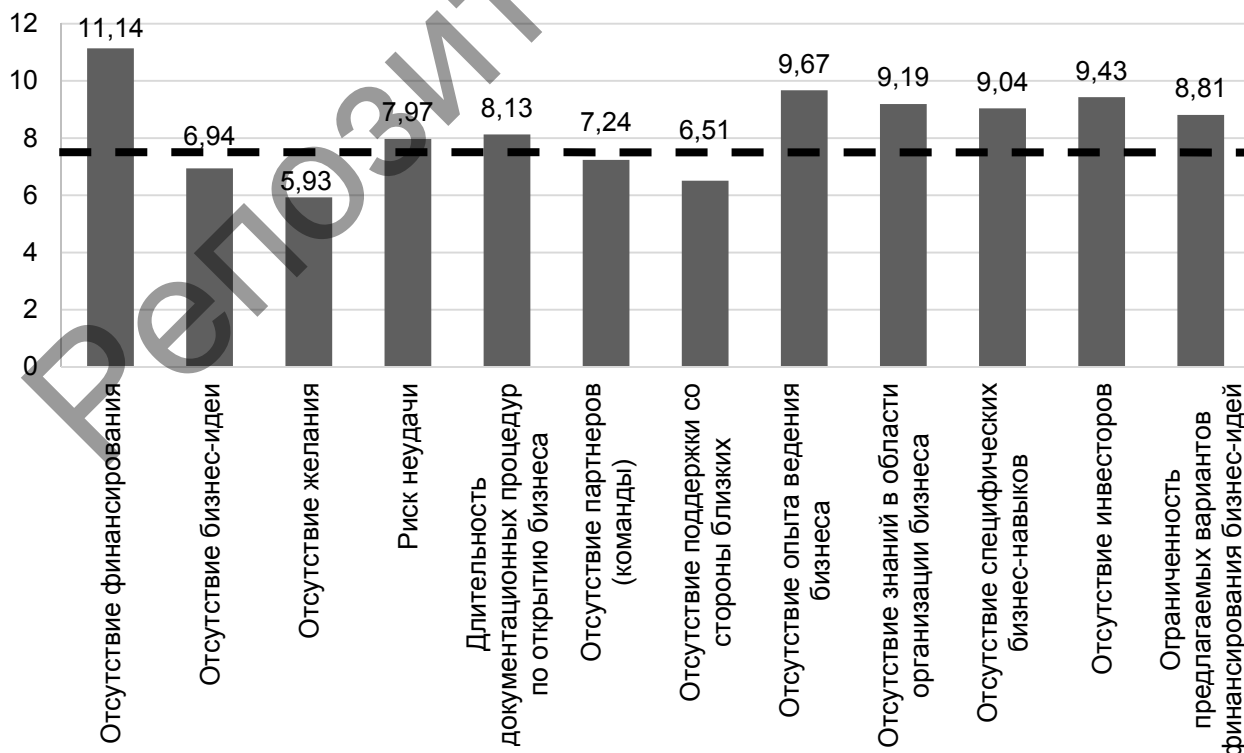

Рисунок 6. — Наиболее распространенные барьеры при открытии собственного бизнеса, %

Примечание. Пунктирная линия — среднее значение по ряду равно 8,33.

Путем проведения корреляционного анализа по факторам влияния на эффективность развития молодежного предпринимательства на основе полученной статистической базы от респондентов выявлены отдельные зависимости по мотиваторам, дефекторам (таблица 2).

Таким образом, проведенное исследование на основе опросов, корреляционного анализа позволило определить необходимость разработки конкретных финансово-экономических и организационно-управленческих мер активизации инновационного молодежного предпринимательства:

- 1) финансово-экономические:
 - субсидирование молодежных инновационных стартап-проектов;
 - формирование венчурных фондов (альянсов) для финансирования молодежных стартапов;
 - использование краудфандинговых платформ для поиска источников финансирования инновационных идей;
 - применение долевого финансирования (в случае научно-инновационного стартапа — паритетное финансирование разработчиком и заказчиком);
 - гибкость и мобильность распределения (перераспределения) средств, выделяемых на развитие субъектов инновационной инфраструктуры;
- 2) организационно-управленческие:
 - расширение функций бизнес-акселераторов (инкубаторов), коворкинг-площадок (в том числе международных);
 - внедрение в образовательные программы специальностей учебных дисциплин по развитию бизнес-компетенций у молодежи, softskills;
 - организация систематических образовательных, научно-практических мероприятий с участием представителей образовательного, научного, реального сектора экономики, органов власти, бизнеса, общественных организаций (рисунок 7).

Т а б л и ц а 2. — Матрица коэффициентов корреляционной зависимости уровня эффективности развития молодежного предпринимательства от группы факторов

Коэффициент корреляции		Значение
Активности молодежи в генерировании инновационных идей	Недостаточного количества проводимых учебных и других занятий по развитию soft-skills	-0,907
Процесса по созданию инновационного продукта		-0,881
Реализации молодежных предпринимательских инициатив	Недостаточного объема новой (актуальной) информации в рамках учебной дисциплины	-0,841
Отсутствия (ограниченности) специфических бизнес-навыков		0,923
Отсутствия конкретного результата по итогам обучения в рамках отдельной учебной дисциплины (проекта)	Недостаточного количества проводимых конкурсов молодежных бизнес-инициатив	0,987
	Отсутствия единомышленников (команды)	0,950
Недостаточного уровня квалификации преподавателей	Отсутствия идей для реализации инновационных проектов (инициатив)	0,995
	Отсутствия желания генерировать инновационные идеи	0,956
Реализации собственных инновационных идей	Пользы для общества	0,974
	Создания нового продукта, совершенствования процессов	0,971
Создания нового продукта, совершенствования процессов, постоянного развития	Улучшения материального состояния	0,954

Рисунок 7. — Направления активизации инновационного молодежного предпринимательства

Заключение. Реализация предложенных финансово-экономических, организационно-управленческих мер для активизации инновационного молодежного предпринимательства позволит:

- развить кооперацию научных, образовательных организаций, бизнес-структур, власти, общественных организаций, обеспечив логико-структурный подход к созданию качественного инновационного продукта на основе реализации принципа поэтапности в рамках жизненного цикла генерации инновации;
- обеспечить рост объемов производства инновационной продукции (услуг), учитывая региональную специфику, инновационный, интеллектуальный потенциалы, ресурсную базу, инфраструктуру;
- усилить социальную значимость реализуемых бизнес-проектов, ориентируясь на решение существующих проблемных вопросов в социальной сфере, обеспечить высокий уровень занятости, в первую очередь молодежи, для развития социально-экономической системы региона, страны.

Список цитируемых источников

1. Международный рейтинг Всемирного банка по оценке условий для ведения бизнеса Doing Business [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russian.doingbusiness.org>. — Дата доступа: 01.05.2021.
2. Klimuk, V. V. Interaction of education, science and business in terms of digital economy development / V. V. Klimuk, V. Lazdins // Proceedings of the 2019 International Conference “Economic science for rural development”. — 2019. — № 52. — P. 37—48.

3. Dynamics of scientific results in the higher education / V. Terziev [etc.] // Proceedings of ADVED 2020 — 6th International Conference on Advances in Education, 5—6 October 2020. — P. 335—344.

4. *Terziev, V.* Performance analysis of the implementation of innovation policy in Belarus / V. Terziev, V. Klimuk // 21st RSEP International Economics, Finance & Business Conference. Online, 19—20 May 2021. — Barcelona, Spain. — P. 53—58.

5. *Terziev, V.* Directions of the development of youth innovative start-ups in Belarus / V. Terziev, V. Klimuk // 21st RSEP International Economics, Finance & Business Conference. Online, 19—20 May 2021. — Barcelona, Spain. — P. 95—99.

6. *Terziev, V.* Improving social performance of a resource cooperation model “Science_Education_Business_Power” based on “smart specialization” principle / V. Terziev, V. Klimuk // 21st RSEP International Economics, Finance & Business Conference, 19—20 May 2021. — Barcelona. — P. 10—15.

7. Развитие молодежного предпринимательства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLScEMLkPTdXgBHLBT-DnPYQKONjV3Si7MgN178FnX9P_rBnnUKA/viewform. — Дата доступа: 01.06.2021.

Поступила в редакцию 14.06.2021.

Репозиторий БарГУ

УДК 658.5

Д. В. ЛабунУчреждение образование «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 523 74 99, ledidi911@mail.ru**ТЕОРИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СИСТЕМ КАК СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ
УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Существует множество теорий управления, которые служат основой для принятия эффективных решений. Все системы работают и развиваются по одним и тем же принципам. Подбор правильных точек воздействия может значительно повысить эффективность деятельности организации. В статье рассматривается теория ограничения систем, направленная на повышение эффективности любого типа деятельности на основе способности находить и управлять ограничениями — «узкими местами» системы. Ограничение, как изначально отрицательный фактор, побуждает сократить разрыв между текущим состоянием и желаемым состоянием, что является ключом к эффективному управлению.

Ключевые слова: теория ограничения систем; поиск ограничения; повышение эффективности управления; инструментарий теории ограничения систем.

Рис. 1. Библиогр.: 12 назв.

D. V. LabunEducational institution “Baranovichi State University”, 21 Voikova Str.,
225404 Baranovichi, the Republic of Belarus, +375 (29) 523 74 99, ledidi911@mail.ru**THEORY OF CONSTRAINTS AS A MODERN MANAGEMENT CONCEPT
FOR INCREASING THE EFFICIENCY OF THE ORGANIZATION IN THE CONTEXT
OF FORMING ECONOMIC SECURITY**

There are many management theories that serve as the basis for effective decision-making. All systems work and develop according to the same principles. Selecting the right leverage points can significantly improve the performance of an organization. The article discusses the theory of constraints, aimed at increasing the efficiency of any type of activity based on the ability to find and manage constraints — “bottlenecks” of the system. Constraint, as an initially negative factor, prompts to close the gap between the current state and the desired state, which is the key to effective management.

Key words: theory of Constraints; search for limitation; improvement of management efficiency; TOC toolkit.

Fig. 1. Ref.: 12 titles.

Введение. В современном мире успешное экономическое развитие может быть достигнуто только в том случае, если экономическая безопасность обеспечивается на всех уровнях: личность, субъекты хозяйствования, государство. Эти иерархические уровни тесно взаимосвязаны. Экономическая безопасность человека тесно связана с экономической безопасностью организаций, на которых он и члены его семьи работают. В свою очередь, экономическая безопасность организации невозможна без обеспечения экономической безопасности государства. Современный миропорядок отличается большой динамичностью и изменчивостью внешней среды, что гарантирует практически молниеносную реализацию угроз экономической безопасности.

В условиях постоянных и непредсказуемых изменений современной глобальной экономики (включая такие характеристики рынка, как перенасыщение товарами, высокая осведом-

ленность потребителя) неизбежно возникает необходимость в разработке новых подходов к управлению субъектами хозяйствования как экономическими системами, которые позволяют эффективно функционировать и реализовывать имеющийся потенциал развития.

Основная причина наблюдаемых негативных явлений кроется в подходе, заложенном в процедуру разработки бизнес-стратегии, — жестком формализме разрабатываемых стратегий и важной роли экспертизы при формировании планов. Генри Минцберг писал об этой ситуации: «Самое большое заблуждение — это вера в то, что стратегию можно сформулировать формально, что аналитические процедуры планирования способны генерировать синтез, необходимый для выработки эффективной стратегии» [1].

Все подходы, применяемые для разработки стратегии, от классических (Ансофф [2], Портер [3], Друкер [4]) до современных эконофизиков (Мантенья [5], Стэнли [5], Садченко [6], Панченков [7]) решают одну и ту же проблему — выявление основных проблемных факторов, влияющих на развитие предприятия, и их использование для повышения эффективности бизнеса.

Одним из недостатков таких подходов является отсутствие разработанной методики диагностики экономического объекта, которая позволяет точно определить основные проблемы и разработать меры по их устранению.

Быстрые изменения, происходящие в сложном структурированном рыночном процессе, актуализируют потребность в инновационных подходах к исследованиям. Это связано с тем, что изменяющаяся среда деловой активности больше не поддается познанию с помощью тех подходов, которые выявляли ее эффективность при дальнейшей трансформации.

В этом случае важным инструментом управления является теория ограничения систем (далее — ТОС), которая фокусируется на самом слабом звене в цепочке бизнес-процессов. Данная теория рассматривает процессы как звенья в цепочке, а не представляет их независимо друг от друга. В то же время теория фокусируется на самых слабых звеньях, которые являются «узкими местами» для организации в целом, и пытается определить, как эти «узкие места» связаны между собой. Таким образом, эта интегрированная философия управления меняет образ мышления менеджеров и становится важным инструментом для решения глубоко укоренившихся бизнес-проблем.

Материалы и методы исследования. Оперативность реагирования на изменчивость внешней среды и создание продукта, удовлетворяющего всем ожиданиям потребителя, зависит от всех стейкхолдеров как со стороны потребителя, так организации. Только в том случае, если они однозначно понимают поставленные цели и предпринимают эффективные действия для их достижения, возникает взаимовыгодное сотрудничество. Такой обоюдной выгоде в конечном счете способствует внедрение современных концепций и методов управления, среди которых возможно выделить: быстрореагирующее производство (быстрый менеджмент, или QRM), бережливое производство, активное производство, ТОС, стратегию голубого океана и т. д. Если компания способна освоить современную рабочую модель управления быстрее своего конкурента, у нее появляется больше шансов выиграть конкурентную борьбу и увеличить вероятность продажи создаваемой продукции или услуги [8].

Бережливое производство нацелено на постоянный поиск любых потерь и их устранение, активно вовлекая каждого сотрудника в процесс оптимизации работы. При этом вся деятельность организации анализируется с точки зрения добавленной стоимости для потребителя. Наиболее эффективно такой подход проявляется при крупномасштабном и массовом производстве изделий с малой вариабельностью исходных свойств, например, его можно использовать в цехах предприятия, производящего стандартные изделия.

Быстрореагирующее производство ориентировано на одно — сокращение времени выполнения заказа для конечного потребителя. При этом часто характерно ожидаемое увеличение других затрат организации.

В традиционном менеджменте предприятия стремятся сократить расходы и увеличить скорость производства, при этом игнорируются накладные расходы и потенциал продаж, де-

ляется упор на оптимизацию использования рабочих и оборудования. С точки зрения быстрого менеджмента это основная ошибка, потому что в этом случае, например, нет возможности выполнить срочный заказ без последствий для остальных «нормальных» заказов. Поэтому инструменты быстрого менеджмента более эффективно применяются в средних или мелких производствах, в которых уникальность продукции находится на среднем уровне.

Подходы бережливого производства и быстрого менеджмента при построении целевых производственных ячеек мало отличаются друг от друга. Обе концепции относятся к организации совместной работы и ориентируют организационную систему на постоянное улучшение. Система QRM заимствовала эти основы из бережливого производства, что подтверждает основатель QRM, при этом подчеркивая их взаимодополняемость.

При рассмотрении концепции активного производства можно выделить такие его характеристики, как сценарная стратегия и постоянная готовность к изменениям во всей организации, использование максимума интеллектуальных активов, сокращение материальных ресурсов, гибкая организационная структура. Предприятиям, применяющим данный подход в управлении, характерно наличие многофункциональных специалистов, а также обширная сеть партнерских организаций с дублирующими и дополняющими функциями для обеспечения независимости в работе. Эта концепция в полной мере проявляет свою эффективность в индивидуализированном производстве товаров и услуг, которое требует задействования всех необходимых ресурсов для предоставления покупателю уникального продукта, который полностью удовлетворяет его потребности.

Большинство распространенных методологий принятия управленческих решений основано на «затратном принципе» — подсчете материальных и временных затрат производственных этапов или бизнес-процессов и минимизации этих затрат на каждом участке. Практика финансового и управленческого консалтинга показала, что зачастую подобный подход приводит к серьезным ошибкам: рост эффективности конкретного участка ведет лишь к накоплениям запасов или незавершенной продукции, а не к ожидаемому росту прибыли. Корень проблемы в том, что применение «затратного принципа» в недостаточной степени учитывает взаимосвязь между различными компонентами и может повлечь за собой неправильную оценку влияния оптимизации участка на производство или бизнес в целом [9].

При написании материалов были использованы труды зарубежных ученых и практиков, занимающихся вопросами внедрения теории ограничения систем в управленческую деятельность организации. Анализ экспертных оценок практиков, изучение зарубежного опыта внедрения теории ограничения систем позволили определить, что причиной популярности данной теории является простота и универсальность, поскольку принципы, методы и инструменты ТОС можно использовать для устранения ограничений любых систем, а значит, и повышения их эффективности.

Результаты исследования и их обсуждение. Основная задача современных наукоемких субъектов хозяйствования — не только получать прибыль от своей деятельности, но и эффективно развивать производство. В условиях жесткой конкуренции необходимо уметь быстро адаптироваться к изменениям внешней среды. Поэтому для достижения поставленных целей организациям необходимы: эффективное использование производственных мощностей, оптимальное использование различных видов ресурсов, система управления, направленная на максимизацию прибыли (организация производства продукции, бизнес-планирование, контроллинг, контроль качества, мотивация).

Все промышленные организации работают с ограниченными мощностями, которые при изменении внешней среды могут оказаться недостаточными или избыточными. Поэтому для эффективного функционирования наукоемких субъектов хозяйствования необходимо иметь не только гибкое и перенастраиваемое производство, но и новый подход к управлению производственными мощностями и ресурсами. Такой новый подход к управлению производством можно назвать теорией ограничений, разработанной Э. Голдраттом. Эта теория основана на системном подходе.

Теория ограничений — это философия современного менеджмента, опирающаяся на рациональный или научный подход к управлению. Она дает руководителю возможность создавать упрощенные модели сложнейших производственных и бизнес-систем, позволяющие, несмотря на свою упрощенность, контролировать важные вопросы и события в организации [10].

В ходе изучения и сравнения всех современных систем управления именно эта оказалась наиболее универсальной. В современном мире существует множество форм организации бизнеса: коммерческие (которые покупают и продают), производственные, организации, предоставляющие различные виды услуг, государственные и социальные услуги, которые не имеют коммерческого назначения. Существуют различные формы бизнес-взаимодействия со своими объектами: от классических, основанных на прямом контакте, до взаимодействия через интернет-ресурсы. Казалось бы, невозможно придумать универсальный механизм, позволяющий найти, систематизировать, проанализировать и предложить решение для устранения возникающих трудностей в работе с таким разнообразием видов организационной деятельности. Но ТОС — это та система, которая находит ответы на вопрос о том, почему бизнес не работает так, как должен.

Идея теории ограничений заключается в том, что воздействие на небольшое количество факторов системы является наиболее эффективным, чем одновременное комплексное воздействие на все её проблемные области. Цель производственной организации — «делать деньги», причем, по мнению автора, достигать цели необходимо путем увеличения дохода, а не уменьшения расходов. Как известно, величина получаемой организацией прибыли тесно связана с его производительностью. Таким образом, организация будет «делать деньги» при достижении этим показателем необходимого минимального уровня и дальнейшем его увеличении. Э. Голдратт подходит к решению данной проблемы с другой стороны: необходимо сосредоточиться не на поиске возможностей увеличить уже существующую производительность, а на определении сдерживающих её факторов, другими словами, узких звеньев [11].

Теория ограничений базируется на двух основных принципах, взятых из естественных наук. Первый заключается в том, что оптимизация каждого отдельного компонента системы (подсистемы) не приводит к оптимизации системы в целом, поскольку достижение локальных оптимумов не обязательно ведет к оптимуму глобальному. Второй принцип — поведение большинства сложных систем обусловлено небольшим числом факторов-причин, и нежелательные аспекты поведения системы могут быть устранены воздействием на них. Применительно к производству или бизнесу это означает, что стремление повысить его эффективность через достижение максимально возможной эффективности каждого участка производства или бизнес-процесса может привести к нулевым или даже обратным результатам для всей фирмы, поскольку пропускная способность бизнеса или производства в целом обусловлена пропускной способностью его «узких мест» (ограничений системы) [9].

Главный приоритет менеджера — улучшить работу организации за счет устранения критических ограничений. Данный процесс можно представить в виде нескольких последовательных шагов (рисунок 1).

Следует помнить, что теоретически «узкие места» могут возникать в любой функциональной сфере организации, но чаще необходимо начинать работу по их устранению из производственного процесса.

Теория ограничения систем фокусирует усилия субъекта хозяйствования на наиболее оперативном увеличении скорости генерации дохода чаще всего только с имеющимися ресурсами. Это достигается за счет увеличения пропускной способности основных производственных процессов, обеспечения максимально возможного использования ресурсов — ограничивающих элементов систем организации и в результате роста количества произведенной продукции или услуги в единицу времени. При этом круг анализируемых характеристик ограничений систем субъекта хозяйствования включает в себя также и временные показатели.

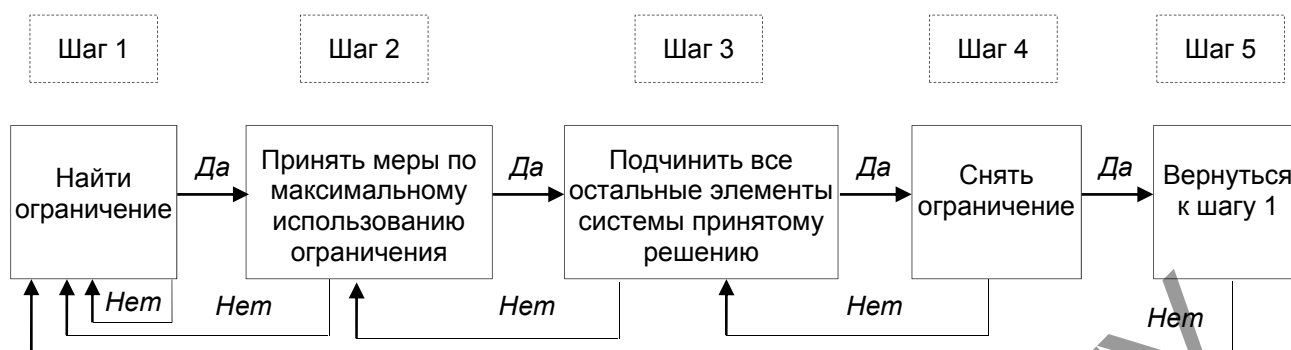

Рисунок 1. — Блок-схема реализации теории ограничений

В конечном счете одной из главных целей применения инструментов ТОС является выстраивание такой производственной системы, в которой отсутствует ресурс с ограниченной мощностью и дальнейшие улучшения возможны либо за счет производства и продажи товаров с большей добавленной стоимостью, либо за счет сокращения времени производственного цикла [12].

В современных условиях ТОС имеет большой практический потенциал, поскольку инструменты теории позволяют выявить основные проблемы, выявить скрытые резервы компании и предложить методы разрешения кризисных ситуаций. Методология теории универсальна и находит применение в самых разных областях, особенно в управлении производством, управлении проектами, маркетинге, логистике.

На данный момент это популярная методология, которой пользуются во всем мире. Теорию ограничений используют такие организации и учреждения, как АВВ (Швейцария), Intel, Boeing, Elwood City Forge (США), Israeli Aircraft Industry, Amdocs (Израиль), Dr Reddy's (Индия), Tata Steel (Индия) и др.

Практический опыт применения положений ТОС показывает, что с помощью инструментария ТОС можно значительно улучшить показатели деятельности организации, в частности, оптимизировать уровни запасов, улучшить структуру расходов и улучшить финансовые результаты.

Следует отметить, что применение теории ограничений направлено на достижение таких улучшений в бизнесе, которые помогут ему получить устойчивое конкурентное преимущество на рынке. Актуальность применения теории ограничений заключается еще и в том, что теория позволяет организации обеспечить постоянное движение по пути самосовершенствования. После снятия одного ограничения, которое в то время было ключевым, выполняется поиск следующего и т. д.

После каждого шага компания переходит на новый уровень своего развития, которого не всегда удается достичь за счет использования других концепций. Этот эффект достигается благодаря тому факту, что данная концепция управления фокусирует свое внимание именно на ключевых вопросах, в то время как другие могут потребовать усилий по внесению изменений на тех участках, где на данный момент это не является абсолютно необходимым, как если бы увеличить количество произведенной продукции, в то время как спрос и количество потребителей данной продукции, меньше пропускной способности данного участка.

Следует отметить, что на постсоветском пространстве эта теория только начинает обращать на себя внимание, что актуализирует необходимость научных исследований в данной области. Проблемы, связанные с организацией производства, требуют качественного подхода к своему решению. Одним из таких подходов является ТОС, доказавшая свою эффективность на опыте зарубежных компаний.

Однако существует ряд причин, затрудняющих внедрение ТОС. Во-первых, менеджеры вводят концепцию выборочно, исходя из личного отношения. Во-вторых, профессионалы сосредотачиваются на «улучшении» четко определенных решений ТОС, а не на их внедрении. В-третьих, имитация деятельности менеджера. В-четвертых, отсутствие интереса со стороны лиц, принимающих решения. Грамотные знания, соблюдение процедуры внедрения, отсутствие страха команды, способности и желания позволяют организации успешно внедрить ТОС.

Заключение. Исследование теории ограничения систем как концепции управления позволило сформулировать следующие выводы. В течение многих лет сложившаяся практика белорусских предприятий и организаций базировалась в основном на экстенсивном пути развития. Если не хватало человеческих ресурсов, то увеличивали штат сотрудников, если не хватало производства, то закупали дополнительный материал, если не хватало краткосрочных активов, то брали кредит, если покупатель не приобретал товар, то снижали цену. Обычно одно из перечисленных действий влекло за собой второе, рано или поздно руководители задумывались об оптимизации. При этом, если не хватало прибыли, начинали сокращать персонал и сразу в большей части организации, если оборудование было бездействующим, его можно было продать. В конечном итоге это приводило к постоянному колебанию и переходу от одной проблемы к другой.

Чаще всего проблема заключается в том, что анализируются некоторые отдельные области работы организации, и хотя изменения в этой области могут иметь положительный эффект, они не всегда будут положительно влиять на работу организации в целом. В некоторых случаях оказывается, что этот «местечковый» положительный результат, наоборот, создает задержки, проблемы в работе организации.

Теория ограничения систем основана на разных принципах. Она не рассматривает какой-либо конкретный вид бизнеса, а рассматривает всю организационную деятельность как систему и предлагает принципы изучения, исследования и анализа «узких мест», которые мешают организации в достижении своих целей. Помимо определения основных принципов, теория предлагает использовать набор очень специфических методов для устранения выявленных проблем.

Практика использования ТОС доказывает свою эффективность в улучшении таких показателей, как прибыль, качество, сроки изготовления и доставки, уровень запасов на складе. Отличительной особенностью является то, что компании смогли добиться результатов в различных экономических условиях, в том числе в условиях кризиса. Любой профессионал, стремящийся достичь желаемого состояния своего бизнеса, должен рассматривать ТОС как лучший инструмент для достижения своих целей.

Список цитируемых источников

1. Минцберг, Г. Менеджмент: природа и структура организаций глазами гуру / Г. Минцберг ; пер. с англ. О. И. Медведь. — М. : Эксмо, 2009. — 464 с.
2. Ансофф, И. Стратегический менеджмент. Классическое издание / И. Ансофф. — Пер с англ. ; под ред. А. Н. Петрова. — СПб. : Питер, 2011. — 344 с.
3. Портер, Е. М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / Е. М. Портер. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. — 454 с.
4. Друкер, П. Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества / П. Ф. Друкер ; пер. с англ. — М. : Вильямс, 2007. — 336 с.
5. Мантенья, Р. И. Введение в эконофизику: корреляции и сложность в финансах / Р. И. Мантенья, Г. Ю. Стенли. — Пер. с англ. ; под ред. В. Я. Габескирия. — М. : Книж. дом «Либроком», 2009. — 192 с.
6. Садченко, К. В. Законы экономической эволюции / К. В. Садченко. — М. : Дело и Сервис, 2007. — 272 с.
7. Панченков, А. Н. Эконофизика / А. Н. Панченков. — М. : Поволжье, 2007. — 528 с.

8. Орлов, В. М. Взаимосвязь современных концепций управления для повышения эффективности предприятия / В. М. Орлов, Ю. В. Бабанова // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Экономика и менеджмент». — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 117—122.

9. Яшин, В. Теория ограничений: новая управленческая парадигма [Электронный ресурс] / В. Яшин, А. Семенов // Наука и инновации. — 2013. — № 126. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ogranicheniy-novaya-upravlencheskaya-paradigma>. — Дата доступа: 30.08.2021.

10. Шрагенхайм, Э. Теория ограничений в действии: системный подход к повышению эффективности компании / Э. Шрагенхайм ; пер. с англ. — 4-е изд. — М. : Альпина Паблишер, 2020. — 286 с.

11. Голдратт, Э. М. Цель: процесс непрерывного улучшения : спец. изд. / Э. М. Голдратт, Д. Кокс ; пер. с англ. — Минск : Попурри, 2020. — 400 с.

12. Детмер, У. Теория ограничений Голдратта: системный подход к непрерывному совершенствованию / У. Детмер ; пер. с англ. — 6-е изд. — М. : Альпина Паблишер, 2015. — 444 с.

Поступила в редакцию 10.09.2021.

Репозиторий БарГУ

УДК 657.47:658.8(476)

М. С. Пономарева

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, + 375 (33) 618 42 82, masha280296@gmail.com

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ УЧЕТ ЗАТРАТ (РАСХОДОВ) И ДОХОДОВ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ МАРКЕТИНГОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРОДАЖ

В статье дано определение понятия «затраты на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж», определен примерный состав затрат на осуществление маркетинговых мероприятий и уточнена их классификация. Рассмотрен порядок управленческого учета затрат (расходов) и доходов от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж, позволяющий сформировать информационную базу для анализа стимулирующих мероприятий и принятия эффективных управленческих решений в отношении предоставления покупателям маркетинговых инструментов стимулирования продаж.

Ключевые слова: управленческий учет; затраты; расходы; доходы; маркетинговые инструменты стимулирования продаж.

Рис. 1. Табл. 1. Библиогр.: 11 назв.

M. S. Ponomareva

Belorussian State Economic University, 26 Partizanski Ave., 220070 Minsk,
the Republic of Belarus, + 375 (33) 618 42 82, masha280296@gmail.com

MANAGEMENT ACCOUNTING OF COSTS (EXPENSES) AND INCOME FROM THE SALE OF GOODS WHEN PROVIDING MARKETING TOOLS TO STIMULATE SALES

The article gives a definition of the term “costs of marketing tools to stimulate sales”, defines the approximate composition of the costs of marketing activities and clarifies their classification. The article considers the procedure for management accounting of costs (expenses) and income from the sale of goods when providing marketing tools to stimulate sales. This procedure makes it possible to form an information base for analyzing incentive measures and making effective management decisions in relation to providing buyers with marketing tools to stimulate sales.

Key words: management accounting; costs; expenses; revenues; marketing tools to stimulate sales.

Fig. 1. Table 1. Ref.: 11 titles.

Введение. Основной целью любой коммерческой организации является получение прибыли и ее рост. Стимулирующие мероприятия (скидки, бонусы, премии, программы лояльности) используются компаниями для достижения данной цели. На сегодня не теряют своей актуальности вопросы о том, сколько организация несет затрат на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж, какова величина дополнительно полученных доходов от стимулирования покупателей. Национальная методика бухгалтерского (финансового) учета маркетинговых инструментов стимулирования продаж не позволяет решить данные вопросы из-за неотражения интересующих данных (например, в отношении скидок, премий), их разрозненного представления (на различных счетах бухгалтерского учета), в связи с чем считаем целесообразным разработку методики управленческого учета затрат (расходов) и доходов от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж.

Материалы и методы исследования. Многоаспектность исследуемой проблемы потребовала изучения трудов отечественных и зарубежных ученых по маркетингу и бухгалтерскому учету. Общие вопросы маркетинговых инструментов стимулирования продаж исследо-

вались И. Л. Акуличем [1], Д. М. Дайитбековым, И. М. Синяевой [2]. При изучении подходов к определению понятия «затраты на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж», их составу, классификации была исследована работа таких ученых, как О. Н. Беленов, С. В. Булгакова [3]. Вопросам организации и развития управленческого учета посвящены труды отечественных и зарубежных ученых В. Б. Гурко [4], Е. В. Исаевой [5], Д. С. Ванюковой, Е. В. Конвисаровой [6], И. А. Зуевой, В. В. Гребеника, А. С. Жидкова, Е. В. Ивановой [7]. Труды данных деятелей науки легли в основу проведенного в настоящей статье исследования. Автор статьи при ее написании использовал общенаучный метод познания, анализ, синтез, сравнение, системный подход.

Результаты исследования и их обсуждение. В национальном законодательстве нет однозначного подхода к понятию «затраты на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж», их составу, не учитывается многообразие данных затрат, даются лишь общие подходы к их отражению в системе бухгалтерского учета, что часто приводит к искажению информации о них. Следует отметить, что нет определения и более общего понятия «затраты на маркетинг». Так, под ними понимают, например, затраты, осуществляемые для достижения целей маркетинга, затраты, связанные с реализацией функций маркетинга, затраты, относящиеся к маркетинговой деятельности [3, с. 25]. В связи с этим сформулировано определение понятия «затраты на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж», под которыми следует понимать совокупность затрат, относящихся к маркетинговым инструментам стимулирования продаж.

Исходя из практической деятельности организаций, примерный состав затрат на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж (с объединением в группы) можно представить следующим образом: затраты на создание (приобретение), содержание специального оборудования, программного обеспечения, приложений (формирование стоимости объектов основных средств, нематериальных активов с постепенным ее переносом на стоимость производимых (оказываемых) с их использованием в процессе предпринимательской деятельности товаров, работ, услуг путем начисления амортизации); затраты на внедрение и текущее предоставление маркетингового инструмента стимулирования продаж (например, изготовление ценников, купонов); затраты на персонал (оплата труда руководителя и специалистов отдела маркетинга, продаж); затраты на рекламирование маркетингового инструмента стимулирования продаж (изготовление плакатов, брошюр); затраты на предоставление поощрения (скидки, бонуса, премии); затраты, связанные с получением и использованием заемных средств для финансирования маркетинговых программ (проценты, причитающиеся к оплате, курсовые разницы и др.). Определение состава затрат на осуществление стимулирующих мероприятий, по нашему мнению, позволит усовершенствовать процесс калькулирования стоимости маркетинговых программ.

Как правило, в сфере бухгалтерского учета затраты группируются с позиции финансового и управленческого учета. С точки зрения экономической сущности затраты на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж можно отнести к расходам экономического субъекта, в частности, к расходам по текущей деятельности [8]. Затраты на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж могут состоять из нескольких экономических элементов. Кроме того, национальное законодательство требует разделения затрат на текущие и капитальные (инвестиционные) [9, с. 18].

Классификация затрат с позиции управленческого учета зависит от того, какую управленческую задачу необходимо решить. Так, например, Т. В. Касаева и О. Г. Цынкович выделяют следующие направления и признаки классификации затрат в зависимости от функций управления: прогнозирование (затраты краткосрочного и долгосрочного периодов), планирование (затраты планируемые и не планируемые), организация (затраты по местам возникновения), учет (затраты по элементам, статьям калькуляции, постоянные и переменные, прямые и косвенные, текущие и единовременные) [10, с. 24].

В рамках исследования остановимся на решении следующих задач: расчет стоимости маркетинговых мероприятий, распределение затрат между реализуемыми товарами (для формирования величины торговой надбавки и осуществления аналитической деятельности). Так, для достоверного расчета стоимости маркетинговых инструментов стимулирования продаж целесообразно осуществить классификацию затрат по видам маркетинговых программ с дальнейшим их соотношением с реализуемыми товарами, на которые распространяется действие маркетинговых мероприятий. Кроме того, затраты на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж могут быть прямыми, т. е. непосредственно относиться к маркетинговому мероприятию и (или) реализуемым товарам (например, затраты на внедрение, текущее предоставление стимулирующих программ), и косвенными, т. е. относиться к нескольким маркетинговым инструментам стимулирования продаж и (или) различным товарам (например, затраты на персонал). Наличие косвенных затрат на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж определяет необходимость их рационального распределения. В связи с этим необходимо подробнее остановиться на методе управленческого учета затрат.

В настоящее время организации все более используют усовершенствованные методы распределения и учета затрат. Одним из таких методов является ABC-метод. Метод ABC (activity-based costing) предполагает, что распределение косвенных затрат должно быть осмысленным и обоснованным. Значимая оценка полных затрат должна включать распределение накладных расходов в пропорции к видам деятельности (в рамках исследования — виды маркетинговых инструментов стимулирования продаж), которые их генерируют с использованием индивидуальных баз распределения [4, с. 106—107; 6, с. 79]. На основе изучения характеристики, основных этапов ABC-метода предлагаем следующий алгоритм, который можно применять для аккумуляции и последующего распределения затрат, связанных с предоставлением маркетинговых программ: определение объектов учета затрат и объектов калькулирования, определение драйверов затрат, расчет ставок драйверов затрат на единицу действия (операции), распределение затрат на конечные объекты калькулирования. Остановимся кратко на каждом этапе.

Первый этап — определение объектов учета затрат и объектов калькулирования. Поскольку критерии группировки затрат в финансовом учете регулируются требованиями нормативных правовых актов и организации не могут самостоятельно изменять эти требования, то для получения комплексной информации о затратах, относящихся к отдельным маркетинговым программам, предлагаем использовать классификацию затрат на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж по видам стимулирующих мероприятий. В качестве объектов калькулирования будем использовать отдельные товары и (или) товары, приобретаемые категориями покупателей в зависимости от направленности маркетингового инструмента стимулирования продаж (существует или отсутствует направленность маркетингового мероприятия на определенных покупателей). Второй этап — определение драйверов затрат. Драйвер затрат — параметр, пропорционально которому затраты переносятся на объекты калькулирования (изначально на виды маркетинговых инструментов стимулирования продаж). Рекомендуем для более точного определения драйвера затрат осуществлять выделение хозяйственных операций (действий) с дальнейшим определением статей затрат. Третий этап — расчет ставок драйверов затрат на единицу действия (операции, статьи). Расчет ставок драйверов затрат на единицу действия осуществляется путем деления суммы косвенных затрат по каждому действию (операции) на количественное значение драйвера. Четвертый этап — распределение затрат на конечные объекты калькулирования. На данном этапе происходит непосредственное распределение косвенных затрат, ранее сгруппированных по видам маркетинговых мероприятий на носители затрат в соответствии с объемом потребленных драйверов.

Как было отмечено ранее, система бухгалтерского (финансового) учета маркетинговых инструментов стимулирования продаж не позволяет сформировать достоверную информацию о понесенных затратах по видам стимулирующих мероприятий и распределить их между товарами. В связи с этим предлагаем следующее: произвести открытие специальных счетов управленческого учета: счет 24 «Затраты на осуществление маркетинговых инструментов стимули-

рования продаж» (формирование стоимости маркетинговых инструментов стимулирования продаж), счет 27 «Затраты на осуществление маркетинговых инструментов продаж в разрезе товаров» (формирование величины затрат на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж, приходящейся на реализуемые товары), счет 30 «Прочие затраты на реализацию товаров» (формирование величины прочих затрат на реализацию товаров, приходящейся на реализуемые товары) (для определения финансового результата от реализации товаров при использовании маркетинговых программ, осуществления аналитических действий) [11].

Организации важно обладать информацией не только о понесенных затратах, но и полученных доходах. В связи с тем, что объекты калькулирования в финансовом и управленческом учете могут не совпадать, на счете 90 «Доходы и расходы по текущей деятельности» учитываются совокупные доходы и расходы, как связанные, так и не связанные с предоставлением стимулирующих мероприятий, считаем целесообразным для отражения полученных доходов от реализации товаров с предоставлением маркетинговых мероприятий, их сопоставления с понесенными расходами и расчетом финансового результата в рамках управленческого учета ввести специальные счета, например, счет 92 «Доходы и расходы от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж» с субсчетами 92.1 «Доходы от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж», 92.2 «Расходы на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж», 92.3 «Прочие расходы на реализацию товаров», 92.4 «Прибыль (убыток) от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж», счет 100 «Прибыли и убытки от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж». Также целесообразно организовать аналитический учет по видам маркетинговых мероприятий, отдельным товарам (товарным группам).

Для разграничения понятий «затраты» и «расходы» используется принцип соотнесения доходов и расходов, согласно которому ресурсы остаются затратами до момента признания доходов, на получение которых и были приобретены (осуществлены) ресурсы, т. е. в момент признания доходов часть затрат становится расходами.

Процесс формирования информации о затратах, доходах и расходах от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж можно представить следующим образом (рисунок 1).

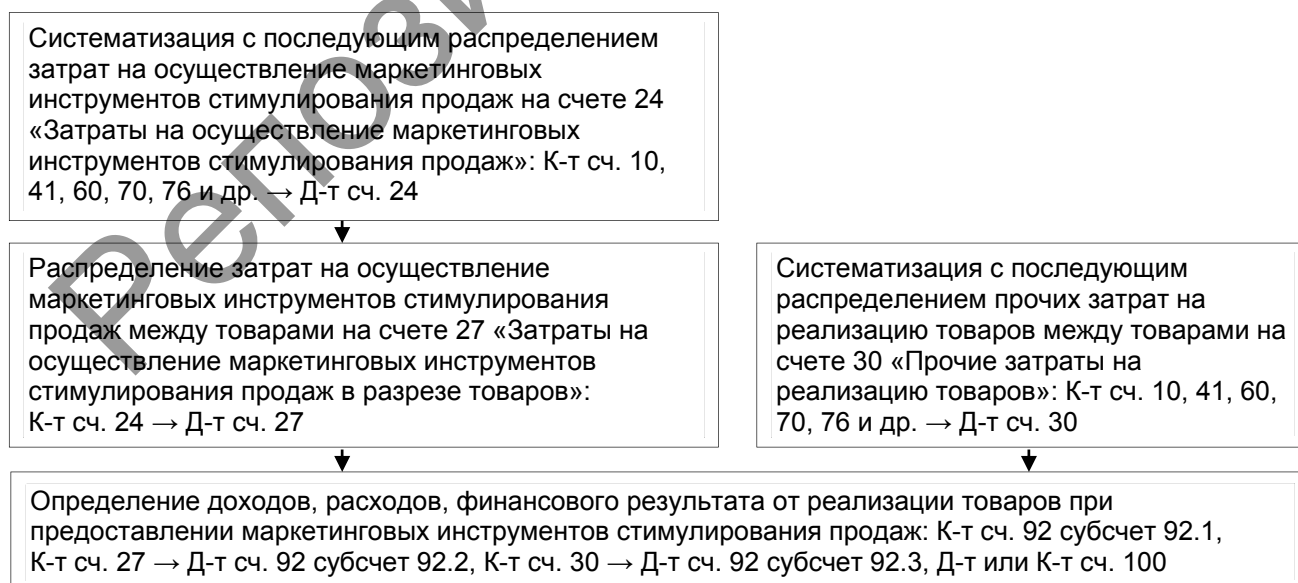

Рисунок 1. — Процесс формирования информации о затратах, доходах, расходах с определением финансового результата от реализации товаров при использовании маркетинговых программ на счетах управленческого учета

Примечание. Разработка автора.

Т а б л и ц а 1. — Корреспонденция счетов при отражении в управленческом учете доходов и расходов с формированием финансового результата от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж

Содержание хозяйственной операции	Дебет	Кредит	Сумма, р.
Выручка от реализации товаров при предоставлении маркетингового инструмента стимулирования продаж	50 (57)	92,1	1 740
Расходы на осуществление маркетингового инструмента стимулирования продаж	92.2	27	900
Прочие расходы от реализации товаров	92.3	30	400
Финансовый результат (прибыль) от реализации товаров при предоставлении маркетингового инструмента стимулирования продаж	92.4	100	440

Примечание. Разработка автора.

Пример. Руководству организации, специалистам отдела маркетинга и продаж необходима информация для осуществления анализа стимулирующих мероприятий: величина расходов, полученных доходов и финансового результата по маркетинговому мероприятию «Бонус № 1». За исследуемый период времени был получен доход от реализации товаров с использованием маркетингового мероприятия в размере 1 740 р., произведены расходы на осуществление маркетингового инструмента стимулирования продаж в размере 900 р., прочие расходы составили 400 р., получен финансовый результат (прибыль) в размере 440 р. Для упрощения примера процесс распределения затрат между маркетинговыми инструментами стимулирования продаж, реализуемыми товарами опущен (таблица 1).

Формируемую в системе управленческого учета информацию необходимо систематизировать в бухгалтерской (управленческой) отчетности, например, в таких отчетах: «Отчет о расходах на осуществление маркетинговых инструментов стимулирования продаж», в котором будет содержаться информация о величине расходов на осуществление маркетинговых мероприятий в динамике, т. е. с указанием данных за прошлый, отчетный период; «Отчет о финансовых результатах, полученных от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж», который предназначен для оценки вклада стимулирующих мероприятий в получаемый эффект от процесса реализации товаров с выявлением наиболее перспективных маркетинговых программ. Представленные формы отчетности могут быть использованы как информационная база анализа доходов и расходов от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж.

Заключение. Предлагаемая методика управленческого учета затрат (расходов) и доходов от реализации товаров при предоставлении маркетинговых инструментов стимулирования продаж позволит, во-первых, достоверно формировать стоимость стимулирующих мероприятий, во-вторых, точнее определять величину торговой надбавки на реализуемые товары, в-третьих, получать истинные данные о доходах и расходах от реализации товаров с использованием маркетинговых программ для дальнейшего их анализа и выявления резервов повышения эффективности деятельности организации.

Список цитируемых источников

1. Акулич, И. Л. Маркетинг : учебник / И. Л. Акулич. — Минск : БГЭУ, 2020. — 541 с.
2. Дайитбегов, Д. М. Основы маркетинга : практикум / Д. М. Дайитбегов, И. М. Синяева. — М. : Вуз. учеб., 2009. — 365 с.
3. Беленов, О. Н. Учетно-аналитическое обеспечение маркетинговой деятельности экономического субъекта / О. Н. Беленов, С. В. Булгакова // Экон. анализ: теория и практика. — 2015. — № 13 (412). — С. 24—33.

4. Гурко, В. Б. Бухгалтерский управленческий учет в торговле : учеб.-метод. пособие / В. Б. Гурко. — Минск : БГЭУ, 2012. — 183 с.
5. Исаева, Е. В. Организация управленческого учета маркетинговой деятельности на предприятии [Электронный ресурс] / Е. В. Исаева. — Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=958> . — Дата доступа: 15.09.2021.
6. Ванюкова, Д. С. Управленческий учет по методу ABC в оптовой торговле на примере холдинга «Русагро» / Д. С. Ванюкова, Е. В. Конвисарова // Азимут науч. исслед.: экономика и управление. — 2018. — № 2 (23). — С. 78—80.
7. Развитие систем управленческого учета в торговой деятельности и их особенности в сфере розничной торговли : монография / И. А. Зуева [и др.]. — М. : МУ им. С. Ю. Витте, 2017. — 157 с.
8. Об утверждении Инструкции по бухгалтерскому учету доходов и расходов и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 30 сент. 2011 г., № 102 : в ред. постановления М-ва финансов Респ. Беларусь от 22.12.2018 г. № 74 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
9. Вахрушина, М. А. Управленческий учет-1 : учеб. пособие по Программе подготовки и аттестации проф. бухгалтеров. Базовый курс / М. А. Вахрушина, С. А. Рассказова-Николаева, М. И. Сидорова. — М. : Издательский дом БИНФА, 2008. — 173 с.
10. Касаева, Т. В. Управленческий учет : конспект лекций / Т. В. Касаева, О. Г. Цынкович. — Витебск : ВГТУ, 2019. — 161 с.
11. Об утверждении типового плана счетов бухгалтерского учета, утверждении Инструкции о порядке применения типового плана счетов бухгалтерского учета и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 29 июня 2011 г., № 50 : в ред. постановления М-ва финансов Респ. Беларусь от 22.12.2018 г. № 74 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

Поступила в редакцию 27.09.2021.

УДК 001.101:330.342.2

К. И. Рябова, кандидат экономических наук, доцент
Учреждение образование «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 272 67 38, kseniya86@mail.ru

ДИНАМИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ КАК ФАКТОРА НАКОПЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В современном мире основным катализатором развития экономики становится интеллектуальный капитал, воплощенный в кадрах высшей квалификации. В статье показаны проблемы структуры кадров высшей квалификации в Республике Беларусь, негативные тенденции убывающего типа их воспроизводства, анализируются проблемы с их замещением. Обозначаются первостепенные задачи, которые необходимо решить для сохранения и накопления интеллектуальной составляющей белорусского общества.

Ключевые слова: знания; интеллектуальный капитал; кадры высшей квалификации; воспроизводство кадров; аспирантура; докторантура; научные исследования.

Рис. 3. Табл. 3. Библиогр.: 7 назв.

K. I. Ryabova, PhD in Economics, Associate Professor
Educational institution “Baranovichi State University”, 21 Voikova Str., 225404 Baranovichi,
the Republic of Belarus, +375 (29) 2726738, kseniya86@mail.ru

DYNAMICS OF THE REPRODUCTION OF HIGHLY QUALIFIED SCIENTIFIC STAFF AS A FACTOR OF THE ACCUMULATION OF INTELLECTUAL CAPITAL IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Intellectual capital, embodied in highly qualified personnel, is becoming the main catalyst for economic development in the world. The article describes the problems of the structure of highly qualified personnel in the Republic of Belarus. Negative trends of the decreasing type of their reproduction are shown. The problems with their replacement are analyzed. The primary tasks that need to be solved for the preservation and accumulation of the intellectual component of the Belarusian society are outlined.

Key words: knowledge; intellectual capital; higher qualification staff; staff reproduction; postgraduate school; doctorate; scientific research.

Tabl. 3. Fig. 3. Ref.: 7 titles.

Введение. Становление в Республике Беларусь постиндустриального, инновационного общества, в котором знания выступают одновременно катализатором и важнейшим ресурсом развития, обеспечивается хорошо отлаженным механизмом их воспроизводства. Воспроизводство знаний, интеллектуального капитала требует повышенного внимания в современных условиях, причем особую роль в данном процессе играют научные кадры высшей квалификации, продуцирующие и генерирующие знания.

Материалы и методы исследования. Отечественная и зарубежная теория и практика располагают различными подходами к определению роли интеллектуального капитала в экономическом развитии. В трудах зарубежных и белорусских ученых Р. Алкали, В. А. Супрун, А. В. Билевича, Н. И. Богдан, А. В. Бондаря, А. С. Гринберга, Г. Б. Клейнера, В. Л. Макарова, Б. Мильнера, А. Пороховского интеллектуальный капитал рассматривается в качестве важнейшего ресурса современного общества, дан анализ тенденций развития интеллектуального капитала в Республике Беларусь, проблем развития белорусской экономики в условиях становления постиндустриального общества и роли воспроизводства кадров высшей квалификации в этом процессе. Однако научные проблемы воспроизводства научных кадров высшей ква-

лификации как основного фактора накопления интеллектуального капитала на макроуровне в исследованиях должного отражения не нашли.

В данной статье используются общенаучные методы исследования. Информационной базой послужили научные труды и статьи современных отечественных и зарубежных ученых, материалы государственных статистических органов Республики Беларусь, данные международных организаций.

Результаты исследования и их обсуждение. Первоочередным компонентом эффективного накопления интеллектуального капитала является производство новых знаний, которое осуществляется в рамках белорусской науки, роль и значение которой многократно возрастает в контексте перехода нашей страны на инновационный путь развития. При этом услуги научной сферы, воплощаясь в новых знаниях, в качестве ключевого ресурса собственного развития также используют знания.

В целом по итогам 2020 года в Республике Беларусь функционирует 451 организация (в 2019-м — 460), выполняющая исследования и разработки, в них занято 16 697 исследователей (в 2019-м — 17 863), в том числе 560 (608) имеют степень доктора, 2 760 (в 2019-м — 2 833) — кандидата наук [1].

Продуцирование фундаментального и прикладного научного знания в решающей мере определяется кадровым потенциалом белорусской науки, расширенное воспроизводство которого зависит от деятельности аспирантуры, докторантуры и института соискательства. В данных условиях воспроизводство кадров высшей квалификации становится приоритетным направлением научно-технической политики государства. Наука и научное обслуживание выделяются среди других отраслей экономики за счет исключительно высокого уровня накопленного интеллектуального капитала работников, длительного времени подготовки кадров и сложностью данного процесса.

Не удивительно, что подготовка научных работников требует особого подхода, который не допустит возрастного разрыва научных кадров. На сегодня такая проблема существует.

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, с ученой степенью имеет тенденцию к снижению (рисунок 1).

Рисунок 1. — Численность персонала с ученой степенью, занятого научными исследованиями и разработками в Республике Беларусь, в 2015—2020 годах

Примечание. Составлено автором на основе [1].

В целом количество персонала, занятого исследованиями и разработками, снизилось за 2015—2020 годы на 531 человек, при этом за последние 20 лет потери работников, занимающихся исследованиями, составили 7 304 человека, из них 259 докторов наук и 1 096 кандидатов наук [1].

Данные тенденции могут продолжиться, поскольку воспроизводству кадров, способных продуцировать знания, препятствует высокая степень диспропорции исследователей в возрастном разрезе (таблица 1).

Так, в настоящее время средний возраст защитивших диссертацию на соискание ученой степени доктора наук по стране составляет 51 год. Соответственно, средний возраст докторов наук, работающих в народном хозяйстве, значительно выше. Постепенно уходит генерация ученых, подготовленных в советский период, наблюдаются определенные проблемы с их замещением. Также стоит отметить, что средний возраст соискателя на получение ученой степени кандидата наук составляет 36 лет, а учитывая, что по самому оптимистичному сценарию ученый выйдет на защиту докторской диссертации через 10—15 лет, то и возрастная структура докторов наук по-прежнему будет сдвинута ближе к пенсионному возрасту.

Как видно из рисунка 2, более 80 % докторов наук из числа исследователей находятся в возрастной категории старше 60 лет. В то же время доля возрастной категории 40—49 лет составляет лишь 4,6 %.

Т а б л и ц а 1. — Количество докторов наук из числа исследователей по возрастным категориям в Республике Беларусь в 2019 году

Показатель	Всего	В том числе по возрастным категориям				
		30—39	40—49	50—59	60—69	70
Количество докторов из числа исследователей, чел.	607	4	28	74	202	299
Процент от общего количества	100,0	0,7	4,6	12,2	33,3	49,3

Примечание. Составлено автором на основе [2, с. 48].

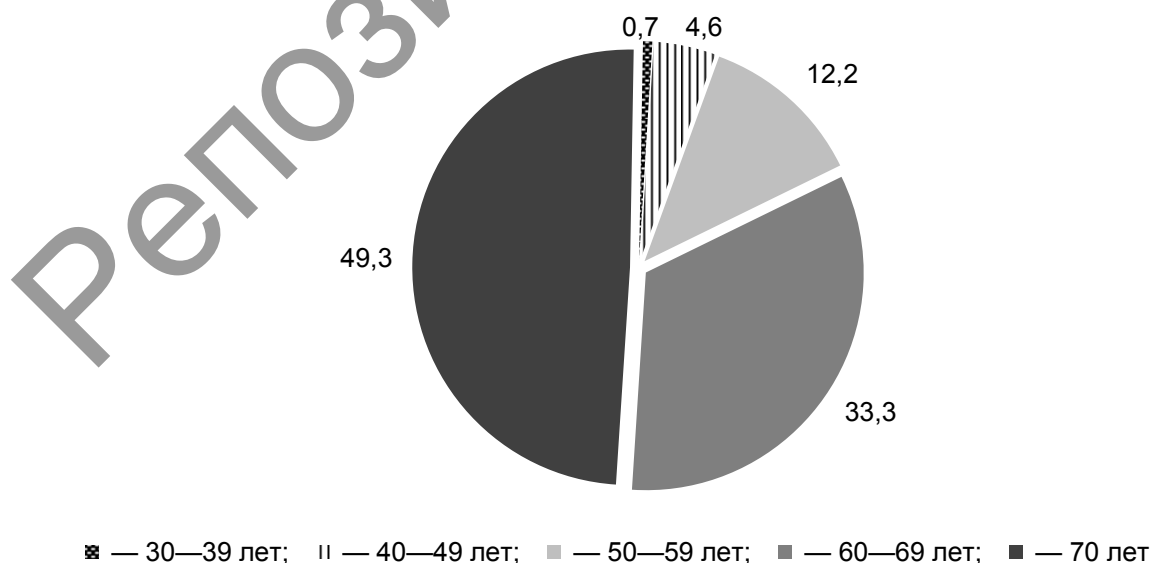

Рисунок 2. — Распределение исследователей со степенью доктора наук по возрастным категориям в 2019 году, %

Примечание. Составлено автором на основе [2, с. 48].

Учитывая, что процент защиты докторских диссертаций в 2019 году составил 14 %, даже если все 2 803 кандидата пойдут в докторантуру, то мы получим порядка 390 докторов через 10—15 лет, распределенных по разным возрастным категориям, что, во-первых, не возместит убыли количества докторов старше 65, а во-вторых, учитывая, что 74 доктора из возрастной категории 50—59 лет перейдут в категорию старше 70, возрастная структура в целом не поменяется.

Подобная ситуация характерна и для профессорско-преподавательского состава.

Как видно из таблицы 2, в 2019/2020 учебном году из 1 308 докторов наук из числа профессорско-преподавательского состава у 55 % возраст превышает 65 лет. Согласно расчетам, при прочих равных условиях через 20 лет только в результате естественной убыли количество докторов наук может сократиться до 1 000 человек. Для сохранения в этот период хотя бы прежнего уровня необходимо обеспечивать как минимум 50 защит в год. На сегодня этот показатель находится в критическом состоянии: с 2006 года ВАК присуждает около 46 докторских степеней в год, тогда как в 2005 году она была получена 116 соискателями.

Далека от оптимальной и возрастная структура исследователей со степенью кандидата наук (рисунок 3).

Т а б л и ц а 2. — Количество докторов наук из числа профессорско-преподавательского состава по возрастным категориям в Республике Беларусь в 2019/2020 учебном году

Показатель	Всего	В том числе по возрастным категориям				
		30—39	40—49	50—59	60—65	Старше 65 лет
Количество докторов из числа профессорско-преподавательского состава, чел.	1 308	6	89	216	282	715
Процент от общего количества	100,0	0,5	6,8	16,5	21,6	54,7

Примечание. Составлено автором на основе [3, с. 144].

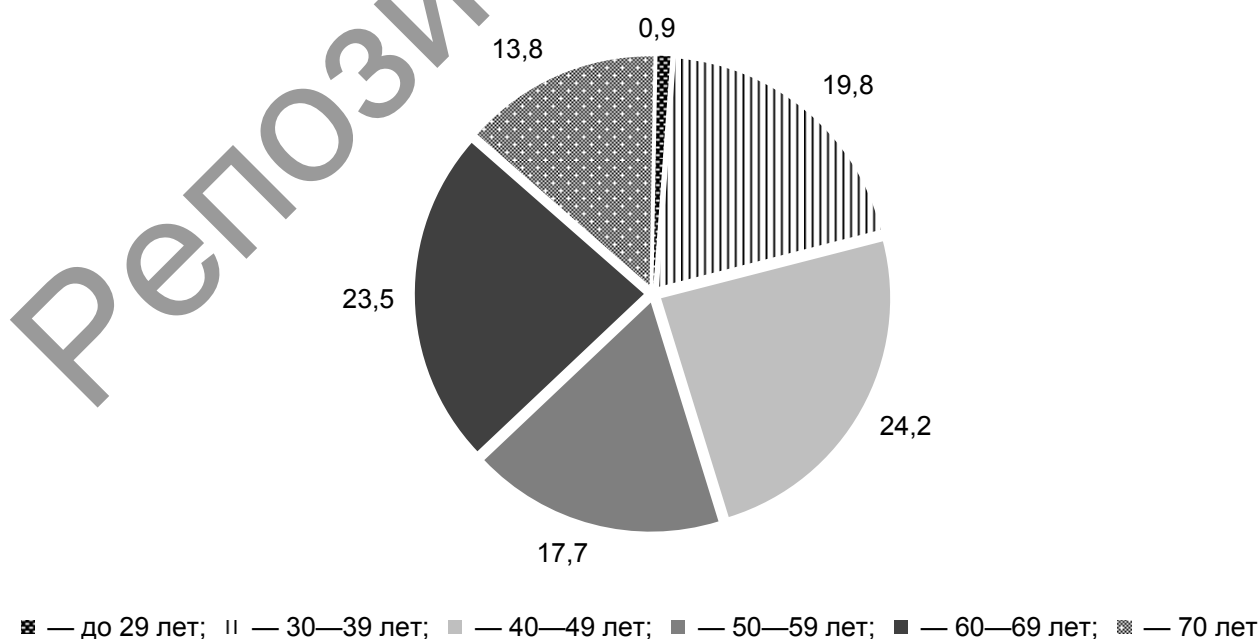

Рисунок 3. — Распределение исследователей со степенью кандидата наук по возрастным категориям в 2019 году, %

Примечание. Составлено автором на основе [2, с. 48].

Согласно рисунку 3, довольно большой процент (23,5) составляют кандидаты наук в возрасте 60—69 лет, доля кандидатов наук до 29 лет — 0,9 (при этом в 2012 году доля кандидатов наук до 29 лет составляла 2,9 %), что связано с низкими показателями выпуска из аспирантуры с защитой диссертации.

При этом в общем количестве исследователей до 50 лет доля докторов наук составляет 5,3 %, а кандидатов наук — 44,9 %.

Постепенно сокращается число исследователей в наиболее продуктивном возрасте — 30—49 лет, чему в немалой степени способствует внутренняя и внешняя миграция ученых, связанная с их относительно более низкой заработной платой по сравнению с другими секторами экономики.

Так, в 2020 году средняя заработная плата работников в сфере профессиональной, научной и технической деятельности составила 1 586,5 р., в то время как по виду экономической деятельности «информация и связь» — 4 006,6 р., «финансовая и страховая деятельность» — 1 901,7 р. [4]. Номинальная заработная плата по виду экономической деятельности «научные исследования и разработки» в мае 2021 года была довольно высокой и составила 1 812,2 р. Однако номинальная начисленная среднемесячная заработная плата не в полной мере отражает дифференциацию доходов и в сфере науки в целом [5, с. 132—133]. Для более объективного отражения ситуации необходимо рассчитать медианную заработную плату по виду деятельности «научные исследования и разработки» и сравнить ее со средней заработной платой за аналогичный период. Медианная заработная плата по виду деятельности «научные исследования и разработки» на май 2021 года равнялась 1 207,1 р., что составляет 66,6 % от средней заработной платы научных работников. Таким образом, половине научных работников в мае 2021 года было начислено меньше 1 207,1 р. [6].

Обозначенным диспропорциям в возрастной структуре научных работников способствуют и демографические факторы.

Негативные демографические тенденции, проявившиеся в падении рождаемости после 1988 года и обусловившие сокращение приема студентов в 2019 году до 60 тыс. против 100,5 тыс. в 2010 году [2, с. 52], предположительно могут сказаться отрицательно также на численности поступающих в аспирантуру в последующем.

Как видно из таблицы 3, на сегодня показатели приема в аспирантуру колеблются в интервалах 1 400—1 600 человек, однако уже можно заметить тенденцию снижения выпуска из аспирантуры с 957 человек в 2015 году до 777 человек в 2019 году [2, с. 59].

Из положительных моментов стоит отметить, что значительно возросла доля выпуска с защитой диссертации — порядка 10 % на протяжении последних лет (в 2012 году — 5 %). Однако с учетом указанных демографических тенденций снижение поступающих в аспирантуру неизбежно, и даже сохранение доли защит на уровне 10 % снизит количество кандидатов наук в абсолютных показателях.

Т а б л и ц а 3. — Показатели деятельности аспирантуры в Республике Беларусь в 2015—2019 годах

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Принято в аспирантуру (адъюнктуру), чел.	1 465	1 519	1 497	1 628	1 477
Выпущено из аспирантуры (адъюнктуры) — всего, чел.	957	828	803	857	777
Из них с защитой диссертации	46	59	73	92	79
Процент выпущенных с защитой диссертации	4,8	7,1	9,1	10,7	10,2

Примечание. Составлено автором на основе [2, с. 59].

И если в деятельности аспирантуры не произойдут кардинальные качественные изменения, оптимизирующие процессы подготовки и защиты диссертаций, то обострится и процесс воспроизводства научных кадров высшей квалификации, а его расширенный тип станет недостижимым. Так, в 2019 году, несмотря на то, что количество выпускников магистратуры увеличилось до 7,5 тыс. человек, прием в аспирантуру снизился до 1 477 [2, с. 59]. Из причин можно предположить низкую стипендию аспиранта по сравнению с альтернативными заработками молодого специалиста в коммерческих структурах наряду с высокой интеллектуальной нагрузкой, а также недостаточно высокий процент защит диссертаций. Так, стипендия аспиранта на август 2021 года составляет 708,84 р., что составляет 48,4 % от средней заработной платы по стране [6].

В данных условиях повышение привлекательности научной деятельности и стимулирование научных кадров приобретает особую актуальность. Процесс подготовки научных кадров достаточно длителен, молодые ученые имеют довольно невысокий статус, а высокая средняя оплата труда достигнута за счет высокого заработка работников со значимыми результатами научной деятельности (кандидаты, доктора наук). И пока специалист достигнет высокой квалификации, в этот период важна поддержка молодого ученого, создание условий для успешного развития его карьеры.

В стратегии «Наука и технологии: 2018—2040» также подчеркивается, что кадровый состав и возрастная структура ученых не являются оптимальными, ставится вопрос об актуальности задач расширенного воспроизводства научно-технического потенциала, прежде всего оптимизации кадрового состава белорусской науки преимущественно на основе притока молодых ученых [7, с. 7].

В данной связи представляется целесообразной государственная поддержка данной категории работников, создание условий для привлечения и закрепления в научной деятельности талантливой молодежи. В целях поддержки молодых исследователей представляется целесообразным принятие следующих мер на законодательном уровне:

1) закрепление в законодательстве статуса «молодой ученый» или «молодой исследователь» для выпускников аспирантуры, аналогичного статусу «молодой специалист», имеющему аналогичные преимущества и льготы, например освобождение от уплаты подоходного налога физических лиц, получающих доходы от сдачи внаем жилых помещений молодым ученым и т. д.;

2) банк данных одаренной и талантливой молодежи дополнить внесением молодых ученых, аспирантов, получающих стипендию Президента Республики Беларусь, либо создать отдельный банк данных молодых ученых и аспирантов. В банке данных регистрируют молодежь до 31 года, а надбавки предусмотрены только лицам, имеющим статус молодого специалиста. Если же они продолжают обучаться в аспирантуре, то уже никаких льгот не имеют, а также надбавок при работе в бюджетных организациях после аспирантуры;

3) активизировать строительство в студенческих городках при университетах жилых домов арендного типа для аренды квартир аспирантам, молодым ученым и их семьям по ценам, ниже рыночных, что будет способствовать решению жилищной проблемы семей молодых ученых, а также обеспечивать дополнительный доход от аренды квартир;

4) утвердить ежегодную премию молодым ученым, в том числе аспирантам, имеющим определенные достижения, вклад в развитие отдельных отраслей наук (или большое количество публикаций, стипендию Президента Республики Беларусь и т. д.), вручение которой организовать на высоком уровне с привлечением средств массовой информации и широкой освещенностью в прессе.

Следует отметить значительную роль в воспроизводстве знаний университетской науки. Образование тесно сопрягается с научной деятельностью, а ведущие университеты являются крупными образовательно-научными центрами, которыми в тесном контакте с институтами Национальной академии наук Беларуси и отраслевыми научно-исследовательскими ин-

ститутами проводятся фундаментальные и прикладные исследования. В связи с этим целесообразно предложить концентрацию государственной поддержки на прорывных направлениях фундаментальной и прикладной науки, базирующихся на общепризнанных достижениях белорусских научных школ под эгидой Национальной академии наук Беларуси и в тесном сотрудничестве с университетами страны, где на сегодня сосредоточено значительное количество докторов и кандидатов наук. Полное и результативное задействование потенциала университетской науки позволит не только линейно наращивать объемы научной продукции, но и реализовать синергетический эффект в важнейших точках роста научного знания.

Важно отметить, что новое знание, созданное в сфере университетской науки, моментально распространяется в рамках преподавательской деятельности и становится индивидуальными знаниями студенческой молодежи.

Заключение. Проведенный анализ динамики воспроизводства научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь свидетельствует о проявлении негативной тенденции убывающего типа, что обусловлено как объективными причинами, вытекающими из депопуляции населения страны и открытости белорусского сообщества, способствующей интеллектуальной миграции в условиях мировой глобализации, так и субъективными причинами, связанными с падением престижа труда ученых, снижением уровня его оплаты и недостаточной социальной поддержкой, особенно молодых ученых. Решение проблемы видится в совершенствовании системы подготовки научных кадров в целях кардинального роста результативности деятельности аспирантуры и докторантуры, в повышении престижа и усилении мотивации научной и научно-педагогической деятельности, в том числе дальнейшего повышения уровня социальной защищенности работников данной сферы.

Список цитируемых источников

1. Основные показатели деятельности организаций, выполняющих исследования и разработки [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/>. — Дата доступа: 01.10.2021.
2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. — 125 с.
3. Труд и занятость в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. — Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. — 316 с.
4. Номинальная начисленная средняя заработная плата работников Республики Беларусь по отдельным видам экономической деятельности в 2020 году [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/stoimost-rabochey-sily/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/nominalnaya-nachislennaya-srednyaya-zarabotnaya-plata-rabotnikov-respubliki-belarus-po-otdelnym-vida/>. — Дата доступа: 01.10.2021.
5. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2017 г. : аналит. докл. / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. — Минск : БелИСА, 2018. — 282 с.
6. Стоимость рабочей силы [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/stoimost-rabochey-sily/>. — Дата доступа: 01.10.2021.
7. Стратегия «Наука и технологии: 2018—2040» [Электронный ресурс] : постановление Президиума Нац. акад. наук Беларуси № 17 от 26.02.2018. — Режим доступа: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. — Дата доступа: 01.10.2021.

Поступила в редакцию 03.06.2021.

УДК 316.42

В. К. Терзиев, доктор военных наук, доктор экономических наук, доктор социальных наук, профессор
Военная академия имени Георгия Раковского, София, Болгария
Университетская Больница имени Канев, Русе, Болгария, vkterziev@gmail.com

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Социальная политика страны представляет собой совокупность конкретных мероприятий, которые направлены на регулирование социальных отношений между различными по своему социальному положению субъектами. Этот подход к пониманию социальной политики называют еще функциональным подходом. По сути, он рассматривает социальную политику как деятельность по регулированию отношений равенства или неравенства в обществе. Он дает возможность искать неравенство в экономических позициях индивидов в отношении права собственности, труда и условий труда, распределения доходов и потребления, социального страхования и здравоохранения и находить источники этих неравенств и их социальную оправданность или неоправданность.

Ключевые слова: социальная политика; социальная работа; социальная эффективность.
Библиогр.: 9 назв.

V. K. Terziev, Doctor of Military Sciences, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Social Sciences, Professor
Military Academy "G. S. Rakovski", Sofia, Bulgaria
University Hospital "Kanef", Rouse, Bulgaria, vkterziev@gmail.com

SOCIAL DEVELOPMENT AND SOCIAL EFFICIENCY STUDY

The social policy of a country is a set of specific measures that are aimed at regulating social relations between subjects that are different in their social status. This approach to understanding social policy is also called the functional approach and, in fact, it considers social policy as an activity to regulate relations of equality or inequality in society. It makes it possible to look for inequality in the economic positions of individuals in relation to property rights, labor and working conditions, distribution of income and consumption, social insurance and health care, and to find the sources of these inequalities and their social justification or unjustification.

Key words: social policy; social work; social efficiency.
Ref.: 9 titles.

Введение. Характерной чертой этой политики является социальная работа (деятельность). Термин «социальная работа» означает и вид профессии, и систему специализированных учреждений, и все более разнообразные практики, которые для того, чтобы быть эффективными, должны использовать интегрированные знания фундаментальных наук о человеке и общественных группах, а также обществе в целом.

В мировой практике социальная работа рассматривается как чрезвычайно важная и престижная вспомогательная профессия. Западные исследователи определяют ее как профессию XXI века, именно социальную работу определяют как наиболее распространенную междисциплинарную профессию XXI века. О ее развитии можно судить из взаимодействия нескольких процессов — ее институционализации, идентификации и интернационализации на фоне европейской интеграции и глобализации.

В Болгарии понятие социальной работы объединяет в себе нескольких моментов: она является интегративной деятельностью, отдельной наукой и практикой, вспомогательной профессией, занимает свою собственную конкретную область деятельности, содержит «формы

социальной интервенции», направленной на индивида, семью, группу или сообщество в целях воспитания и перевоспитания, социализации и неприкосновенности, интеграции и реинтеграции, адаптации и реадаптации. Она рассматривается как целостная интегральная система. Ее основная цель связана с профилактикой, решением социальных проблем и преодолением рисков в отношении личности.

Материалы и методы исследования. В статье использованы теоретические и практические материалы научных исследований зарубежных ученых на основе международных наукометрических баз данных. Основными проблемами социальной работы с точки зрения деятельности общества, государственной деятельности, как неотъемлемой части социальной, институциональной и политической жизни, являются: несвоевременное и неправильное оказание помощи или услуг нуждающимся лицам, семьям, домохозяйствам, социальным группам; несоответствие с европейскими стандартами и критериями при осуществлении социальной работы, учитывая наши национальные традиции и опыт; отсутствие координации и согласованности социальной работы по видам, формам, иерархическим уровням; отсутствие взаимодействия (общения, диалога) между социальными работниками и клиентами (группами) в отношении гуманизма, демократичности и соблюдения этики; отсутствие профессиональной квалификации (знаний, навыков, опыта) социальных работников и лиц по оказанию помощи нуждающимся. В общих чертах конкретные индикаторы могут быть определены по-разному и в различном порядке, но во всех случаях их объединяет социальная эффективность процесса.

Исследование социальной эффективности процесса социальной работы является довольно сложной, а в некоторых случаях почти неисполнимой задачей.

Говоря об эффективности как о ключевом понятии в любой общественно-экономической деятельности, традиционно акцент ставится на экономическую эффективность, которая проявляется в зависимости «затраты — эффекты (выгоды)». И так как любая общественная деятельность осуществляется путем использования все более ограниченных ресурсов, подход к ней должен быть как к экономической деятельности, тем более что экономической деятельностью считается «любая целенаправленная деятельность, при которой ограниченные ресурсы распределяются и комбинируются в различных вариантах, причем при этом возможна максимизация эффекта или минимизация затрат» [1]. На передний план выходит соотношение затрат и выгод от данного ресурса или сочетания данных ресурсов для достижения определенной, заранее фиксированной цели и на этой основе постижение рационализации управленческих решений. В этом смысле зависимость «затраты—выгоды» может быть использована как «способ планирования, как инструмент для принятия решений и как среда для исторического документирования принятых решений» [2].

Этот фундаментальный принцип, характеризующий экономическую эффективность, представляет собой одну сторону процесса изучения эффективности деятельности. Но любая деятельность по своей природе является социальной и обуславливает необходимость измеримости социальных эффектов. В связи с этим в последние годы все больше и больше обсуждается понятие социальной эффективности. В отличие от экономической, социальная эффективность не имеет настолько прямого характера, относится к более сложной категории и трудно поддается одномерному выражению [3].

Результаты исследования и их обсуждение. Продолжительное время сама постановка проблемы социальной эффективности рассматривается в социологии и в экономике как дискуссионная. До сих пор не найдено однозначного и общепринятого определения понятия «социальная эффективность». Существует достаточно много разработок монографического характера, авторы которых пытаются исследовать социальную эффективность различных видов деятельности, в том числе и управленческой. Прежде всего большинство авторов разрабатывают понятие социальной эффективности, определяют критерии и методы ее оценки в зависимости от целей общественного производства.

В качестве классического труда по проблемам социальной эффективности можно считать монографию болгарского ученого М. Маркова. По его словам, эффективным является то, что приводит к результату, эффекту (лат. effectus действие, исполнение; afficio действую, исполняю). Эффективный — значит деятельный [4].

Популярной моделью для оценки эффективности является зависимость «ресурсы—затраты—результат», характерной особенностью которой является выделение роли ресурсной обеспеченности и затрат для повышения эффективности управленческой деятельности.

В модели эффективной организации Р. Лайкерта определяются следующие три группы факторов [5—7]:

- внутриорганизационные, включающие в свой состав формальную структуру организации, экономическую структуру и социальную политику, профессионально-квалификационный состав персонала;

- промежуточные переменные, к которым относятся человеческие ресурсы, организационный климат, методы принятия решений, уровень доверия к руководству, средства стимулирования и мотивации к деятельности;

- результатные переменные, такие как рост или падение производительности труда и доходов, степень удовлетворения спроса потребителей и т. д.

При таком подходе эффективность создается в результате сложного взаимодействия различных факторов, среди которых доминирующее положение занимает человеческий фактор и социально-экологические факторы.

Внимания заслуживает и подход, согласно которому эффективность оценивается по степени защищенности сбалансированных интересов государства и общества. Работу государственного аппарата можно признать эффективной только в том случае, если она успешно решает проблему оптимальной защиты интересов населения, социальных групп и каждого человека. В этой двуединой задаче самой важной стороной является понятие эффективности государственного аппарата. В соответствии с данным подходом эффективность выражается в расширении возможностей активной гражданской жизни каждого человека, всего общества и эффективности государства. Она определяется хорошо функционирующей системой деятельности государственных органов, их способностью законным путем осуществлять государственные интересы, реализовать государственную политику социального и общественного развития.

Другая точка зрения связывает эффективность государственной деятельности с наличием или отсутствием оптимальной парадигмы административно-политического управления. Речь идет о противопоставлении традиционной технократической парадигмы политического управления новой — партисипативной.

Как правило, авторы непосредственно связывают эффективность государственной деятельности с наличием в ней элементов бюрократии, фактически служащей обществу [5—7]. А это бюрократия, которая находится под реальным контролем общества, выражает интересы общественного прогресса, является минимальной по количественным и качественным параметрам.

Это утверждение основано на внутреннем противоречии бюрократии широким общественным целям, ради которых она создается, и ее тесно корпоративных интересов, имеющих тенденцию к доминированию.

По мнению некоторых авторов, критерии эффективности социального управления заключаются в следующем:

- степени соответствия направления, содержания и результатов от деятельности управленческих структур и тех ее параметров, которые определяются функциями и статусом;

- законности решений и действий, соответствующих управленческим структурам и пользователям (реципиентам, бенефициарам);

- реальности влияния управленческой деятельности на состояние и развитие объектов управления;

- глубине учета и выражения управленческих решений и их влияния на конкретные и комплексные потребности, интересы и цели людей;

- характере и объеме прямых и «обратных» связей с бенефициарами, иначе говоря, в демократизме деятельности;
- степени авторитетности решений и действий управленческих структур;
- правдивости и целесообразности информации, передаваемой управленческим структурам и бенефициарам;
- влиянии управленческой деятельности в отношении внешней среды.

Любое действие, любое социальное явление или качество, в том числе и социальная эффективность, характеризуется количественной и качественной сторонами. И хотя эти две стороны объекта существуют неразрывно в единстве и взаимосвязи, тем не менее это разные характеристики окружающей нас социальной действительности. В научной литературе принято качественную сторону полученного результата (эффекта) обозначать термином «критерий», а количественную — термином «показатель эффективности».

В других исследованиях предлагается немного другая трактовка термина «критерий социальной эффективности», где он рассматривается с точки зрения взаимосвязи между количественной и качественной определенностью изучаемого и оцениваемого объекта. С количественной стороны критерий выступает как способ, инструмент, эталонная мера для движения к желаемому результату, а с качественной — как возможность для выделения «положительных сторон, формы движения в пространстве и времени».

Независимо от всех различий в понимании термина «критерий» в обозначенных подходах наблюдается смысловое единство. Кроме того, их синтез дает новое, более глубокое понимание социальной природы социальной эффективности.

Таким образом, показатель эффективности (количественный критерий) фиксирует объективированную и интегральную, главным образом количественно выраженную (например, с точки зрения натурального объема социальных благ и временного интервала их обеспечения) оценку постижений социальной системы любого ранга.

Критерий эффективности (качественный критерий) в большей степени ориентирован на исследование внутренних механизмов для достижения данного результата, включая степень ограниченности и так называемую активизацию человеческого фактора, как условие саморазвития, эффективной деятельности, социальной цены достижений, степени ограниченности и т. д.

Это различие является очень важным для разработки системы оценки социальной деятельности.

Независимо от того, в какой степени выражается эффективность функционирующей и развивающейся социальной системы, она всегда является результатом действия всех факторов, влияющих на систему в их совокупности, являющейся интегративной результативностью. При этом важно подчеркнуть, что независимо от того, насколько экстраординарной и эффективной будет деятельность отдельных факторов в социальной системе, ее высокая эффективность может быть обеспечена только соответствующим качеством системного социального взаимодействия. Это проявляется как ее неотъемлемое органическое свойство, служит как общий алгоритм и универсальный мотивационный механизм деятельности в отношении всех факторов в данной системе.

Зависимость между экономической и социальной эффективностью является сложной. В основе роста экономической эффективности, как правило, заложен следующий методический принцип, согласно которому реализация социальной программы сама по себе должна стать катализатором для эффективного экономического развития.

Средства, потраченные обществом для удовлетворения социальных потребностей, в конце возвращаются в виде повышения социальной и трудовой активности. В этой системе реализация социального управления является в конечном итоге одним из подчиненных факторов для достижения экономической эффективности.

Опыт аналогичным образом рассматривать воздействие экономического фактора для достижения интегральной социальной эффективности неизбежно страдает от упрощенного подхода. Уже признано совершенно очевидным то, что при определенной сущности социальной эффективности классический критерий (соотношение «затраты—прибыль») является

явно недостаточным. Необходим другой подход, с помощью которого можно было бы оценить действенность тех или иных социальных действий. Степень достижения социальной эффективности определяется с позиции движения к общественно значимой стратегической цели, которая по содержанию раскрывается как состояние максимально полной удовлетворенности потребностей человека и самореализации его сущностных сил, иначе говоря, его личности. Благо человека, как высшая ценность общества, становится самоцелью общественного развития. Отсюда и проектная цель любого развития, как правило, исходит как требование к определению полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества, реализацией которого является, прежде всего, создание достойных для человека условий жизни и творчества.

При этом необходимо сделать ряд важных методологических уточнений. Представление о социальной эффективности, как результативности, оцениваться с позиции приближения к общественно значимой цели, обязательно должно быть соизмерено с изменениями, соответствующими общей линии прогрессивного развития социальной системы, т. е. с ее постепенным переходом от менее к более совершенному существованию.

Необходимо отметить, что прежде, чем сравнить каждый достигнутый социальный результат с затратами, необходимо уточнить значимость самого факта достижения этого результата, прежде всего с точки зрения его соответствия с целями общественного развития. Важно также учитывать период времени, необходимый для достижения поставленной цели.

Рассмотрение проблемы социальной эффективности в зависимости от представлений общественного развития и его идеала порождает дополнительные трудности. В тех случаях, когда количественное измерение социального эффекта является трудным, в качестве единственного надежного критерия для его оценки может служить только степень приближения к цели, к реализации этих ценностей, которые она предусматривает.

В ряде разработок рассматривается преимущественно содержательная сторона понятий «социальный эффект» и «социальная эффективность». Как правило, авторы публикаций соглашались с тем, что социальный эффект представляет собой определенный социальный результат, целеполагающую деятельность, проведенную в жизнь, исходя от экономических решений.

При этом в одних случаях он означает «что-то такое, что связано с развитием человека», что «формирует новые черты образа жизни и деятельности, как индивидуальной, так и коллективной, свидетельствует о повышении социальной активности, оказывает помощь для полного развития личности и формирования нового типа работника»; в другом случае рассматривается как «результат, отвечающий целям общественного развития»; в третьем — как «степень повышения социально-психологического или санитарно-гигиенического комфорта человека». В последних случаях фактически имеется в виду не социальный результат как таковой, а эффективность, т. е. соотношение между результатом и целью, исходное и последующее состояние социальной комфортабельности [5—7].

Предложенные определения позволяют понять сущность различий между понятиями «социальный эффект» и «социальная эффективность». В первом понятии отражена констатация достижения определенных количественно или качественно измеримых результатов социальной деятельности с самостоятельным значением. Во втором понятии есть ссылки на эти результаты с указанием меры или степени реализации нормативно поставленной цели или идеала общественного развития. Эта мера для оценки социального эффекта, в свою очередь, служит важным показателем этой качественной стороны социальной деятельности, интегрированной в ее системную организацию, благодаря чему достигается социальная эффективность. Эту присущую социальной деятельности эффективность, конститутивную качественную характеристику можно определить как принцип социальной эффективности. Он непосредственно связан с критериями социальной эффективности, как конкретными качественными признаками и определениями значений, на основе которых, как своеобразных «нулевых точек отчетности», социальная деятельность оценивается как эффективная или неэф-

фективная. Рассматривая признаки, отличающие социальную эффективность от результата, его сравнивают или с целями, или с потребностями. Следует отметить, что «наиболее эффективной, при прочих равных условиях, оказывается деятельность, в которой цель в максимальной степени отражает человеческие потребности». Вместе с тем вопрос о конкретных социальных результатах (эффектах) от ее управленческого воздействия не ставится, хотя он является в данном контексте очень важным. Дело в том, что рассмотрение вопроса об оценке социальной эффективности и само содержание этого понятия являются неотъемлемой частью конкретного анализа как в отношении нормативных или идеологических целей общественного развития, так и в отношении потребностей (ожиданий, интересов, идеалов) различных социальных субъектов.

Следовательно, социальную эффективность нельзя рассматривать в области категорий абстрактного социального блага или только как движение социальной системы к какой-то предельно генерализированной цели общественного развития.

Очевидно, рассматриваемые выше сравнения эффективной социальной деятельности с целями общественного прогресса определяют один из важных моментов социальных связей и взаимозависимостей между общесистемными, социально-групповыми и индивидуально-личностными измерениями социальной активности, совокупным и, как правило, продолжительным характером ее проявления.

Некоторые авторы связывают социальную эффективность экономики с проблемой эффективности. В экономике и социологии дискуссионным является даже вопрос о правомерности такого понятия, как «социальная эффективность» (в отличие от более или менее ясного экономического максимума продукции при минимальных затратах).

Те ученые, которые считают это понятие правомерным, пытаются дать ему более конкретное определение. В частности, критерием социальной эффективности является степень решения назревших социальных проблем в минимальные сроки и с минимальными затратами для общества. Указанное определение носит дискуссионный характер, потому что разработка критерия оптимальности в социальной сфере значительно бы продвинула вперед и понимание критериев социальной эффективности, какой является и окончательная формулировка для получения этого понятия [8; 9].

Постановка вопроса об оптимальности социальной деятельности как интегрального критерия ее эффективности является перспективной именно из-за сложности каждого социального объекта, его зависимости от множества переменных, а также наличия многовекторных внутрисистемных противоречий.

Следует принять во внимание тот факт, что оптимизацией в математической теории оптимальных процессов называется процесс выбора наилучшего варианта из всех возможных вариантов, приведение системы, объекта в наилучшее из возможных (оптимальное) состояний, процесс, в котором сводится к максимуму количественная характеристика наиболее желательного свойства объекта и, наоборот, сводится к минимуму нежелательное свойство.

Вопрос о критериях оптимальности (оптимума) является важным теоретическим результатом оптимизации национальной экономики. В общем виде критерии оптимальности в экономике определяются как особые экономические и математические модели, выражающие общественные настроения. Иначе говоря, они представляют собой разновидность формализации целей экономического развития в виде аналитической и в этом смысле априорно указанной функции.

Дискуссионной является и проблема соотношения оптимальности и эффективности. Одна группа экономистов на самом деле их отождествляет, а другие пытаются разделить эти понятия. Здесь необходима целенаправленная научно-исследовательская работа. Пока ясно одно: между критериями оптимальности и эффективности безоговорочно существует самая тесная связь, при этом теоретическая отчетливость в данном отношении позволяет достичь значительных успехов в объективной оценке последствий реализации планов, программ, про-

ектов и решений. Очевидно, что, например, социальная эффективность может рассматриваться узко прагматически, как самый лучший результат решения актуальной социальной проблемы. В рамках широкого социального подхода учитываются стратегические и долгосрочные последствия, принимаемые меры.

Между этими подходами могут возникнуть определенные споры и разногласия. В этих условиях задача для достижения совокупной социальной эффективности должна формулироваться преимущественно как задача по оптимизации социально-управленческой деятельности.

Социальная и экономическая эффективность имеет двойное выражение. В отношении каждого носителя определенного вида труда она относится как часть общего, непосредственно общественного труда. В отношении продукта любого труда она проявляется как качество или свойство, способное удовлетворить растущие потребности.

Экономическая эффективность относит свои критерии для оценки результатов труда к решению вопроса о том, сколько нам будет стоить достижение полученного эффекта социальной активности, кому и как служит этот эффект. Исходя из этого, можно предположить, что в отличие от критерия экономической эффективности, критерий, удостоверяющий социальную эффективность, не осмысливается только в рамках данной «закрытой» системы социального действия, поскольку имеется указанный внешним образом нормативно-идеальный характер. Это значительно усложняет оценку социальной эффективности каждого института управления, соответственно, заставляет держать под вниманием в своем поле «внутренней среды» его деятельность, благодаря чему результативность может правильно оцениваться и измеряться. При этом измерение проводится исключительно в отношении качества данной социально-управленческой системы и «внешней среды», которая не находится в сфере ее контроля. Тем не менее это задача из области нормативных целей, из которых выводится интегральная оценка социальной эффективности.

Было бы целесообразно выделить различия и взаимосвязь между категориями «эффективность» и «качество». Критерием эффективности является соотношение «затраты—результат», а критерием качества — соотношение эффекта и целей, целей и средств их достижения. Выражением принципа эффективности является: меньше затрат — больше результата. Проявлением принципа качества является самая высокая степень достижения цели при рациональном и оптимальном использовании имеющихся средств. Очевидно, что при таком рассмотрении принципа социальной эффективности последняя принимается из позиций качества социальной деятельности, а не как соотношение «затраты—эффекты».

С точки зрения пространственных масштабов воздействия оцениваются последствия для страны, региона, области, муниципалитета, территориальной единицы — население объекта воздействия или конкретная целевая группа бенефициаров.

Под социальным влиянием в узком смысле слова понимают влияние на занятость, создание новых рабочих мест, на образование и обучение, самообразование, на здоровье и качество жизни, на общение в социальных группах и между ними, на социальную сплоченность и социальную сегрегацию в рамках локальной территориальной общности.

В этом случае задача состоит в том, чтобы ответить на вопросы, кто выигрывает и проигрывает, если предполагаемое действие состоится, то в чем выражаются и как распределяются социальные затраты и выгоды.

Чтобы оценить социальный эффект от принятия управленческих решений, необходимо иметь критерии, которые позволят нам причислить социальные последствия к благам или затратам. Другими словами, предполагается наличие определенных эталонов и ценностных ориентиров.

Процедура заканчивается определением того, что некоторые авторы называют «целевой» и «потребительской» эффективностью, т. е. эффективность в смысле нормативного идеального измерения.

Указанный опыт позволяет понять ряд простых истин, без учета которых невозможно приступить к созданию социально значимых программ и проектов:

- прежде чем приступить к реализации любого управленческого решения, необходимо оценить его социальный смысл, а значит, и его целесообразность;

- в какой степени универсальные критерии социальной эффективности не существуют, каждое конкретное управленческое решение должно сопровождаться обоснованием ожидаемого социального эффекта и формулировкой критериев его оценки;

- интерпретация социального эффекта зависит от масштаба управленческого решения, от уровня рассмотрения субъектом, испытывающим воздействие на инновации, от мотивов и поставленных целей, а также от временного интервала, в течение которого ожидается получение результата;

- важно уметь отличать социальный эффект в широком и узком смыслах слова, учитывая, что между ними существует зависимость. Обоснование управленческих решений повышается, если описание социального эффекта носит комплексный характер и включает в себя экономические, социальные, психологические, социально-культурные и другие значимые последствия;

- оценивая предполагаемый социальный эффект, нужно ориентироваться на относительно определенные ценностные эталоны, что позволяет судить о социальной «ценности» эффекта, социальной «преемственности решений». Такая оценка возможна только в случае сравнения социального эффекта от ожидаемого из нескольких альтернативных решений.

Проблема социальной эффективности управления активно начала исследоваться в конце 60-х и в начале 70-х годов прошлого века. До того этот вопрос связывался с развитием теории социального управления, которая относит его не только к экономическим, но и к социальным эффектам управленческой деятельности. Вопрос об эффективности системы управления, как эффективности деятельности субъекта управления или управляющей подсистемы, должен фокусироваться на вопросы о том, каков вклад системы управления в решение тех или иных социально значимых задач, каково ее участие в достижении целей, стоящих перед конкретной организацией.

Первичным критерием является степень влияния на управляемую подсистему. Но так как система управления является относительно самостоятельной и функционирует как целостный комплекс, можно и нужно определить еще одну группу критериев. Она формулируется на базе первичного критерия и дает ответ на вопросы, связанные с внутренним состоянием системы управления, с ее способностью действовать с возрастающей степенью эффективности.

Наряду с оценкой эффективности системы управления в общем аспекте можно и необходимо определить эффективность основных компонентов управления — функции, функциональные структуры, технологии.

Эффективность можно рассматривать не только как явление экономической сферы, более того, она является относительно самостоятельным социальным феноменом. В ее основе лежит рассмотрение многостепенной структуры элементов, ценностных критериев и показателей. В них фиксируется результативность социальных программ и мероприятий, деятельность различных групп населения, социальные последствия от реализации экономических, научных и технических проектов. Показатели социальной эффективности рассматриваются как инструменты для оценки реализации интересов и потребностей общества, государства, коллектива и личности.

Эффективность, как социальный феномен, представляется в виде качественно-количественной характеристики максимального развития человеческих ресурсов, формы социальной жизнедеятельности и управления обществом с учетом минимальных социальных, политических, экономических и нравственных затрат. Этот подход позволяет рассматривать социальную эффективность как универсальный подход для выражения степени результативности позитивного и негативного функционирования и развития социальных институтов и процессов. При этом широко известный принцип социальной эффективности выходит за рамки данного соотношения, так как он учитывает и объединяет еще несколько наиболее важных

аспектов эффективности социальной деятельности. Речь идет об ориентации социальной эффективности на достижение общественно значимых, законодательно направленных целей развития объекта социального управления, об оценке последовательности и реальной степени приближения к желанным общественным интересам в порядке «саморазвития» системы, об ориентации на качество управленческой деятельности. Эти аспекты измерения социальной эффективности должны закономерно находить отражение в построении общей модели или принципов социальной эффективности.

Заключение. Анализ проблемы социальной эффективности показывает, что в процессе появления и развития данной науки эта проблема закономерно получает должное внимание в контексте различных систем управления. В частности, следует подчеркнуть важность этого контекста по отношению к системе государственного и местного управления социальных сфер общества. Публичный характер этих систем подразумевает их ограничение в своей деятельности в смысле социального эффекта и детерминирующего его качества, социальной эффективности в широком диапазоне социальных потребностей и целей. Из-за этого социальная эффективность государственной системы управления объективно требует применения полимодального, многопараметрического подхода к ее измерению. Существенной является и связь целого комплекса социально-эффективного государственного управления с социальной безопасностью страны в целом, а также с каждым регионом и территорией в их самостоятельности.

При определении комплексной оценки эффективности социальных программ (деятельности) целесообразно отметить следующее:

– оценка эффективности социальных программ должна рассматриваться в смысле качественных и количественных показателей: количественный показатель выражается в натуральном объеме социальных благ, а также как материальные затраты для их получения, а качественный показатель или критерий отражает внутренние механизмы достижения данного результата, качество организационной и управленческой системы, системных норм и ценностей, норм права, на основе которого деятельность в данной социальной системе считается эффективной или нет;

– при оценке программ необходимо учитывать их экономическую и социальную эффективность. Экономическая эффективность выражается в том, что реализация социальной программы сама по себе должна стать катализатором для эффективного экономического развития. Средства, потраченные обществом для удовлетворения социальных потребностей, в результате должны вернуться в виде повышенной социальной и трудовой активности;

– степень достижения социальной эффективности определяется позицией движения к общественно значимой цели, которая содержательно раскрывается как состояние максимально полной реализации потребностей человека и самореализации его сущностных сил, иначе говоря, его личности, что реализуется, прежде всего, путем создания достойных для человека условий жизни и развития.

В случае сложности или возможности расчета экономической эффективности сложным при оценке является постижение оптимальности социального эффекта.

Из-за сложности при проведении отчетности и оценки стратегических и долгосрочных последствий социальных мероприятий в рамках широкого социального подхода при определении социальной эффективности мы рассматриваем социальную эффективность осуществляемых государством программ в тесно практическом смысле. А это предполагает наиболее высокую результативность при решении конкретной социальной проблемы. Оценка эффективности социальных программ в данном случае сводится к задаче оптимизации социальной управленческой деятельности в процессе решения конкретных социальных программ, используя программный подход. А это больше, чем когда-либо, требует определения критериев эффективности социальных программ и на их основе применения соответствующих оценочных методик.

Список цитируемых источников

1. *Станкевич, В.* Йоханес Гербер один из создателей немецкой микроэкономики вооруженных сил / В. Станкевич. — София : Стопанство, 1998. — 98 с.
2. *Семерджиев, Ц.* Стратегия: среда ресурсов, способности планирования / Ц. Семерджиев. — София, 2007. — 214 с.
3. *Терзиев, В.* Возможности повышения эффективности социальной адаптации военнослужащих, освобожденных от военной службы / В. Терзиев. — Русе : Примакс, 2014. — С. 56—87.
4. *Марков, М.* Технология и эффективность социального управления / М. Марков ; пер. с болг. — М. : Прогресс, 1982. — 272 с.
5. *Тернер, Дж.* Структура социологической теории / Дж. Тернер. — М. : Прогресс, 1985. — 472 с.
6. Теория и методика социальной работы. — М. : Тула, 1996. — 312 с.
7. Теория социального управления. — Киев, 1996.
8. Основы современного социального управления. — М., 1999.
9. Основы современного социального управления: теория и методология. — М., 2000.

Поступила в редакцию 19.10.2021.

Репозиторий БарГУ

УДК 339.138; 519.876.2

А. В. Шах¹, И. В. Колбаско²¹ Учреждение образование «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 281 64 66, shah.al.vas@gmail.com² Учреждение образование «Белорусский государственный экономический университет», пр. Партизанский, 26,
220070 Минск, Республика Беларусь, +375 (33) 639 58 37, blackmonk62@mail.ru

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ОПТИМИЗАЦИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ООО «БИЗНЕС ЭНД РОСТ»)

Статья посвящена роли современных бизнес-процессов в сфере маркетинга, начиная от изучения рынка и определения потребностей покупателей и заканчивая реализацией производимых товаров и услуг. Выполнено проектирование и оптимизация маркетинговой бизнес-модели ООО «Бизнес энд Рост». Для моделирования маркетинговых процессов применена система ELMA BPM, демонстрирующая широкий выбор инструментария, предоставляемого специалисту.

Ключевые слова: маркетинг; бизнес-процесс; ELMA BPM; ООО «Бизнес энд Рост»; оптимизация; архитектура предприятия

Рис. 1. Библиогр.: 11 назв.

A. V. Shakh¹, I. V. Kolbasko²¹ Educational institution "Baranovichi State University", 21 Voikova Str., 225404 Baranovichi,
the Republic of Belarus, +375 (29) 281 64 66, shah.al.vas@gmail.com² Belorussian State Economic University, 26 Partizanski Ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus,
+375 (33) 639 58 37, blackmonk62@mail.ru

DESIGN AND OPTIMIZATION OF THE MARKETING BUSINESS PROCESSES OF THE ORGANIZATION (ON THE EXAMPLE OF BUSINESS & ROST LLC)

The article is devoted to the role of modern business processes in the field of marketing, from studying the market and determining the needs of buyers and ending with the sale of manufactured goods and services. The design and optimization of the marketing business model of Business and Rost LLC was completed. To model marketing processes, the ELMA BPM system was used, demonstrating a wide range of tools provided to a specialist.

Key words: marketing; business process; ELMA BPM; Business & Rost LLC; optimization; enterprise architecture.

Fig. 1. Ref.: 11 titles.

Введение. В настоящее время государственные и негосударственные организации различных типов и форм собственности Республики Беларусь перешли к активной реализации проектов по созданию собственных бизнес-моделей. Эта деятельность не дань новой «технологической» моде. Для этого существуют вполне объяснимые причины, связанные с действием совокупности объективных экономических и организационно-правовых факторов.

Деятельность любой организации состоит не менее чем из нескольких десятков различных бизнес-процессов. Любой бизнес-процесс можно охарактеризовать как завершённую последовательность определенных действий человека (или нескольких человек) в коллективе, направленных на решение заданной задачи.

Следовательно, целью описания каждого бизнес-процесса является анализ и регулирование выполняемых действий человеком в коллективе. Необходимо отметить, что бизнес-процесс всегда происходит с участием человека. Если все действия выполняются автоматизированной системой или программным приложением, это уже не бизнес-, а технологический процесс или спецификация [1].

Ни один бизнес-процесс не может быть идеальным и на 100 % отвечать действительности. Всегда существует вероятность, что при наличии даже самого жесткого регламента, свои коррективы внесет человеческий фактор [2].

Цель исследования — изучение методики проектирования и оптимизации бизнес-процессов ООО «Бизнес энд Рост», а также рассмотрение и описание применения информационных технологий при составлении бизнес-моделей предприятия.

Материалы и методы исследования. Данные о проектировании и оптимизации маркетинговых бизнес-моделей авторы изучали на примере деятельности ООО «Бизнес энд Рост», а также научные и методические публикации по данной проблематике; при написании статьи использовали общенаучные методы исследования.

Исследование выполнено с опорой на изучение актуальных информационных технологий, что позволило выявить теоретические и практические аспекты применения программной системы ELMA при составлении бизнес-архитектуры организации.

Результаты исследования и их обсуждение. По заказу ООО «Бизнес энд Рост» была выполнена работа по моделированию маркетинговых бизнес-процессов.

С момента регистрации ООО «Бизнес энд Рост» позиционировало себя как рекламно-информационная компания. Основные виды деятельности:

- рекламная, изготовление визиток, информационных материалов о фирмах под заказ;
- написание и сопровождение сайтов организаций, ИП под заказ;
- анализ и оптимизация сайтов;
- SEO, SMM сопровождение сайтов, ведение социальных сетей.

Основные структурные подразделения — колл-центр, управление продаж, группа менеджеров проектов, дирекция.

С июля 2017 года после первой реорганизации ООО «Бизнес энд Рост» позиционирует себя как маркетинговое агентство полного цикла.

Учитывая обострившуюся конкуренцию на рынке основных оказываемых услуг, ООО «Бизнес энд Рост» направил свою деятельность на рынок образовательно-консультационных услуг и программ.

Изменение основной бизнес-модели ООО «Бизнес энд Рост», необходимость разработки документации на грантовые проекты в соответствии с требованием ЕС потребовало коренной реорганизации существующей организационной структуры и системы бизнес-процессов, особенно в сфере маркетинговой деятельности и маркетинговых бизнес-процессов.

С учетом роли и места в деятельности организации была проведена классификация бизнес-процессов на следующие типы:

- основные (ключевые) маркетинговые бизнес-процессы — устойчивые процессы производственно-хозяйственной деятельности ООО «Бизнес энд Рост» которые ориентированы на создание конечного продукта/услуги;
- обеспечивающие маркетинговые бизнес-процессы — процессы, обеспечивающие нормальное выполнение основных процедур и изменяющиеся в зависимости от изменения состава и технологии основных процессов;
- процессы внешнего взаимодействия — процессы взаимодействия с объектами, не входящими в согласованные границы описания предметной области; например, если объектом моделирования является предприятие в целом, то процессом внешнего взаимодействия будет являться процесс предоставления отчетности контрольным органам.

Маркетинговые бизнес-процессы ООО «Бизнес энд Рост» были сгруппированы в следующие категории и группы операций:

1) группа разработка целей и стратегии:

- категория определения маркетинговой бизнес-концепции организации в долгосрочной перспективе;

- категория разработки маркетинговой бизнес-стратегии;
- категория исполнения и измерения стратегических инициатив;
- 2) группа основных маркетинговых бизнес-процессов организации:
 - категория управления программой развития товара/услуги;
 - категория разработки и управления товарами и услугами;
 - категория продвижения на рынке и продажа товаров и услуг;
 - категория предоставления вещественных товаров;
 - категория предоставления услуг;
 - категория управления обслуживанием клиентов;
- 3) группа сервисных маркетинговых бизнес-процессов (внешнего взаимодействия):
 - категория управления информационными технологиями маркетинговой деятельности предприятия;
 - категория разработки и управления взаимоотношениями с ИТ-клиентами;
 - категория разработки и реализации контроля безопасности, приватности и защиты данных;
 - категория управления корпоративной маркетинговой информацией;
 - категория разработки и поддержания маркетинговых ИТ-решений;
 - категория разворачивания маркетинговых ИТ-решений;
 - категория предоставления и поддержки маркетинговых ИТ-сервисов.

Перечисленные маркетинговые бизнес-процессы имеют следующие отличительные черты:

– не образуя добавленной стоимости, они оказывают значительное влияние на деятельность организации, так как определяют направление развития и прогнозируемые экономические результаты (к примеру, за счет оптимизации ценовой политики), а также стратегию развития бизнеса;

– итог завершения маркетингового бизнес-процесса как правило нематериален, это, чаще всего, различная отчетная документация, анализ сильных и слабых сторон конкурентов, воплощение идей по реализации маркетинговых компаний, а также готовый комплект образовательных проектов;

– для большинства маркетинговых бизнес-процессов характерной чертой является взаимодействие двух участников: фирмы и потребителей услуг или товаров, а также их обоюдный взаимообмен материальными ценностями и получение в результате этого удовлетворения от совершенной сделки. При этом главной целью для обеих сторон является удовлетворение определенных нужд последнего. Закономерно, что при этом осуществляется удовлетворение потребностей производителя услуг или товаров в финансовой обеспеченности;

– маркетинговые бизнес-процессы в конечном итоге обязаны быть ориентированы на удовлетворение нужд клиента таких как удовлетворенность качеством продукта или услуги, соразмерность стоимости и получаемого качества, при этом под качеством понимают не только характеристики продукта (функциональность, удобство, безопасность, гарантия производителя), но и вербальное и невербальное взаимодействие с менеджером, а также предпродажное обслуживание;

– в современных реалиях обеспечение эффективности функционирования и реализации маркетинговых бизнес-процессов, начиная от аналитического исследования рынка и заканчивая обеспечением эффективного взаимодействия с клиентами, практически невозможна без современных информационно-коммуникативных средств [4].

Следовательно, одним из значимых этапов при построении модели бизнес-архитектуры организации являлся выбор и обоснование применяемых программных средств.

Для качественного анализа использованной конфигурации средств моделирования необходимо было:

- 1) явно определить все «производственные» постановки задач по бизнес-моделированию;

2) описать под каждую постановку задачи требуемый функционал по моделированию, который должен поддерживаться программной средой;

3) соотнести функционал по моделированию доступных к применению информационных систем (либо модулей инструментальных средств).

Уровень текущей проработки задач по моделированию и оптимизации зависит от следующих факторов:

– пройденными (реализованными) в модели бизнес-архитектуры уровнями детализации бизнес-процессов и их элементов;

– сформулированными целями по дальнейшей детализации моделей бизнес-процессов и их базовых компонент;

– разработанными подходами, включая алгоритмические решения по оценке состояния бизнес-процессов и их модернизации.

В определенной степени можно утверждать, что уровень сложности привлекаемых средств моделирования должен соответствовать уровню зрелости (культуры) предприятия, а именно проработки и формализации текущих проблем бизнес-процессов организации.

В настоящее время для автоматизации проектирования процессов сложился специальный класс программных продуктов. Наиболее известными являются информационные системы ARIS Express (Architecture of Integrated Information Systems), Software Architect, BPWin (AllFusion Process Modeler), хотя на первых этапах составления бизнес-модели в большинстве случаев функциональных возможностей Microsoft Visio бывает достаточно [5].

Как правило, чем шире возможности инструментальной среды, тем выше представляются требования к техническому персоналу и пользователям. Соответственно, более длительными оказываются сроки подготовки. Во многих случаях обеспечение адекватности компетенции персонала организации сложности инструментальной среды моделирования не может быть решено в приемлемые сроки только проведением обучения. Вполне возможно, что может потребоваться более радикальное решение проблемы недостаточного уровня технологической компетенции организации, а именно наем уже подготовленных квалифицированных специалистов.

Для проектирования и оптимизации маркетинговых бизнес-процессов ООО «Бизнес Энд Рост» выбор был сделан в пользу одной из популярных систем моделирования бизнес-процессов на современном рынке — информационной системы ELMA.

Организация бизнес-процессов в системе ELMA организована согласно концепции «от создания модели рабочего процесса к ее улучшению». Система держит под контролем, чтобы бизнес-логика, которая была взята за основу при проектировании бизнес-моделей, сохранялась во время деятельности организации, позволяет оперативно оптимизировать процессы, анализируя данные об эффективности и новых потребностях компании.

Чтобы оптимизировать бизнес-процесс в системе, достаточно внести необходимые корректировки в его модель в имеющемся графическом интерфейсе без необходимости дополнительных затрат и прерывания работы по процессам [6].

При корректировке маркетинговых бизнес-процессов руководитель отдела маркетинга имеет возможность:

– оптимизировать бизнес-процессы и функциональные обязанности в отделах маркетинга и продаж, внедрив результаты проделанной работы в информационную систему;

– провести полную реорганизацию работы по привлечению и работе с клиентами как принципиально новый подход, при котором информационная система является частью общей концепции процессного управления предприятием.

Работа в приложении ELMA BPM начинается с проектирования бизнес-процессов. Это важный этап, от которого зависит, как в итоге будут функционировать процессы, и на сколько они будут отражать действительность организации. Процессное моделирование проводится в программе Дизайнер ELMA, которая входит в пакет системы ELMA [7].

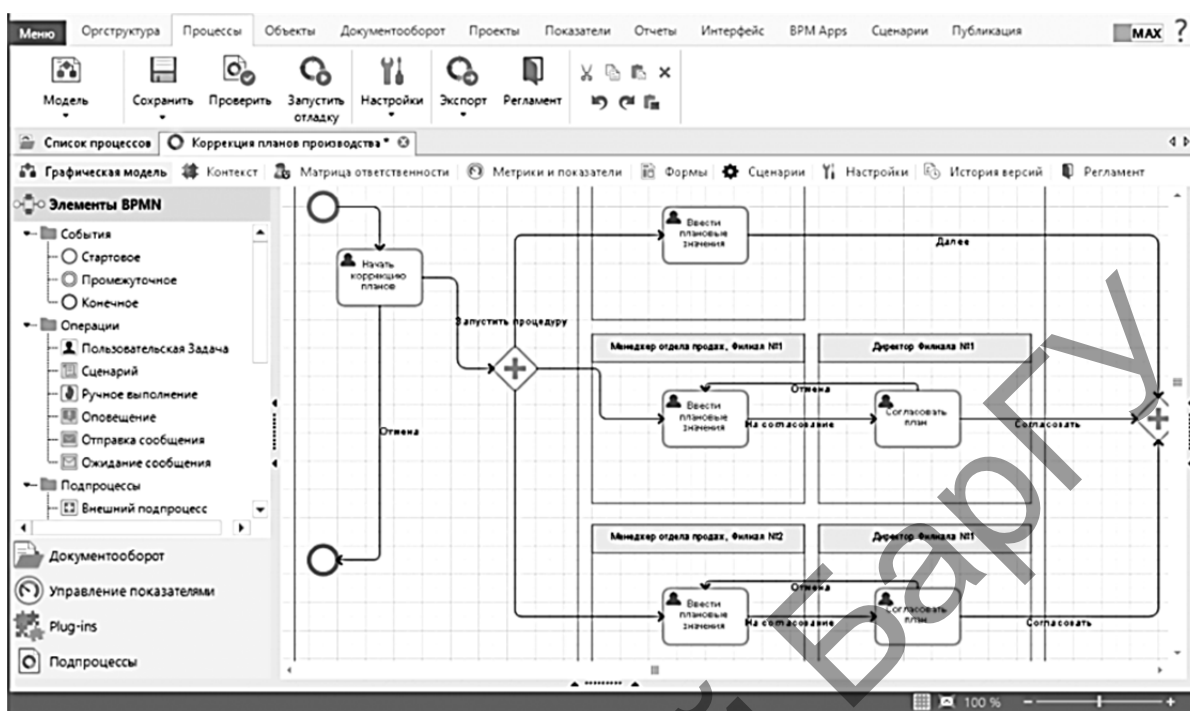

Рисунок 1. — Компьютерное моделирование бизнес-процесса в ELMA [8]

Она имеет ряд функциональных особенностей, которые делают ее удобной в использовании:

- интерфейс программы простой и понятный для пользователя, не требующий длительного изучения;
- проектирование реализации операций бизнес-процесса может производиться без привлечения программиста, а лишь силами аналитика;
- описание операций в программе осуществляется на языке диаграмм BPM, который знаком аналитикам, а кроме того будет понятен руководящему составу компании;
- система позволяет оперативно вносить изменения, подстраиваясь под реалии рынка и преобразования внутри компании.

На рисунке 1 представлен интерфейс системы ELMA.

Моделирование в системе ELMA не является необратимым действием, во время практической работы могут появляться предложения по доработке и усовершенствованию. Система позволяет моделировать и оперативно вносить изменения, которые зачастую благоприятно влияют на работу организации и способны повысить показатели как отдельного сотрудника, так и компании в целом.

Реализация системы предусматривает сохранность всех данных о пользовательских задачах в карточках задач, отдельных страницах в веб-интерфейсе ELMA BPM. Там представлены вся информация для обеспечения принятия решений по тем или иным операциям [9].

Заключение. Разработанная модель бизнес-архитектуры ООО «Бизнес энд Рост» позволила обеспечить организацию универсальным инструментом, который способствует прежде всего осознанию своей собственной структуры и методов организации всех бизнес-процессов. Такая модель позволила сформировать оптимальный план продвижения организации в области образовательного бизнеса и развивающихся ИТ-технологий при создании проекта Школа Бизнеса «Молодой Бизнес-администратор».

Во многом обоснование необходимости разработки модели бизнес-архитектуры связано с пониманием факторов, подталкивающих предприятие к поиску оптимизационных решений

в области организации деятельности. К этим факторам могут быть отнесены макроэкономические тенденции, конкурентная ситуация, изменения в бизнес-стратегиях и т. д. Знание данных факторов и их увязка с возможностями решения проблем в рамках моделирования бизнес-архитектуры крайне важны для поддержки проекта топ-менеджментом организации. При самом общем подходе эффекты от создания модели бизнес-архитектуры нужно позиционировать с повышением уровня общей управляемости предприятия [10].

Применительно к информационной компоненте архитектуры предприятия мировая практика показывает о возможности уменьшения расходов на каждого сотрудника до 30 %, в то же время отсутствие задокументированной ИТ-архитектуры увеличивает дополнительные расходы до 12—18 % по ряду финансовых направлений [3; 11].

Список цитируемых источников

1. *Кинзябулатов, Р. Х.* Моделирование бизнес-процессов. От идеи к результату / Р. Х. Кинзябулатов. — М. : Издат. решения, 2019. — 151 с.
2. Что такое бизнес-процесс и описание бизнес процесса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/trinion/blog/342448/>. — Дата доступа: 10.09.2021.
3. *Всяких, Е. И.* Практика и проблематика моделирования бизнес-процессов / Е. И. Всяких, Е. В. Сидоренко. — М. : Литагент «ДМК», 2010. — 300 с.
4. Реинжиниринг маркетинговых бизнес-процессов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://euroasia-science.ru/ekonomicheskie-nauki/reinjinirovanie-marketingovykh-biznes-p/>. — Дата доступа: 23.12.2020.
5. *Мосьяков, И. В.* Реинжиниринг бизнес-процессов виртуального предприятия / И. В. Мосьяков // *Вопр. инновацион. экономики.* — 2011. — № 2. — С. 36—42.
6. CRM-система ELMA для маркетинга и продаж [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://5areas.by/products/software/elma-crm/>. — Дата доступа: 08.09.2021.
7. *Шах, А. В.* Информационные технологии в управлении маркетинговыми бизнес-процессами / А. В. Шах, О. В. Лапицкая // *Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем : сб. науч. тр. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого, Гомел. обл. орг. о-ва «Знание» ; под ред. В. В. Кириенко.* — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2019. — С. 186—189.
8. ELMA 3.5: узнайте насколько эффективно работает ваш маркетинг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.elma-bpm.ru/journal/index.php?ELEMENT_ID=2866. — Дата доступа: 23.09.2021.
9. Управление бизнес-процессами в BPMS [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.elma-bpm.ru/product/bpm/>. — Дата доступа: 24.09.2021.
10. *Шах, А. В.* Совершенствование маркетинговых бизнес-процессов организации с использованием современных информационных технологий / А. В. Шах, И. В. Колбаско // *Проблемы социально-ориентированного инновационного развития белорусского общества и профсоюзы : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. / Гомел. филиал Междунар. ун-та «МИТСО» ; под общ. ред. С. Д. Колесникова.* — Минск : ДОНАРИТ, 2020. — С. 141—143.
11. *Шах, А. В.* Современные инструменты цифрового маркетинга / А. В. Шах, О. В. Лапицкая // *Исследования и разработки в области машиностроения, энергетики и управления : материалы XX Междунар. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Гомель, 23—24 апр. 2020 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П. О. Сухого ; под общ. ред. А. А. Бойко.* — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2020. — С. 404—407.

Поступила в редакцию 19.10.2021.

УДК 347.61, 347.62

С. М. Ананич, кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4,
220030 Минск, Республика Беларусь, s.ananich@tut.by

**ОБЩАЯ СОВМЕСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА**

В статье рассматриваются отдельные аспекты определения состава общего имущества супругов применительно к таким объектам, как доля в уставном фонде хозяйственного общества, средства семейного капитала и недвижимое имущество, приобретенное с использованием таких средств, жилищные строительные сбережения. По результатам исследования сформулированы рекомендации и предложения по уточнению положений семейного и гражданского законодательства относительно использования судебного порядка признания прав супруга на часть доли в уставном фонде хозяйственного общества и реализации права супруга на вступление в состав участников хозяйственного общества; по корректировке норм об использовании средств семейного капитала путем четкого определения субъектов, которые обладают правом собственности в отношении средств семейного капитала и недвижимого имущества, приобретаемого с использованием таких средств; по дополнению законодательства положениями, согласно которым приобретение жилищных строительных сбережений за счет имущества, принадлежащего супругам на праве общей совместной собственности, влечет отнесение таких жилищных строительных сбережений к общей совместной собственности супругов.

Ключевые слова: общая совместная собственность супругов; доля в уставном фонде хозяйственного общества; недвижимое имущество; общая долевая собственность; семейные отношения.

Библиогр.: 16 назв.

S. M. Ananich, PhD in Law, Associate Professor
Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, the Republic of Belarus, s.ananich@tut.by

**COMMON JOINT PROPERTY OF SPOUSES: TOPICAL ISSUES OF DETERMINING
THE COMPOSITION OF COMMON PROPERTY**

The article examines certain aspects of determining the composition of the common property of spouses in relation to such objects as a share in the statutory fund of a business company, family capital funds and real estate acquired using such funds, housing construction savings. Based on the results of the study, recommendations and proposals were formulated to clarify the provisions of family and civil legislation regarding the use of the judicial procedure for recognizing the rights of a spouse to a part of a share in the statutory fund of a business firm and the implementation of the spouse's right to join the shareholders in a business firm; to adjust the rules on the use of family capital funds by clearly defining the subjects, who have ownership rights in relation to family capital funds and real estate acquired using such funds; to supplement the legislation with provisions according to which the acquisition of housing construction savings at the expense of property belonging to spouses on the basis of common joint ownership entails the classification of such housing construction savings as common joint property of the spouses.

Key words: common joint property of spouses; share in the statutory fund of a business company; real estate; common shared property; family relations.

Ref.: 16 titles.

Введение. Спорные моменты, возникающие при определении состава общей совместной собственности супругов, обусловлены различными обстоятельствами, в том числе отсутствием в семейном и гражданском законодательстве легального определения понятия имущества, дискуссионным характером вопроса относительно возможности включения в состав общего имущества супругов прав требования и обязательств супругов, на что постоянно обращается внимание исследователей [1; 2], отсутствием единого подхода относительно включения отдельных объектов имущества в состав общего имущества супругов.

В белорусской нотариальной практике вопрос наличия или отсутствия права общей совместной собственности супругов представляет наибольшую сложность применительно к таким объектам, как доля в уставном фонде хозяйственного общества и средства семейного капитала. На настоящем этапе развития семейного и гражданского законодательства Республики Беларусь также можно спрогнозировать сложности при определении правового режима такого нового объекта, как жилищные строительные сбережения.

Материалы и методы исследования. Основу исследования отдельных аспектов определения состава общего имущества супругов применительно к таким объектам, как доля в уставном фонде хозяйственного общества, средства семейного капитала и недвижимое имущество, приобретенное с использованием таких средств, жилищные строительные сбережения, составили положения нормативных правовых актов Республики Беларусь, а также доктринальные источники. Автором статьи использованы общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Доли в уставном фонде хозяйственных обществ, приобретенные супругами, характеризуются специфическими особенностями, которые требуют уточнения вопроса о принадлежности супругам прав на данные объекты. Поэтому проблемные аспекты реализации прав супругов в отношении доли в уставном фонде хозяйственного общества неоднократно становились предметом научного обсуждения [3—9]. В данной статье исследование проблемы отнесения к общей совместной собственности супругов доли в уставном фонде хозяйственного общества будет проведено применительно к обществам с ограниченной и обществам с дополнительной ответственностью.

Согласно ч. 2 п. 2 ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), «к юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют обязательственные права, относятся хозяйственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства» [10]. Данная норма исходит из понимания обязательственной природы прав участников юридического лица в отношении их доли в уставном фонде, на основании чего в юридической практике сформировалось неоднозначное толкование положений законодательства об общей совместной собственности супругов в отношении доли в уставном фонде. В частности, обращается внимание на некорректность норм о наличии права собственности супругов на обязательственные права, на этом основании обосновывается невозможность рассмотрения доли в уставном фонде хозяйственного общества в качестве общего имущества супругов. Соответственно, делается вывод о принадлежности доли исключительно тому супругу, который является участником данного хозяйственного общества.

Вместе с тем при определении прав супругов в отношении доли в уставном фонде хозяйственного общества необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, согласно ст. 13 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 года «О хозяйственных обществах», «участниками хозяйственного общества, помимо учредителей, являются также лица, получившие право собственности, право хозяйственного ведения или оперативного управления на долю в уставном фонде (акции) хозяйственного общества» [11]. Статья 259 ГК называется «Общая собственность супругов» и предусматривает специальные положения относительно части доли супруга участника хозяйственного товарищества, общества с ограниченной ответственностью или общества с дополнительной ответственностью в уставном фонде соответствующего товарищества или общества. Указанные положения законода-

тельства фактически констатируют наличие вещного права (права собственности, права хозяйственного ведения или оперативного управления) в отношении доли в уставном фонде юридического лица, на основании чего можно сделать вывод о применении законодателем правового режима вещей в отношении данных объектов. Наделение участника хозяйственного общества обязательственными правами (участвовать в управлении деятельностью хозяйственного общества; получать информацию о его деятельности; принимать участие в распределении прибыли; получать в случае ликвидации хозяйственного общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость) не влечет принципиального изменения в подходах к определению вопросов принадлежности доли в уставном фонде хозяйственного общества. Соответственно, доля может принадлежать как одному из супругов, так и обоим супругам в зависимости от периода ее приобретения и используемых для этого средств. Но особые характеристики доли в уставном фонде как совокупности имущественных и неимущественных прав и обязанностей, которыми обладает участник хозяйственного общества, влияют на способы реализации собственником правомочий по владению, пользованию и распоряжению долей.

Во-вторых, ст. 128 ГК не выделяет долю в уставном фонде юридического лица как особый объект гражданских прав, поэтому можно рассматривать ее как разновидность имущества. Относительно понятия «имущество» в ГК нет не только определения, но и единого подхода к установлению его содержания. Можно выделить три основных подхода к установлению объема понятия «имущество»: имущество как вещи или их совокупность; как вещи и имущественные права; как вещи, имущественные права и обязанности. Соответственно, значение данного понятия устанавливается в зависимости от того, какое содержание вкладывает законодатель в данное понятие с учетом того, о каких имущественных отношениях идет речь.

В-третьих, ст. 24 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [12] (далее — КоБС) называется «Определение долей в общей совместной собственности супругов при разделе имущества». Согласно ч. 4 указанной статьи «при разделе имущества судом учитываются общие долги супругов и права требования, возникшие в интересах семьи». Соответственно, при разделе следует исходить из широкого понимания общего имущества супругов, относя сюда не только вещи, но также имущественные права и обязанности. В этом плане аргументы о некорректности норм о наличии права собственности супругов на обязательственные права и невозможности рассмотрения доли в уставном фонде в качестве общего имущества супругов представляются ошибочными.

В-четвертых, семейное и гражданское законодательство закрепляют презумпцию принадлежности супругам приобретенного в период брака имущества на праве общей совместной собственности при отсутствии иных соглашений между ними: «Имущество, нажитое супругами в период брака, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из супругов внесены денежные средства, является их общей совместной собственностью» (ст. 23 КоБС, ст. 259 ГК). Законодателем не сформулированы специальные положения относительно определения открытого или закрытого перечня объектов, которые могут входить в состав общего имущества супругов. На этом основании традиционно делается вывод, что любые виды имущества, приобретенного супругами в период брака, относятся к их общей совместной собственности при отсутствии иных соглашений между ними, оформленных в установленном законодательством порядке. Исключение предусмотрено в ст. 24 КоБС при определении ситуаций, когда имущество, приобретенное в браке, относится не к общей совместной собственности супругов, а к отдельной собственности одного из них в зависимости от оснований приобретения имущества (по наследству или в дар) и от вида объекта (вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши). Никаких оговорок применительно к такому объекту, как доля в уставном фонде хозяйственного общества, не предусмотрено, соответственно, законодатель не исключил долю в уставном фонде из сферы действия презумпции принадлежности супругам приобретенного в пе-

риод брака имущества на праве общей совместной собственности. Ее опровержение применительно к данному объекту возможно ввиду установления иных обстоятельств (времени приобретения имущества и используемых для этого средств).

Таким образом, несмотря на особые характеристики доли в уставном фонде хозяйственного общества как объекта гражданских прав, в случае приобретения такой доли в период брака одним из супругов за счет общего имущества доля относится к общей совместной собственности супругов.

Далее необходимо обратить внимание на положения п. 3-1 ст. 259 ГК, где закреплены специальные правила относительно доли в уставном фонде общества с ограниченной либо дополнительной ответственностью: «При разделе имущества, находящегося в совместной собственности супругов, супруг участника хозяйственного товарищества, общества с ограниченной ответственностью или общества с дополнительной ответственностью вправе требовать в судебном порядке признания за ним права на причитающуюся ему часть доли его супруга в уставном фонде соответствующего товарищества или общества. В случае признания судом за супругом участника товарищества или общества права на причитающуюся ему часть доли его супруга в уставном фонде соответствующего товарищества или общества с согласия остальных участников этого товарищества или общества он вправе стать его участником либо требовать выплаты стоимости причитающейся ему части доли его супруга в уставном фонде или выдачи в натуре имущества на такую стоимость. При этом отказ во включении в состав участников соответствующего товарищества или общества влечет обязанность этого товарищества или общества выплатить супругу стоимость причитающейся ему части доли его супруга в уставном фонде либо выдать в натуре имущество на такую стоимость».

Согласно указанным положениям гражданского законодательства доля в уставном фонде хозяйственного общества не отнесена к общему имуществу супругов, поскольку право второго супруга на часть доли в уставном фонде должно быть признано судом. Необходимость признания данного права судом, очевидно, не только создает дополнительные сложности для второго супруга в реализации его прав, но и противоречит положениям семейного законодательства об общей совместной собственности. Причем стоит отметить, что в соответствии с положениями ч. 2 ст. 7 КоБС и ч. 5 п. 1 ст. 1 ГК к регулированию семейных отношений предусмотрено субсидиарное применение гражданского законодательства.

По существу, при рассмотрении в суде спора о праве основанием для отказа в признании права супруга на часть доли может быть только внесение вклада в уставный фонд не из общего имущества супругов, а из отдельной собственности супруга, являющегося участником общества. Однако презумпция принадлежности супругам приобретенного в период брака имущества на праве общей совместной собственности (ст. 23 КоБС, п. 1 ст. 259 ГК), которая применяется ко всем остальным видам имущества, также предполагает, что в случае приобретения имущества в период брака не за счет общих средств супругов, а за счет имущества, принадлежащего на праве собственности одному из них, такой супруг вправе требовать в судебном порядке исключения приобретенного имущества из состава общей совместной собственности.

В итоге относительно признания прав супруга на часть доли в уставном фонде с соответствующим требованием должен обратиться в суд супруг, который претендует на признание за собой данного права, в то время как относительно остальных видов имущества в суд должен обратиться супруг, оспаривающий презумпцию принадлежности имущества на праве общей совместной собственности. Результатом данного подхода является ущемление прав супругов участников хозяйственного общества, которые зачастую отказываются применять судебный порядок защиты своего права ввиду сложности получения необходимой для подачи заявления информации от хозяйственного общества, а также длительности и затратности процедуры судебного рассмотрения.

Таким образом, в целях устранения противоречий между положениями ч. 1 ст. 23 КоБС и п. 1 ст. 259 ГК с одной стороны и п. 3-1 ст. 259 ГК с другой стороны необходимо: дополнить ст. 23 КоБС нормой, согласно которой общим имуществом супругов являются, в частности,

приобретенные в период брака доли в уставных фондах хозяйственных обществ и товариществ; исключить из ч. 1 п. 3-1 ст. 259 ГК норму о необходимости признания в судебном порядке за супругом участника хозяйственного общества права на причитающуюся ему часть доли его супруга в уставном фонде соответствующего общества при разделе имущества, находящегося в совместной собственности супругов.

Современное законодательство, устанавливая специальные меры поддержки семьи в виде выплаты средств семейного капитала и применения системы жилищных строительных сбережений, актуализирует вопросы об определении субъектного состава возникающих правоотношений в контексте установления наличия или отсутствия в отношении таких объектов права общей совместной собственности супругов.

Выплата средств семейного капитала предусмотрена Указом Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 года № 572 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей» [13] и Указом Президента Республики Беларусь от 18 сентября 2019 года № 345 «О семейном капитале» [14] (далее — Указ № 345). Положения данных указов определяют, что семьям предоставляется единовременная государственная поддержка в форме безналичных денежных средств; право на предоставление семейного капитала может быть реализовано семьей один раз. Согласно Положению о предоставлении семейного капитала, утвержденному Указом № 345 (далее — Положение о семейном капитале), «средства семейного капитала предоставляются семьям для использования в Республике Беларусь в полном объеме либо по частям в безналичном порядке». При этом установлено, что «средства семейного капитала, в том числе проценты, начисленные банком за период размещения средств семейного капитала в банковские вклады (депозиты) “Семейный капитал” физических лиц, наследованию не подлежат и освобождаются от подоходного налога с физических лиц, на них не может быть обращено взыскание» (п. 1.4 Указа № 345). Из данных положений следует, что средства семейного капитала обладают особенностями, что обусловлено специальным целевым характером их возможного использования.

Особое внимание следует уделить вопросу относительно определения субъекта, который обладает правом на назначение семейного капитала и правом распоряжения средствами семейного капитала.

Право на назначение семейного капитала имеют граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие в Республике Беларусь: мать (мачеха) в полной семье, родитель в неполной семье, усыновитель (удочеритель) при рождении (усыновлении, удочерении) третьего или последующих детей, если с учетом родившегося (усыновленного, удочеренного) ребенка (детей) в семье воспитываются не менее троих детей в возрасте до 18 лет. Если в полной семье мать (мачеха) не имеет права на назначение семейного капитала, такое право имеет отец (отчим) (п. 3 Положения о семейном капитале). Следовательно, право на назначение семейного капитала предоставляется матери, а при определенных обстоятельствах — отцу. И несмотря на то, что положения Указа № 345 определяют в качестве получателя средств семейного капитала семью, право на назначение семейного капитала имеет один из родителей ребенка.

Использование семьей средств семейного капитала допускается как после истечения 18 лет с даты рождения ребенка, в связи с рождением (усыновлением, удочерением) которого семья приобрела право на назначение семейного капитала (ч. 2 п. 1 Положения о семейном капитале), так и досрочно, независимо от времени, прошедшего с даты назначения семейного капитала (ч. 3 п. 1 Положения о семейном капитале). Право на распоряжение средствами семейного капитала (в том числе досрочное) «предоставляется гражданам, относящимся к членам семьи, которые учитываются в составе семьи на дату подачи заявления о распоряжении средствами семейного капитала (в том числе досрочном)» (п. 20 Положения о порядке и условиях назначения, финансирования (перечисления), распоряжения и использования средств семейного капитала, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 февраля 2015 года № 128 [15] (далее — Положение о назначении и использовании

средств семейного капитала). За реализацией права на распоряжение средствами семейного капитала (в том числе досрочное) граждане обращаются в местный исполнительный и распорядительный орган, который принимает соответствующее решение.

Обращают на себя внимание различия, которые установлены законодательством при определении субъекта, обладающего правом распоряжения средствами семейного капитала, в случае его досрочного использования. Если с заявлением о досрочном использовании обращается гражданин, которому назначен семейный капитал, то доли семейного капитала членам семьи не выделяются, а распорядителем всех средств семейного капитала является гражданин, которому назначен семейный капитал (п. 23 Положения о назначении и использовании средств семейного капитала). С таким заявлением может обращаться и иной член семьи в случаях, предусмотренных ч. 2 п. 21 Положения о назначении и использовании средств семейного капитала. В частности, в связи со смертью, признанием безвестно отсутствующим или объявлением умершим гражданина, которому назначен семейный капитал. В этой ситуации выделяются доли семейного капитала всем членам семьи, учтенным в ее составе на дату подачи заявления о досрочном распоряжении средствами семейного капитала, а распорядителями средств семейного капитала являются все члены семьи, указанные в решении о досрочном распоряжении средствами семейного капитала, в пределах выделенной им доли. Причем доли семейного капитала выделяются членам семьи в равных пропорциях с указанием дробной части и не пересматриваются до истечения 18 лет с даты рождения ребенка, в связи с рождением (усыновлением, удочерением) которого семья приобрела право на назначение семейного капитала (п. 24 Положения о назначении и использовании средств семейного капитала).

Указанные различия в зависимости от того, кто из членов семьи обращается за досрочным использованием средств семейного капитала, с учетом общей нормы о том, что средства семейного капитала выделяются семье (п. 1.1 Указа № 345), представляются достаточно спорными. Наличие или отсутствие у члена семьи доли семейного капитала не должно находиться в зависимости от того, кто из членов семьи инициирует применение механизма досрочного использования средств семейного капитала. Это особенно важно в связи с установлением положениями Указа № 345 такого ограничения, как недопустимости наследования средств семейного капитала.

Возможные направления использования средств семейного капитала определены исчерпывающим образом для обоих вариантов использования (после истечения 18 лет с даты рождения ребенка или досрочно). В числе таких направлений указывается возможность использования средств семейного капитала для приобретения или строительства жилых помещений, в связи с чем возникает вопрос о принадлежности таких помещений определенным субъектам и возможности распространения на них режима общей совместной собственности супругов.

Следует отметить, что положения Указа № 345 о предоставлении средств семейного капитала семье вызывают значительное количество вопросов в нотариальной практике при оформлении сделок с недвижимым имуществом. В настоящее время такие сделки активно применяются гражданами в рамках досрочного использования средств семейного капитала.

Во-первых, определяя семью как объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления (ч. 1 ст. 59 КоБС), семейное и гражданское законодательство не устанавливает специальных положений, позволяющих рассматривать семью как самостоятельного субъекта правоотношений. Семья не является субъектом права собственности (ст. 23 ГК), поэтому приобретенное на средства семейного капитала жилое помещение не может принадлежать семье, которой выделялись данные средства.

Во-вторых, при оформлении сделок по приобретению недвижимого имущества, как правило, из представленных сторонами нотариусу документов не усматривается информация об использовании покупателем средств семейного капитала для приобретения данного имущества. В связи с этим возникает вопрос о том, существуют ли такие особенности использования средств семейного капитала, влияющие на дальнейшее распоряжение приобретаемым имуще-

ством, которые требуют выяснения вопроса о наличии или отсутствии средств семейного капитала при уплате покупателем покупной цены в отношении приобретаемого жилого помещения. В настоящее время законодательство о нотариате и нотариальной деятельности не возлагает на нотариуса обязанность выяснения информации об использовании средств семейного капитала при осуществлении расчетов по оформляемой нотариусом сделке.

В-третьих, при совершении сделок с жилым помещением, приобретенным с использованием средств семейного капитала, из норм законодательства невозможно однозначно определить круг субъектов, согласие которых необходимо для распоряжения данным имуществом. Очевидно, что данный вопрос напрямую связан с вопросом об определении субъекта права собственности в отношении данного недвижимого имущества. В зависимости от того, относится имущество к общей совместной собственности супругов, отдельной собственности одного из супругов или общей долевой собственности членов семьи, которые указаны в решении о распоряжении средствами семейного капитала, будет устанавливаться и круг субъектов, чье согласие необходимо для распоряжения данным имуществом.

В итоге следует отметить наличие в нотариальной практике проблемных аспектов применения положений законодательства о распоряжении средствами семейного капитала и недвижимым имуществом, приобретенным за счет данного капитала. Для решения указанных вопросов прежде всего необходимо определить субъекта, в собственность которого поступает приобретенное за счет средств семейного капитала недвижимое имущество. Полагаем, в качестве возможных вариантов закрепления прав на приобретаемое за счет средств семейного капитала жилое помещение можно отметить поступление имущества в общую совместную собственность супругов (или отдельную собственность одного из супругов) либо возникновение права общей долевой собственности всех членов семьи, которые указаны в решении о распоряжении средствами семейного капитала (в том числе досрочном). Соответственно, от решения данного вопроса будет зависеть порядок распоряжения приобретенным жилым помещением. Вместе с тем в законодательстве отсутствуют нормы, позволяющие определить, какой из указанных вариантов должен использоваться для определения прав на приобретенное жилое помещение, кто является собственником данного помещения.

Для устранения указанных вопросов представляется необходимым четко обозначить в законодательстве порядок определения субъектов, которые обладают правом собственности в отношении средств семейного капитала и недвижимого имущества, приобретаемого с использованием данных средств. Наиболее целесообразной представляется позиция, согласно которой на средства семейного капитала возникает общая долевая собственность членов семьи. Соответственно, недвижимое имущество, приобретенное за счет таких средств, также не является общей совместной собственностью супругов, а принадлежит членам семьи, которые учитывались при назначении семейного капитала, на праве общей долевой собственности.

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 26 октября 2020 года № 382 «О государственной системе жилищных строительных сбережений» [16] (далее — Указ № 382), «государственная система жилищных строительных сбережений представляет собой систему финансирования строительства или приобретения жилых помещений (земельных участков), основанную на привлечении денежных средств участников данной системы в банковские вклады (депозиты) с выплатой премии государства и последующим предоставлением таким участникам жилищных кредитов. Жилищные строительные сбережения — денежные средства, накопленные участником государственной системы жилищных строительных сбережений, включающие сумму, внесенную таким участником в банковский вклад (депозит), премию государства, а также проценты, начисленные по банковскому вкладу (депозиту), в том числе на суммы премии государства». Предусмотренная в определении указанных сбережений премия государства начисляется ежемесячно на сумму собственных денежных средств участника в течение срока накопления и представляет собой дополнительные проценты по банковскому вкладу (депозиту). После накопления минимально необходимой суммы жилищ-

ных строительных сбережений, которая должна составлять не менее 30 % от договорной суммы, участник вправе получить жилищный кредит в порядке очередности. Отношения между участником и банком основаны на договоре о жилищных строительных сбережениях, который определяется в Указе № 382 как «договор банковского вклада (депозита) в белорусских рублях, заключаемый между участником государственной системы жилищных строительных сбережений и банком, содержащий в том числе порядок, условия и сроки предоставления жилищного кредита».

Положениями Указа № 382 определена необходимость накопления определенной суммы средств лицом, желающим стать участником системы жилищных строительных сбережений и получить жилищный кредит, однако не уточняются источники формирования этих средств и их влияние на возможность использования определенными субъектами денежных средств, составляющих жилищные строительные сбережения. При этом очевидно, что в целях улучшения жилищных условий семьи накопление минимально необходимой суммы может происходить за счет средств, относящихся к общей совместной собственности супругов.

По смыслу положений семейного законодательства, устанавливающих презумпцию принадлежности супругам приобретенного в период брака имущества на праве общей совместной собственности при отсутствии иных соглашений между ними, при внесении денежных средств из общего имущества супругов в целях накопления минимально необходимой суммы супруги приобретают соответствующие права и в отношении жилищных строительных сбережений. Вместе с тем в нормах Указа № 382 отсутствует механизм реализации прав супруга как участника общей совместной собственности при разделе общего имущества супругов.

Положения Указа № 382 закрепляют особенности реализации прав, вытекающих из договора о жилищных строительных сбережениях, в случае смерти участника. В частности, согласно п. 3 Положения о государственной системе жилищных строительных сбережений, утвержденного Указом № 382, «в случае наследования жилищных строительных сбережений одним лицом при его согласии к нему переходят права и обязанности участника государственной системы жилищных строительных сбережений. При отказе либо наличии нескольких заинтересованных наследников договор о ЖСС прекращается досрочно». Однако положения Указа № 382 не определяют, каким образом переживший супруг, доля которого в общем имуществе должна быть выделена из общей совместной собственности супругов на основании норм ст. 1034 ГК, может использовать в дальнейшем права на получение кредита, вытекающие из договора о жилищных строительных сбережениях. Полагаем, данный вопрос должен быть уточнен в положениях Указа № 382 и актах законодательства, принимаемых в целях принятия мер по реализации данного указа. Также представляется необходимым дополнить ст. 23 КоБС нормой, согласно которой общим имуществом супругов являются, в частности, приобретенные в период брака жилищные строительные сбережения.

Заключение. В целях исключения неоднозначного понимания прав супруга участника соответствующего юридического лица и обеспечения единообразного применения норм законодательства об общей совместной собственности супругов представляется обоснованным: дополнить ст. 23 КоБС нормой, согласно которой общим имуществом супругов являются, в частности, приобретенные в период брака доли в уставных фондах хозяйственных обществ и товариществ; исключить из ч. 1 п. 3-1 ст. 259 ГК норму о необходимости признания в судебном порядке за супругом участника хозяйственного общества права на причитающуюся ему часть доли его супруга в уставном фонде соответствующего товарищества или общества при разделе имущества, находящегося в совместной собственности супругов, а также предусмотреть возможность включения супруга участника в состав участников в соответствии с положениями устава, в котором может быть предусмотрена необходимость получения согласия на это остальных участников общества или товарищества.

Относительно применения в нотариальной практике норм законодательства о семейном капитале следует отметить неопределенность общего подхода законодателя к вопросам рас-

поряжения средствами семейного капитала и недвижимым имуществом, приобретенным за счет данного капитала. Полагаем наиболее обоснованным подход, согласно которому средства семейного капитала, а также недвижимое имущество, приобретенное за счет таких средств, не относятся к общей совместной собственности супругов, а принадлежат членам семьи, которые учитывались при назначении семейного капитала, на праве общей долевой собственности. В целях закрепления данной позиции следует: уточнить нормы указов № 572 и № 345 путем четкого определения субъектов, которые обладают правом собственности в отношении средств семейного капитала и недвижимого имущества, приобретаемое с использованием средств семейного капитала; дополнить ст. 23 КоБС указанием на то, что средства семейного капитала и имущество, приобретаемого с использованием средств семейного капитала, не относятся к общей совместной собственности супругов.

Поскольку в положениях Указа № 382 отсутствуют специальные нормы, определяющие механизм реализации прав супруга как участника общей совместной собственности в случае приобретения жилищных строительных сбережений за счет имущества, принадлежащего супругам на праве общей совместной собственности, представляется обоснованным отнесение таких жилищных строительных сбережений к общей совместной собственности супругов. При этом вопрос о реализации прав супруга как участника общей совместной собственности в случае раздела общего имущества супругов (в том числе ввиду смерти одного из супругов) должен быть уточнен в Указе № 382 и урегулирован в актах законодательства, принимаемых в целях принятия мер по реализации данного указа. Также полагаем необходимым дополнить ст. 23 КоБС нормой, согласно которой общим имуществом супругов являются, в частности, приобретенные в период брака жилищные строительные сбережения.

Список цитируемых источников

1. *Ивахненко, С. Н.* Актуальные проблемы определения состава общей совместной собственности супругов по законодательству Российской Федерации / С. Н. Ивахненко // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2019. — № 1. — С. 28—31.
2. *Моисеева, Т. М.* Совместная собственность супругов и (или) общее имущество супругов: анализ современного семейного и гражданского права / Т. М. Моисеева // *Актуальные проблемы российского права.* — 2017. — № 5. — С. 131—136.
3. *Левушкин, А. Н.* Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица / А. Н. Левушкин // *Журн. рос. права.* — 2016. — № 3. — С. 47—55.
4. *Гонгало, Б. М.* Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота [Электронный ресурс] / Б. М. Гонгало // *Проблемы развития частного права : сб. ст. к юбилею Владимира Саурсевича Ема / С. С. Алексеев [и др.] ; отв. ред.: Е. А. Суханов, Н. В. Козлова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс».* — М., 2021.
5. *Корягина, А. В.* История развития понятия доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / А. В. Корягина // *Предпринимат. право.* — 2012. — № 4. — С. 17—22.
6. *Салей, Е. А.* Осуществление прав наследниками участника хозяйственного общества: доктрина и проблемы практической реализации / Е. А. Салей, Ю. А. Шуба // *Право.by.* — 2020. — № 1. — С. 27—32.
7. *Ананич, С. М.* Права супруга на долю в уставном фонде хозяйственного общества или товарищества по законодательству Республики Беларусь / С. М. Ананич // *Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / Ю. В. Абрамов [и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин.* — М. : Проспект, 2020. — С. 273—284.
8. *Чашкова, С. Ю.* Доля в уставном капитале ООО как общее имущество супругов: позиции судебной практики / С. Ю. Чашкова // *Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин.* — М. : Проспект, 2021. — С. 330—342.
9. *Илюшина, М. Н.* Права супругов на долю в обществе с ограниченной ответственностью: проблемы перехода и оформления / М. Н. Илюшина // *Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин.* — М. : Проспект, 2020. — С. 294—304.
10. *Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.* — Минск, 2021.
11. *О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-ХП // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.* — Минск, 2021.

12. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

13. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 дек. 2014 г., № 572 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

14. О семейном капитале [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 сент. 2019 г., № 345 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

15. О государственной системе жилищных строительных сбережений [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 окт. 2020 г., № 382 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

16. Положение о порядке и условиях назначения, финансирования (перечисления), распоряжения и использования средств семейного капитала [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 24 февр. 2015 г., № 128 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

Поступила в редакцию 27.09.2021.

Репозиторий Бар

УДК 341.9.018

А. А. Богустов, кандидат юридических наук, доцентУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
пер. Доватора, 3/1, 230012 Гродно, Республика Беларусь, +375 (0152) 39 86 01, bogustow@mail.ru

ВОПРОСЫ КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПРОЕКТАХ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА СССР

В статье исследуются вопросы правового регулирования международных частноправовых отношений в проектах Гражданского кодекса СССР. Автор анализирует значимость этих документов для дальнейшего развития отечественного законодательства о международном частном праве. В статье дана характеристика основных положений проектов Гражданского кодекса СССР по проблемам международного частного права. При написании статьи использованы общенаучные диалектические методы познания: анализа и синтеза, дедукции и индукции. В ходе исследования также применялись частно-научные методы юриспруденции: формально-догматический, юридического толкования, историко-правовой, сравнительно-правовой и др. Значение проведенного исследования состоит в том, что оно восполняет существующий в современной науке международного частного права пробел относительно истоков формирования механизмов коллизионно-правового регулирования в отечественном законодательстве.

Ключевые слова: коллизионно-правовая норма; международное частное право; кодификация; проект Гражданского кодекса СССР; советское право.

Библиогр.: 16 назв.

A. A. Bogustov, PhD in Law, Associate Professor

Educational institution "Yanka Kupala State University of Grodno",

3/1-116 Dovatora Ln., 230012 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (0152) 39 86 01 bogustow@mail.ru

CONFLICT-OF-LAWS ISSUES IN THE PROJECTS OF THE CIVIL CODE OF THE USSR

The article examines the issues of legal regulation of international private law relations in the projects of the Civil Code of the USSR. The author analyzes the significance of these documents for the further development of domestic legislation on international private law. The article presents the characteristics of the main provisions of the projects of the Civil Code of the USSR on the problems of international private law. The author used general scientific dialectical methods of cognition: analysis and synthesis, deduction, and induction. The research also included private scientific methods of jurisprudence: formal dogmatic, legal interpretation, historical legal, and comparative legal. The importance of the study is that it fills a gap in the current science of international private law regarding the origins of conflict-of-laws mechanisms in domestic law.

Key words: conflict-of-laws rule; international private law; codification; projects of Civil code of the USSR; Soviet law.

Ref.: 16 titles.

Введение. Одним из направлений дальнейшего развития частного права Республики Беларусь и государств евразийского региона выступает совершенствование коллизионно-правового регулирования отношений, осложненных иностранным элементом. Можно согласиться с мнением Н. В. Оксютчика, который указывал, что международное частное право «переживает один из наиболее бурных этапов своего развития, характеризующийся его растущей ролью как важнейшего инструмента, позволяющего находить выход из сложнейших юридических коллизий при сохранении многообразия национальных правовых систем» [1, с. 1]. Однако эволюция правового регулирования в какой-либо сфере невозможна без учета имеющегося исторического опыта. Для всех государств евразийского региона, включая Рес-

публику Беларусь, определенный интерес представляет советский этап развития международного частного права, выступивший фундаментом для формирования национальных правовых систем в данной области. На наш взгляд, в связи с этим достойны анализа положения проектов Гражданского кодекса СССР (далее — проект ГК). Значимость данных документов обусловлена тем, что в них впервые в отечественном законодательстве была предпринята попытка закрепить систему коллизионных норм (хотя и достаточно неполную с современной точки зрения) на уровне кодифицированных актов.

Материалы и методы исследования. Подходы советского законодательства и доктрины к проблемам международного частного права в последние годы достаточно часто выступают предметом научного исследования. Это касается как общей проблематики международного частного права (например, статьи Е. Л. Константиновой [2, с. 84—98], Ч. А. Туратбековой [3, с. 198—202] и других авторов), так и его отдельных институтов (например, работы О. Г. Григорьевой [4, с. 19—22], Т. В. Новиковой [5, с. 123—130], Г. А. Сорокина [6, с. 40—51] и иных исследователей). Однако положения проектов ГК не затрагиваются современными учеными. Восполнить этот пробел и призвана настоящая статья.

В ходе подготовки данной работы автором были использованы общенаучные диалектические методы познания: анализа и синтеза, дедукции и индукции. В ходе исследования также применялись частно-научные методы юриспруденции: формально-догматический, юридического толкования, историко-правовой, сравнительно-правовой и др.

Результаты исследования и их осуждение. Разработка проектов ГК СССР была вызвана тем, что в соответствии с п. «х» ст. 14 Конституции СССР 1936 года [7] принятие гражданского кодекса относилось к ведению Союза ССР. Всего было подготовлено пять вариантов проекта (1939, 1940, 1947, 1948, 1951). В пояснительных материалах к довоенным проектам содержалась информация о составе редакционной комиссии [8, с. 2—3; 9, с. 2], в которую входили Я. Ф. Миколенко (председатель), М. М. Агарков, Д. М. Генкин, К. А. Граве, С. Н. Братусь, М. В. Зимелева и В. И. Серебровский.

Предполагалось, что ГК СССР не просто подтвердит положения действовавшего в это время гражданского законодательства, но и значительно его усовершенствует, приведя в соответствие с изменившимися общественными отношениями. Высказывалось мнение, что действовавший в это время ГК РСФСР «крайне устарел и отстал от требований жизни» [10, с. 47], а также отмечалось, что в ГК СССР должны «получить выражение все те изменения в общественно-производственных отношениях, регулируемых гражданским правом, которые произошли за четверть века действия ГК РСФСР и гражданских кодексов других союзных республик, но вплоть до последнего времени не получили в этих кодексах полного отражения» [11, с. 7]. К числу новелл гражданского законодательства, которые должны были найти отражение в ГК СССР в полной мере, можно отнести закрепление коллизионно-правовых механизмов правового регулирования.

Ни один из подготовленных проектов ГК так и не обрел юридической силы до момента, когда их разработка лишилась правовых оснований. В 1957 году в Конституцию СССР были внесены изменения, которые отнесли принятие ГК к компетенции союзных республик.

Статьи, призванные решить коллизионную проблему, содержались в законах о введении ГК СССР в действие (далее — вводный закон), предварявших проекты ГК 1947 [12] и 1948 [13] годов. Во вводном законе ГК 1951 года [14] имелась лишь одна статья подобного содержания. Однако отдельные нормы международного частного права могли содержаться и непосредственно в текстах проектов ГК. Например, во всех проектах ГК закреплялось правило о том, что авторские права иностранцев на произведения, появившиеся или находящиеся за границей, в объективной форме признаются в СССР лишь при наличии специального международного соглашения (ст. 620 проекта ГК 1939 года, ст. 591 проекта ГК 1940 года, ст. 573 проекта ГК 1947 года, ст. 608 проекта ГК 1948 года, ст. 677 проекта ГК 1951 года).

Несмотря на немногочисленность норм международного частного права, в этих документах сама попытка сведения их воедино и закрепления в актах подобного уровня являлась существенным шагом в коллизионно-правовом регулировании и имела определенное значение для дальнейшего развития законодательства в данной области.

Это связано с тем, что коллизионные нормы, содержащиеся в действующем на тот момент законодательстве, были фрагментарны и разрознены. А. Н. Макаров, анализируя современное ему право, отмечал, что «число их исключительно не велико: Постановление ВЦИК о введении в действие Гражданского кодекса РСФСР включает в себе коллизионную норму о дееспособности юридического лица (прим. 1 и 2 к ст. 8), Кодекс об актах гражданского состояния — норму о дипломатическом браке (прим. 1 к ст. 53) и об отправлении функций опекунов учреждений в отношении проживающих за границей российских граждан (прим. к ст. 185), Гражданский процессуальный кодекс — норму о форме юридических сделок и об обязательном праве (ст. 7). Во внутреннем законодательстве РСФСР мы других коллизионных норм, кроме перечисленных, не найдем» [15, с. 14—15]. Можно сделать вывод, что проекты ГК заложили существующую до настоящего времени в отечественном праве традицию включения норм международного частного права в содержание гражданских кодексов.

Определенное проектами ГК место коллизионно-правовых норм в системе законодательства позволяет говорить о некотором влиянии, оказанном на данные документы зарубежным законодательством. Можно найти определенное сходство с системой, использовавшейся в немецком праве. Важной особенностью Германского гражданского уложения 1896 года, отличавшей его от существовавших тогда кодексов, явилось то, что нормы международного частного права «были вынесены за его пределы и помещены в закон о введении уложения в действие (ст. 7—31)» [15, с. 12].

Можно выделить несколько принципиальных особенностей, характеризующих подходы проектов ГК к регулированию отношений, осложненных иностранным элементом.

Во-первых, все коллизионные нормы в проектах ГК носили императивный характер. Это явилось частным проявлением главенствующего принципа, на котором должно было основываться регулирование всех гражданско-правовых отношений. По замечанию Д. М. Генкина, в плановом социалистическом обществе установка, связанная с предоставлением сторонам возможности устанавливать иные, чем предусмотренные в законе, права и обязанности «...как правило, неприемлема. Нормы Гражданского кодекса должны презумироваться как императивные, отступление от которых по соглашению сторон, как правило, недопустимо» [16, с. 32]. Например, в ст. 14 вводного закона 1947 года было установлено, что «отступление от правил Гражданского кодекса СССР по воле лиц, совершающих сделку, возможно только в случаях, допущенных Гражданским кодексом СССР».

Во-вторых, в проектах ГК достаточно часто использовались односторонние коллизионные нормы, закреплявшие приоритет советского законодательства при регулировании отношений, осложненных иностранным элементом. Например, в виде общего правила предусматривалось, что иностранцы в СССР пользуются гражданской правоспособностью наравне с гражданами СССР (ч. 1 ст. 7 вводного закона 1947 года и ч. 1 ст. 9 вводного закона 1948 года). Из ч. 2 и 3 ст. 10 вводного закона 1947 года следовало, что место совершения договора определяется по советскому закону, а к договорным обязательствам между гражданами или юридическими лицами СССР применяется советский закон независимо от места совершения договора. Кроме того, закреплялась достаточность соблюдения требований советского законодательства в отношении формы для признания действительной сделки, совершенной за границей (ч. 1 ст. 11 вводного закона 1947 года и ч. 1 ст. 15 вводного закона 1948 года). Вводный закон 1947 года установил решение вопроса об исковой давности по советскому закону независимо от того, какому закону подчинено правоотношение, по которому вопрос возник (ст. 12). Также советскому праву подчинялось наследование строений, находившихся в СССР (ч. 2 ст. 14 вводного закона 1948 года).

В-третьих, необходимо отметить использование принципа взаимности. Например, из анализа ст. 11 вводного закона 1948 года следует, что этот принцип предполагалось использовать при решении вопроса о признании прав юридического лица в СССР за иностранными организациями. При этом предполагалось, что деятельность иностранных юридических лиц на территории СССР будет осуществляться только при наличии специального разрешения. Но за юридическими лицами, не имеющими подобного разрешения, право на судебную защиту признавалось на началах взаимности (ч. 4 ст. 8 вводного закона 1947 года, ст. 12 вводного закона 1948 года).

Вводный закон 1951 года, закрепивший возможность признания гражданских прав иностранных граждан лишь при наличии специального международного соглашения, тем не менее установил допустимость признания таких прав на началах взаимности (ч. 2 ст. 7).

Кроме того, проекты ГК предусматривали, что иностранные граждане пользуются правами на изобретения наравне с гражданами СССР на началах взаимности (ст. 677 проекта ГК 1939 года, ст. 650 проекта ГК 1940 года, ст. 738 проекта ГК 1951 года).

Заключение. Значение проектов ГК СССР для развития системы источников международного частного права состоит в том, что они заложили существующую до настоящего времени в отечественном праве традицию включения норм международного частного права в содержание гражданских кодексов.

Определенное проектами ГК место коллизионно-правовых норм в системе законодательства позволяет говорить о влиянии, оказанном на данные документы зарубежным и прежде всего немецким законодательством. Это служит одним из проявлений того, что советское законодательство и наука международного частного права не были полностью изолированы от воздействия иностранной доктрины и тенденций развития нормативного регулирования данной области отношений в зарубежных странах.

К числу принципиальных особенностей, характеризующих подходы проектов ГК к регулированию отношений, осложненных иностранным элементом, можно отнести использование императивных коллизионных норм, широкое применение односторонних коллизионных норм и принципа взаимности.

Список цитируемых источников

1. Оксютчик, Н. В. Принципы международного частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. В. Оксютчик ; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2020. — 25 с.
2. Константинова, Е. Л. Исторические и идеологические аспекты развития науки отечественного международного частного права после Второй мировой войны / Е. Л. Константинова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. — 2019. — Т. 10, № 1. — С. 84—98.
3. Туратбекова, Ч. А. Коллизионное право СССР как основа современного коллизионного права Кыргызстана / Ч. А. Туратбекова // Вестн. Таджик. нац. ун-та. Сер. соц.-экон. и обществ. наук. — 2019. — № 2. — С. 198—202.
4. Григорьева, О. Г. Понятие международной правовой помощи по гражданским делам в юридической науке советского государства / О. Г. Григорьева // Проблемы экономики и юридической практики. — 2013. — № 6. — С. 19—22.
5. Новикова, Т. В. Истоки признания в отечественном законодательстве автономии воли как принципа международного частного права / Т. В. Новикова // Сев.-Кавказ. юрид. вестн. — 2021. — № 2. — С. 123—130.
6. Сорокин, Г. А. Приведение законодательства СССР в соответствие с Йорк-Антверпенскими правилами 1924 г. / Г. А. Сорокин // Уч. зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. — 2017. — Т. 3 (69), № 4. — С. 40—51.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. — М. : Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. — 32 с.
8. Проект Гражданского кодекса Союза ССР: предварительный вариант / Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. — М., 1939. — 261 с.
9. Проект Гражданского кодекса Союза ССР: второй предварительный вариант / Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ Союза ССР. — М., 1940. — 258 с.

10. *Братусь, С. Н.* 25 лет Гражданского кодекса РСФСР и некоторые проблемы разработки Гражданского кодекса СССР / С. Н. Братусь // V Научная конференция, посвященная тридцатилетию советского государства и права : тез. докл., 4—10 дек. 1947 г. / Воен.-юр. акад. Вооруж. сил СССР. — М. : Изд-во РИО ВЮА, 1947. — С. 47—51.
11. *Венедиктов, А. В.* К проекту Гражданского кодекса СССР / А. В. Венедиктов // Социалист. законность. — 1947. — № 1. — С. 7—11.
12. Проект Гражданского кодекса Союза ССР. — М. : Изв. Советов депутатов трудящихся СССР, 1947. — 164 с.
13. Проект Гражданского кодекса Союза Советских Социалистических Республик. — М., 1948. — 163 с.
14. Проект Гражданского кодекса Союза Советских Социалистических Республик. — М., 1951. — 191 с.
15. *Макаров, А. М.* Основные начала международного частного права / А. М. Макаров. — М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1924. — 146 с.
16. *Генкин, Д. М.* Содержание и система Гражданского кодекса СССР / Д. М. Генкин // Социалист. законность. — 1946. — № 11—12. — С. 30—34.

Поступила в редакцию 09.09.2021.

УДК 347.774

М. А. Трушко

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», пр-т Партизанский, 26,
220070 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 809 82 48, mariacato@mail.ru

ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ И ДРУГИЕ СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА: СООТНОШЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

В научной статье исследована проблема разрешения конфликта прав на фирменное наименование с правами на другие средства индивидуализации участников гражданского оборота, в частности, товарным знаком, определены соотношение и основные принципы разрешения конфликтов таких прав. Для решения указанной проблемы дано определение понятию «фирменное наименование», а также исследовано содержание понятий «товарный знак», «географическое указание», «наименование места происхождения товара», «коммерческое обозначение». Автором проведен анализ структуры исследуемых средств индивидуализации участников гражданского оборота методом выделения аналогичных и разнородных черт. Уяснено содержание исключительного права на указанные средства индивидуализации. Исследованы причины возникновения конфликта прав владельцев различных средств индивидуализации. Предлагаются альтернативные способы разрешения конфликта прав на фирменное наименование с правами на другие средства индивидуализации со ссылкой на нормы национального и международного законодательства.

Ключевые слова: фирменное наименование; средства индивидуализации участников гражданского оборота; товарный знак; географическое указание; наименование места происхождения товара; коммерческое обозначение.

Библиогр.: 23 назв.

M. A. Trushko

Belorussian State Economic University, 26 Partizanski Ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus,
+375 (29) 809 82 48, mariacato@mail.ru

TRADE NAME AND OTHER MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF PARTICIPANTS IN CIVIL COMMERCE: RATIO AND BASIS OF CONFLICT RESOLUTION

The scientific article investigates the problem of resolving the conflict of rights to a trade name with the rights to other means of individualization of participants in civil commerce, in particular, a trademark. The ratio and basic principles of resolving conflicts of such rights are determined. To solve this problem, a definition of the concept “trade name” is given, and the content of the terms “trademark”, “geographical indication”, “appellation of origin of goods”, “commercial designation” has also been studied. The author analyzed the structure of the studied means of individualization of participants in civil turnover by identifying similar and heterogeneous features. The content of the exclusive right to these means of individualization has been clarified. The reasons for the conflict of rights of owners of various means of individualization are investigated. Alternative ways of resolving the conflict of rights to a trade name with rights to other means of individualization are proposed with reference to the norms of national and international legislation.

Key words: trade name; means of individualization of participants in civil commerce; trademark; geographical indications; appellation of origin; commercial designation.

Ref.: 23 titles.

Введение. Среди средств индивидуализации участников гражданского оборота фирменное наименование и товарный знак являются наиболее распространенными и используемыми средствами, поэтому коммерческие организации, осуществляющие в действительности свои права на указанные средства индивидуализации, нередко сталкиваются с конфликтами таких прав.

Прежде чем обратиться к принципам разрешения таких конфликтов, следует уяснить сущность данных средств индивидуализации, рассмотрев их основные черты, сходство и различие.

Материалы и методы исследования. Фирменное наименование на сегодня является одним из наименее разработанных и малоисследованных в отечественной юридической науке объектов гражданских прав. Как отметил в своей работе С. С. Лосев: «понимание необходимости специальной охраны фирменных наименований появилось во второй половине XIX века, при этом данный вопрос стал актуальным не только на национальном, но и на международном уровне» [1]. В 1883 году была подписана Парижская конвенция по охране промышленной собственности, которая и в настоящее время является основным международным договором в области охраны изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, товарных знаков и фирменных наименований за пределами национальной юрисдикции [2, с. 17]. В ее текст была включена отдельная статья, посвященная охране фирменных наименований, а сами фирменные наименования названы в числе объектов охраны промышленной собственности.

Вместе с этим, отдельные вопросы, относящиеся к проблемам правового регулирования фирменного наименования, нашли свое отражение в трудах некоторых цивилистов, таких как: Г. Е. Авилов, Х. Э. Бахчисарайцев, М. Е. Бобров, Г. Боденхаузен, А. В. Брызгалин, М. С. Венецианов, А. В. Воднев, В. Ю. Вольф, Э. П. Гаврилов, А. Х. Гольмстен, О. А. Городов, Е. Н. Данилова, В. А. Дозорцев, И. Дуссан, А. И. Каминка, Д. А. Колбасин, С. С. Лосев, Д. И. Мейер, Л. Ж. Морандьер, В. В. Розенберг, А. П. Сергеев, В. М. Сергеев, О. А. Степанова, В. А. Удинцев, Я. И. Функ, П. П. Цитович, В. Ф. Чигир, Г. Ф. Шершеневич, В. Н. Шретер и др.

Представляется целесообразным отметить также и то, что в Российской Федерации, в отличие от Республики Беларусь, проблемам правового регулирования фирменного наименования в современности уделяется значительно больше внимания. Это подтверждается защитными диссертациями по вопросам регулирования фирменных наименований (В. В. Орлова [3], В. В. Голофаев [4], В. Ю. Бузанов [5], Я. А. Карунная [6], С. М. Ильин [7], Т. В. Записная [8], Д. Ю. Чежия [9], А. Б. Иванов [10] и др.).

Автор статьи при ее написании использовал диалектический, исторический, формально-логический, сравнительно-правовой, системный и другие методы научного познания.

Результаты исследования и их обсуждение. Описывая наиболее исследованное в науке права средство индивидуализации, а именно товарный знак, следует отметить, что товарный знак (знак обслуживания) традиционно считается наиболее ценным и выразительным средством индивидуализации, нематериальным благом, максимально выполняющим функцию индивидуализации конкретного коммерческого продукта. Широкие возможности товарного знака, предусмотренный законодательством формат его охраны позволяют использовать товарный знак в привычном для всех понимании как обозначение, размещаемое на товарах либо указывающее на определенные услуги, а также, например, как средство защиты названий творческих коллективов, телевизионных передач и т. д. Более того, товарный знак может заменять собой промышленный образец (когда в качестве товарного знака регистрируется дизайн товара), сосуществовать на рынке со схожим фирменным наименованием и т. д. Наконец, само по себе использованное в качестве товарного знака изображение нередко может рассматриваться как произведение, охраняемое авторским правом. С учетом этих особенностей права на товарный знак могут либо дополнять права на другие объекты интеллектуальной собственности, либо вступать с ними в конфликт, если указанная специфика товарного знака не принимается его владельцем во внимание.

Как известно, в Республике Беларусь в качестве товарного знака могут быть зарегистрированы практически любые обладающие различимой способностью обозначения, представленные в той или иной графической форме: словесные, включая имена собственные, буквенные, цифровые, изобразительные, сочетания цветов, объемные обозначения, включая форму товара или его упаковку, а также комбинации таких обозначений. В других странах можно

также встретить регистрацию товарных знаков в виде мелодий, запахов или объектов в движении, однако сейчас это не является общепринятой практикой.

Рассматривая же фирменное наименование, следует отметить, что до настоящего времени национальным законодательством не закреплено легальное определение понятия «фирменное наименование». Однако возможно дать следующее его определение: «Фирменное наименование — это наименование коммерческой организации, служащее для ее индивидуализации, под которым она выступает в гражданском обороте».

Как видно из самих определений вышеуказанных объектов интеллектуальной собственности и средств индивидуализации, их различает, прежде всего, предназначение, т. е. непосредственная функция. В отличие от товарных знаков, фирменные наименования призваны индивидуализировать не товары, а самих участников гражданского оборота — их производителей, т. е. коммерческие организации.

Кроме того, необходимо отметить отличия в условиях, предъявляемых ко внешнему оформлению таких средств индивидуализации, т. е. непосредственные требования к их формированию. Фирменное наименование, в отличие от товарного знака и наименования места происхождения товара (далее — НМПТ), должно отвечать принципам истинности, новизны, исключительности, отличительности, пространства фирмы. Однако казахский правовед, исследователь объектов права промышленной собственности Т. Е. Каудыров полагает излишним применять термин «принципы» в отношении фирменных наименований, так как принципы в праве должны быть в нем же изложены в виде нормы. И отмечает, что «скорее всего, здесь можно вести речь об обязательных требованиях, предъявляемых к фирменным наименованиям» [11]. Мы также разделяем данную позицию и далее рассмотрим такие требования.

Прежде всего, наименование предприятия должно правдиво отражать его правовое положение и не вводить в заблуждение других участников гражданского оборота. В этой связи первостепенным является обязательное соблюдение требования истинности. Фирменное наименование должно содержать достоверное указание на организационно-правовую форму предприятия, его тип, профиль деятельности, личность владельца и т. п. Истинность фирменного наименования означает его информационную подлинность и безопасность.

Чтобы выполнять функцию индивидуализации участников гражданского оборота, фирменное наименование должно обладать отличительными свойствами, такими как новизна и исключительность. В своей монографии Т. Е. Каудыров отмечает, что: «каждое фирменное наименование должно быть уникальным в смысле принадлежности только одному владельцу и не должно повторять уже известных (зарегистрированных) фирменных наименований» [11]. Данное требование является наиболее сложным в плане практической реализации: не допускается использование тождественных фирменных наименований различными субъектами и, напротив, разрешается выступать в обороте хотя бы и под сходными, но не полностью совпадающими фирменными наименованиями.

Содержание исключительности фирменного наименования не ограничивается лишь сферой использования фирменных наименований. Наименование организации не должно совпадать также с принадлежащими третьим лицам товарными знаками и НМПТ. В данном случае, конечно, исключено полное совпадение рассматриваемых объектов, которые имеют не совпадающую друг с другом структуру. Однако недопустимым может оказаться и частичное их совпадение, если дело касается, например, субъектов хозяйствования одного профиля, действующих на одном и том же участке рынка [12, с. 587—590].

Касаемо самой структуры понятий, то, в отличие от товарного знака, в структуре фирменного наименования выделяются его составляющие (их две): обязательная (у товарного знака она отсутствует) и произвольная, или оригинальная (вымышленная). Обязательная часть включает указание на организационно-правовую форму юридического лица (например, унитарное предприятие), а также (в необходимых случаях) указание на собственника (например, республиканское) и основное направление деятельности (например, финансовая организация). Произвольная (оформленная в кавычки) часть представляет собой собственно наименование юридического лица (например, «Гомсельмаш»).

Фирменное наименование является особым объектом, его имеет каждая коммерческая организация. Оно регистрируется в Едином государственном регистре (далее — ЕГР) и в силу этого подлежит охране как объект интеллектуальной собственности. Наименование определяется при утверждении устава и регистрируется в рамках процедуры регистрации юридического лица. Органом, который осуществляет предварительное согласование фирменных наименований и ведет вышеназванный регистр, является Министерство юстиции Республики Беларусь.

У исключительного права на фирменное наименование также есть ряд особенностей. Во-первых, оно имеет прямую связь с самим юридическим лицом и при его ликвидации либо смене фирменного наименования утрачивается. Фирменное наименование (в отличие от товарного знака) не может быть уступлено другому лицу. Отчуждение (переход) права на фирменное наименование допускается лишь при реорганизации юридического лица или отчуждении предприятия как имущественного комплекса в целом.

Фирменное наименование охраняется в полном виде. Поэтому возможна ситуация, при которой обязательные части наименований различаются, а произвольные совпадают (например, ОАО «АВС» и РУП «АВС»). Чтобы защитить оригинальную часть фирменного наименования от использования другими лицами, целесообразно получить на него правовую охрану в качестве товарного знака. Такая возможность предусмотрена ст. 1014 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК Республики Беларусь), которая устанавливает, что фирменное наименование юридического лица может быть использовано в принадлежащем ему товарном знаке [13].

Если этого не сделать, то возможна ситуация, когда на рынке появятся фирменное наименование ОАО «АВС» и товарный знак «АВС», зарегистрированные на разных лиц. В случае их использования на однородных товарах или в одном сегменте рынка данные объекты могут привести к конфликту прав двух правообладателей.

Законом Республики Беларусь от 5 февраля 1993 года № 2181-ХІІ «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее — Закон о товарных знаках) предлагается модель разрешения такого конфликта посредством запрещения регистрации в качестве товарного знака известных на территории Республики Беларусь в отношении однородных товаров фирменных наименований (или их частей), принадлежащих другим лицам (п. 4 ст. 5 Закона о товарных знаках) [14]. Однако владельцу фирменного наименования следует учитывать, что такая «известность» определяется патентным органом, либо при возникновении спора — апелляционной инстанцией патентного органа, или судом. Соответственно, владельцу фирменного наименования придется доказать его известность (именно на дату приоритета обозначения, заявленного на регистрацию в качестве товарного знака), и исход конфликта владельца прав на фирменное наименование и владельца прав на товарный знак вполне может быть в пользу последнего. Процессуально владельцу прав на фирменное наименование необходимо будет добиться признания конфликтующей с его правами регистрации товарного знака недействительной, что связано с издержками в части времени разрешения спора и обусловленных этим финансовыми расходами.

На наш взгляд, на практике отсутствие точно определенных контуров механизма оценки известности фирменного наименования на территории Республики Беларусь обуславливает увеличение объема работы для органов, рассматривающих споры о столкновении прав на товарный знак с правами на фирменное наименование.

Причиной возникновения конфликта прав владельцев данных средств индивидуализации, по нашему мнению, является также отсутствие проверки в уполномоченных государственных органах на предмет возникновения коллизии прав еще на стадии регистрации товарных знаков и фирменных наименований. Так как в соответствии с белорусским законодательством при экспертизе обозначений, заявленных на регистрацию в качестве товарных знаков, не проверяется возможность нарушения существующих прав третьих лиц на фирменные наименования. По нашему мнению, возможным решением указанной проблемы является введение системы оппозиции при регистрации товарных знаков. Однако в настоящий момент по

поводу процедуры оппозиции ведутся оживленные дискуссии, поэтому вопрос о внедрении такой системы в жизнь является открытым.

Вместе с тем ключевые правила, позволяющие разрешить такие конфликты, изложены в ст. 4 и 5 Закона о товарных знаках, устанавливающих основания для отказа в регистрации для соответствующих обозначений, а если регистрация уже была произведена — основания для признания ее недействительной в соответствии со ст. 25 Закона о товарных знаках [14].

Что же касается непосредственно механизма разрешения конфликта при наличии «старших» прав на фирменное наименование, то при возникновении коллизии между правами на товарный знак и фирменное наименование другого лица правообладатель фирменного наименования может обратиться в Апелляционный совет при патентном органе (далее — Апелляционный совет) с возражением против предоставления правовой охраны товарному знаку. При этом лицо, подавшее возражение, должно представить доказательства того, что предоставление правовой охраны товарному знаку произведено в нарушение требований действующего законодательства.

При рассмотрении возражения в Апелляционном совете оценка охраноспособности обозначения, зарегистрированного в качестве товарного знака, осуществляется на дату приоритета товарного знака. Это говорит о том, что при подаче возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку следует руководствоваться законодательной базой, действующей на дату приоритета товарного знака [15].

Таким образом, анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что при нарушении права на фирменное наименование, которое возникло ранее даты приоритета товарного знака, одним из путей его защиты является подача возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку в Апелляционный совет. При этом необходимо правильно оценить подлежащие применению законодательные акты и сформулировать свою позицию, подкрепленную соответствующими доказательствами, с учетом предложенных законодателем условий выявления коллизии прав на товарный знак и фирменное наименование, принадлежащее другому лицу.

Если же владелец товарного знака сталкивается с его использованием другим лицом как составной частью фирменного наименования, размещаемого на однородных товарах, можно вести речь о нарушении прав на товарный знак, хотя законодательство однозначного толкования тому, как следует разрешать такой конфликт, не дает (в действительности второй субъект будет ссылаться на то, что он использует не товарный знак, а свое фирменное наименование). Статья 1013 ГК Республики Беларусь устанавливает лишь ограничение на возможность регистрации фирменного наименования юридического лица, похожего на уже зарегистрированное настолько, что это может привести к отождествлению соответствующих юридических лиц [13].

Как отмечает в своей статье В. П. Рачковский: «в таком случае следует учитывать, приводит ли способ размещения фирменного наименования на товаре к его смешению с товарами владельца товарного знака. Например, очевидным нарушением прав владельца товарного знака следовало бы считать его размещение владельцем сходного фирменного наименования на своей продукции в неизменном виде или явно доминирующем на товаре способом (выделение цветом, шрифтом, особым размещением и т. п.) той части фирменного наименования, тождественной зарегистрированному товарному знаку либо явно имитирующей его. Ведь в данном случае фактически будет использоваться не столько фирменное наименование, сколько под его прикрытием чужой товарный знак, что и потребует доказать владельцу товарного знака» [16, с. 16—17].

Таким образом, в настоящее время в белорусском законодательстве есть много пробелов в отношении разрешения конфликтов прав владельцев различных средств индивидуализации: отсутствие четких принципов и правил разрешения таких конфликтов.

Что же касается иностранных субъектов, то следует отметить, что иностранные фирменные наименования защищены в Республике Беларусь международными договорами. В частности, Парижской конвенцией по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, участницей которой является и Беларусь (вступила в силу для Республики Беларусь 25 де-

кабря 1991 года), оформлено правопреемство постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 марта 1993 года № 141 «О правопреемственности Республики Беларусь в отношении международных соглашений по вопросам охраны промышленной собственности») [17].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что фирменное наименование и товарный знак — два юридически независимых объекта интеллектуальной собственности с различной сущностью, структурой и выполняемыми функциями. Первый отвечает за индивидуализацию участника гражданского оборота, второй — за индивидуализацию самих товаров, работ или услуг. Однако в конечном итоге оба присутствуют на упаковке товара, бланках, рекламной продукции, используются в имени домена и т. д. И если эти объекты принадлежат разным лицам, работающим в одном сегменте товарного рынка, то они конкурируют между собой за право первенства.

В случае возникновения конфликта прав владельца фирменного наименования и товарного знака законодательство разрешает его в пользу объекта интеллектуальной собственности с более ранним приоритетом. Если «старше» право на фирменное наименование, то его владелец может оспорить в апелляционной инстанции патентного органа или суде действие регистрации товарного знака и добиться признания ее недействительной как воспроизводящей полностью или частично охраняемое на территории Беларуси фирменное наименование. И наоборот, если права у владельца товарного знака зарегистрированы раньше, то он может запретить его использование на товарах (при выполнении работ и оказании услуг), для которых зарегистрировано обозначение. В этом случае конкурент будет вынужден либо сменить фирменное наименование, либо сферу деятельности на другую, которая не пересекается с выпуском товаров, выполнением работ или оказанием услуг, в отношении которых товарный знак был зарегистрирован раньше, чем фирменное наименование.

Однако для решения этого спора потребуются и средства, и время. «Поэтому лучшее, что можно сделать, — по мнению В. П. Рачковского, это — предупредить возникновение конфликта, зарегистрировав свое фирменное наименование в качестве товарного знака. Имеет смысл регистрировать в качестве товарного знака не все фирменное наименование целиком, а лишь специальное, т. е. его оригинальную (оформленную в кавычки) часть, которая и выполняет функцию индивидуализации юридического лица. Во многих случаях оно также является и основным обозначением, под которым выпускается продукция конкретного субъекта, т. е. фактически выполняет функцию товарного знака» [18, с. 19].

Рассматривая другие средства индивидуализации, следует сказать о географическом указании. Под географическим указанием понимается обозначение, которое идентифицирует товар как происходящий с территории определенного географического объекта, если качество, репутация или иные характеристики товара в значительной степени обусловлены его географическим происхождением. Статья 1024 ГК Республики Беларусь как частный случай географического указания включает понятие «НМПТ» [13], которое, по сути, является товарным знаком, но имеет свои специфические черты. Чтобы использовать НМПТ, необходимо, чтобы особые, уникальные качества товара (вкус, запах, качество, удобство, долговечность и пр.) зависели от особых природных условий этого географического места либо от особой квалификации мастеров (например, бургундское вино, сталь из Дамаска).

Понимая, что эти особые свойства являются важнейшим фактором спроса на конкретные товары, в целях защиты интересов потребителей в получении оригинального качественного товара введена правовая охрана НМПТ. Суть ее заключается в том, что патентный орган регистрирует НМПТ при обращении к нему первого из производителей, находящихся в конкретном географическом объекте, а также право данного субъекта пользоваться этим наименованием. Затем патентный орган предоставляет право использования этого наименования любому производителю, находящемуся в данном географическом объекте и отказывает тем, кто производит аналогичные товары, но не находится в этой местности.

Объем исключительных прав обладателя свидетельства на НМПТ более узок, чем у обладателя исключительного права на товарный знак. Полномочия в отношении географического указания содержатся в ст. 1025, 1026 ГК Республики Беларусь и ст. 2, 3 Закона Республики Беларусь «О географических указаниях». Они сводятся к использованию на товаре, упаковке, в рекламе, проспектах, счетах, а также иным образом в связи с введением товара в гражданский оборот. Уступка права пользования географическим указанием и предоставление права пользования им на основании лицензии не допускаются [19]. В этом главная особенность режима использования НМПТ и основное отличие от правомочий в отношении товарного знака [20, с. 10—12].

Различные средства индивидуализации по желанию правообладателя могут использоваться в различных сочетаниях в целях усиления их индивидуализирующего воздействия на потребителей. Это выражается, в частности, и в соотношении прав на фирменное наименование с правами на другие средства индивидуализации.

Например, в Российской Федерации и фирменное наименование в целом, и его отдельные элементы могут использоваться правообладателем в составе принадлежащего ему коммерческого обозначения. Коммерческим обозначением (на которое также устанавливается исключительное право) здесь признается обозначение, не являющееся фирменным наименованием и не подлежащее включению в учредительные документы и ЕГР. Оно используется всеми лицами, на законных основаниях осуществляющими предпринимательскую деятельность: коммерческими, некоммерческими организациями, а также индивидуальными предпринимателями. Коммерческое обозначение индивидуализирует не субъекта, а объект права, особый вид недвижимости, именуемый предприятием как имущественным комплексом (торговым, промышленным, транспортным и иным), используемым только для осуществления предпринимательской деятельности в смысле ст. 132 Гражданского кодекса Российской Федерации [21].

Фирменное наименование, будучи включенным в коммерческое обозначение, в правовом отношении не поглощается им. Оно по-прежнему охраняется как средство индивидуализации субъекта права — юридического лица, независимо от охраны коммерческого обозначения, в состав которого оно включено. Примером коммерческого обозначения могло бы послужить название известного по кинофильму кафе «Три тополя на Плющихе» или ресторана «Арагви» и фабрики «Трехгорная мануфактура (Трехгорка)».

Как отмечает в своей работе И. А. Зенин: «фирменное наименование в целом, так и его отдельные элементы могут использоваться правообладателем также в принадлежащем ему товарном знаке и знаке обслуживания» [22, с. 296—297].

Ссылаясь на проведенный анализ содержания понятий «фирменное наименование» и «коммерческое обозначение» в Российской Федерации, С. Р. Рабаданов в своей научной статье приходит к следующему выводу: «фирменное наименование представляет собой имя коммерческой организации, а коммерческое обозначение служит для идентификации используемого в предпринимательской деятельности имущественного комплекса — предприятия» [23, с. 100]. Данный вывод поддерживается автором настоящего исследования.

Заключение. Нормы белорусского действующего законодательства в случае возникновения конфликта прав владельца фирменного наименования и товарного знака разрешают его в пользу объекта интеллектуальной собственности, обладающего более ранней датой приоритета.

При нарушении права на фирменное наименование, которое возникло ранее даты приоритета товарного знака, одним из путей его защиты является подача возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку в Апелляционный совет. При этом необходимо правильно оценить подлежащие применению законодательные акты, действующие на дату приоритета товарного знака, и сформулировать свою позицию, подкрепленную соответствующими доказательствами, с учетом предложенных законодателем условий выявления коллизии прав на товарный знак и фирменное наименование, принадлежащее другому лицу.

Для защиты оригинальной части фирменного наименования от использования другими лицами целесообразно получить на фирменное наименование охрану и в качестве товарного знака, что позволит избежать конфликта этих двух объектов интеллектуальной собственности и оградит коммерческую организацию от недобросовестной конкуренции.

Список цитируемых источников

1. *Лосев, С. С.* Фирменное наименование как объект интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : [по сост. на 11.07.2019 г.] / С. С. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.
2. *Боденхаузен, Г.* Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий : пер. с франц. Н. Л. Тумановой / под ред. М. М. Богуславского. — М. : Прогресс, 1977. — 377 с.
3. *Орлова, В. В.* Соотношение прав на фирменное наименование и товарный знак : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. В. Орлова ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. — М., 1998. — 33 с.
4. *Голофаев, В. В.* Фирменное наименование коммерческих организаций : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. В. Голофаев. — Екатеринбург, 1999. — 192 с.
5. *Бузанов, В. Ю.* Правовой режим фирменных наименований в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. Ю. Бузанов ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 2003. — 16 с.
6. *Карунная, Я. А.* Правовая природа средств индивидуализации коммерческих организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Я. А. Карунная ; Ин-т философии и права СО РАН. — Новосибирск, 2005. — 28 с.
7. *Ильин, С. М.* Правовой режим средств индивидуализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. М. Ильин ; Волгоград. акад. МВД России. — Волгоград, 2006. — 24 с.
8. *Записная, Т. В.* Правовое регулирование использования фирменного наименования и коммерческого обозначения в гражданском законодательстве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Т. В. Записная ; Кубан. гос. аграр. ун-т. — Краснодар, 2007. — 23 с.
9. *Чежия, Д. Ю.* Гражданско-правовая охрана фирменных наименований : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. Ю. Чежия ; Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 2007. — 23 с.
10. *Иванов, А. Б.* Фирменное наименование как средство индивидуализации субъектов предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Б. Иванов ; Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. — М., 2010. — 33 с.
11. *Каудыров, Т. Е.* Гражданско-правовая охрана объектов промышленной собственности в Республике Казахстан [Электронный ресурс] / Т. Е. Каудыров. — Режим доступа: <http://bibliotekar.kz>. — Дата доступа: 01.03.2021.
12. *Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации* : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби : Проспект, 2006. — 752 с.
13. *Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]* : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2021 г. № 95-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
14. *О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс]* : Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
15. *Маханькова, Е. Н.* Товарный знак и фирменное наименование: особенности разрешения конфликта при столкновении прав [Электронный ресурс] / Е. Н. Маханькова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
16. *Рачковский, В. П.* Соотношение и взаимодействие прав на товарный знак с другими объектами интеллектуальной собственности / В. П. Рачковский // Интеллектуальная собственность в Беларуси. — 2009. — № 2. — С. 16—17.
17. *О правопреимственности Республики Беларусь в отношении международных соглашений по вопросам охраны промышленной собственности [Электронный ресурс]* : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 марта 1993 г., № 141 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
18. *Рачковский, В. П.* Товарный знак: конфликты и взаимодействие прав / В. П. Рачковский // Интеллектуальная собственность в Беларуси. — 2012. — № 4. — С. 19—21.
19. *О географических указаниях [Электронный ресурс]* : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2002 г., № 127-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

20. Кадырбекулы, М. А. Фирменное наименование юридического лица как объект гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. А. Кадырбекулы ; Кыргыз. нац. ун-т им. Ж. Баласагына. — Бишкек, 2012. — 25 с.

21. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : в ред. Закона Рос. Федерации от 31.07.2020 г. № 251-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2021.

22. Зенин, И. А. Право интеллектуальной собственности : учебник / И. А. Зенин. — М. : Юрайт, 2011. — Сер. «Магистр». — 567 с.

23. Рабаданова, С. Р. Проблемы соотношения фирменных наименований и коммерческих обозначений как средств индивидуализации коммерческих организаций / С. Р. Рабаданова // Всерос. журн. науч. публ. — 2011. — № 1. — С. 98—100.

Поступила в редакцию 01.03.2021.

Репозиторий БарГУ

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, цифровых данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области исторических наук и археологии, экономических и юридических наук; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов и докторантов последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным изданиям Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Публикация статей в журнале бесплатная на основании заключённого договора о передаче исключительных прав на объект авторского права.

Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of history of science and archaeology, economic science and law; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research.

Publication of articles is free of charge in accordance with the existing contract on transfer of authority to the subject matter of copyright.

More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).